

Подорожник

Краеведческий альманах

Выпуск 11

Редактор-составитель

В.К. Белобородов

Тюмень
Мандр и Ка^а
2010

ББК 63.3 (2Рос-6Хан)

П 44

П 44 Подорожник : краеведческий альманах / сост. Валерий Белобородов. — Тюмень : Мандр и К^а, 2010. — Вып. 11. — 276 с. + ил. 10 с.

© Белобородов В.К. (автор идеи), 2002.

© Белобородов В.К. (составление), 2009.

© Дыба-сын В.В. (обложка), 2005.

© Мандр и К^а (оформление), 2009.

ISBN 5-93020-438-1

Как награда разошлась с героем

Не зная себе равных деятельность священника Ивана Яковлевича Тверитина на севере Тобольской губернии в 1850—1860-е гг. с самого начала привлекала к себе внимание как начальства Тобольской губернии и Западно-Сибирского генерал-губернаторства, так и российских ученых обществ — Вольного экономического, Русского географического, Казанского экономического, Московского общества сельского хозяйства. В селе Юганском близ г. Сургута, где Тверитин был настоятелем Богоявленской церкви, он около 20 лет исследовал возможности выращивания на местной почве хлебов. Перед собой он поставил дерзновенную задачу: доказать собственной практикой, что Сургутский край может, пусть частично, обеспечивать себя хлебом. Иван Яковлевич вполне справился с задачей — он не только собирал хорошие для северных условий урожаи ржи, но и построил мельницу, на которой перерабатывал зерно.

В советское время об опытах И.Я. Тверитина забыли. Напомнила о них новосибирский историк Юлия Алексеевна Белоножка, опубликовав результаты своих архивных поисков в сургутской газете «К победе коммунизма»¹. Позднее по предложению редакции журнала «Югра» она составила сборник документов, который с ее же вступительной статьей был выпущен в 1993 г. отдельным изданием под заголовком «Священник-хлебороб И.Я. Тверитин» в серии «Библиотечки журнала «Югра».

подавляющее большинство прихожан юганской церкви составляли остяки (ханты). Священник заботился об их благосостоянии. 23 июня 1862 г. он писал в Казанское экономическое общество: «Цель моя... была та, чтобы как-нибудь освободить инородцев от зависимости торговцев и упрочить их благосостояние». В неурожайные годы ханты особенно зримо убеждались в пользе земледелия. «В это трудное время Иван Яковлевич приходил им на помощь. Так, когда в 1860 г. начался голод и цены на

¹ Белоножка Ю.А. Хлебопашец // К победе коммунизма. — 1974. — № 5, 12, 23, 30.

муку поднялись до 1 рубля серебром за пуд, Тверитин в январе—феврале этого года продал осяткам до 400 пудов ржаного зерна по 35 коп. за пуд, а в мае—июне, когда начала работать мельница, снабжал мукой и русских жителей. Во время голода 1869 г. в связи с неурожаем рыбы опытник раздавал хлеб осяткам бесплатно — от 15 фунтов до 1 пуда»².

Ежегодно Тверитин посылал отчеты о своих земледельческих опытах в Русское географическое и Казанское экономическое общества, его сообщения печатались в «Трудах» обществ. В 1860, 1864 и 1872 гг. он участвовал во всероссийских выставках в Петербурге и Москве, получил от выставочных комитетов две серебряные медали и одну бронзовую. Научные общества также награждали его своими медалями.

Казалось бы, деятельность, направленная на пользу всех очевидное благо, не может, не должна вызывать неприятия и встречать препятствия. Но эта аксиома раз за разом жизнью опровергается.

Найденные в Государственном архиве г. Тобольска и публикуемые здесь документы, с одной стороны, дают новые материалы об И.Я. Тверитине, а с другой — иллюстрируют сказанное тремя строчками выше о неприятии и препятствиях.

Высшее начальство Западной Сибири в лице генерал-губернатора Г.Х. Гасфорта и тобольского губернатора В.А. Арцимовича высоко оценило начинание и первые успехи И.Я. Тверитина и обратилось в апреле 1857 г. к епископу Тобольскому и Сибирскому Феогносту с предложением об исходатайствовании для священника государственной награды — ордена Святой Анны 3-й степени. Вполне обоснованная инициатива положила начало делу, которое частично завершилось только в 1860 году.

Желание начальства достойно вознаградить предпринявшего смелый опыт священника встретило сопротивление недоброжелателей Тверитина. В своем рапорте Тобольской духовной консистории от 15 июля 1857 г. сургутский благочинный священник Василий Кайдалов в довольно неприязненном тоне пишет, что пионером в деле выращивания хлеба в Сургутском крае является не Тверитин, а он, т.к. им первым «в 1851, 1852 и 1853 годы были брошены в небольшом огороде семена ячменя, овса, льна и конопли» и получен урожай, за этот опыт он получил награду от Русского географического общества. При этом Кайдалов как будто не видит разницы между маленьким огородом и полем,

² Священник-хлебороб И.Я. Тверитин. — Шадринск, 1993. — С. 8.

специально подготовленным на месте вырубленного леса. Затем в Березовское духовное правление пришла жалоба: Тверитин обвинялся в издевательстве и сварливости. Было назначено следствие.

Тем временем тобольский губернатор предъявлял генерал-губернатору новые аргументы в пользу награждения Тверитина: священник пожертвовал принадлежащий ему дом в с. Юганском под сельскую остряцкую школу и убедил нескольких жителей села взять на содержание 10–12 мальчиков-учеников, изъявил желание вместе с сыном, причётником этой же церкви, безвозмездно учить этих мальчиков русской грамоте, построил мельницу для размола зерна, овин и сушильню. Это заставило Тобольскую духовную консисторию организовать, наконец, следствие. За волокиту, приведшую к обострению отношений духовной власти с гражданской, она наказала членов Березовского духовного правления протоиерея Заборовского и иерея Александра Тверитина и поручила следствие священнику самаровской Покровской церкви Нестору Вергунову.

Следствием обвинения с отца Иаонна Тверитина были сняты. 10 ноября 1860 г. преосвященный ответил генерал-губернатору, что согласен на представление Тверитина к ордену. В № 47 «Тобольских губернских ведомостей» за 1860 г. была помещена статья священника села Селяировского Василия Успенского «Юганское земледелие и плоды его». Не сдерживая восхищения увиденным, Успенский писал: «По здешнему климату я не надеялся найти его поле в совершенном виде... Но как приятно было сердцу, когда увидел ее (рожь . — *Ред.*) едва ли еще не лучшей той, какая родилась на моей родине и какую я видел по тракту от Калуги до Тобольска».

Орденом И.Я. Тверитин награжден не был, но за подвижнический труд ему был высочайше пожалован участок освоенной им земли в 15 десятин 1496 сажений в потомственное владение. Земля эта, политая священническим потом, как утверждают, была постепенно смыта рекой Юган.

Что же касается неприязни к священнику некоторых его земляков, она проявлялась и в последующие годы, это подтверждает публикуемое здесь его письмо к тобольскому губернатору А.И. Деспот-Зеновичу.

Заканчивается подборка документов отчетом И.Я. Тверитина об урожае хлеба в селе Юганском в 1867 г., poslanном генерал-губернатору Западной Сибири.

**Письмо из Тобольского общего губернского управления епископу
Тобольскому и Сибирскому Феогносту**

1857 г., 21 апреля

Ваше высокопреосвященство
милостивый архипастырь!

Г[осподин] генерал-губернатор Западной Сибири в поездку свою в Березовский округ в конце 1852 года обратил внимание, что в том крае вовсе не производится хлебопашества, что хлеб для продовольствия тамошних жителей доставляется из других мест губернии и что цены на этот продукт, по отдалённости Березовского округа, весьма высоки.

Вследствие сделанного его высокопревосходительством предложения жителям Сургутского отделения о производстве там опытов хлебопашества занялся этим предметом с особым усердием священник села Юганского Иоанн Тверитинов и в продолжение 2-х лет, превозмогая все препятствия, представляемые ему суровым климатом и не бывшею никогда возделанною почвою, достиг того, что в лето 1856 года у него засевалось в означенном Юганском селе озимым и яровым хлебом более 3-х десятин расчищенной собственными его средствами земли, для перемола же собираемого хлеба устроил мельницу, употребив на это до 500 рублей своих денег.

Имея в виду, во-первых, такое усердие священника Тверитинова, сопряженное со значительными издержками, во-вторых, что хлебопашеством он занимался исключительно, оставив рыбопромышленность и всё, чем доселе приобретал законным образом для содержания своего семейства, в-третьих, что сеяние хлеба в Березовском крае до сего времени считалось невозможным, между тем, как оно может доставить истинное благодеяние местным жителям, в-четвертых, что пример означенного священника убедит и других в пользу разведения хлебопашества и, в-пятых, ходатайство Березовского военно-окружного начальника об исходатайствовании иерею Тверитинову приличной его сану награды, я имею честь сообщить о всем вышеизложенном на усмотрение вашего высокопреосвященства, так как разведение хлебопашества в Березовском крае заслуживает особого поощрения и так как на основании 19 пункта 144 ст[атьи] XII тома Св[ода]

Зак[онов] о благоустр[ойстве] в казенных селениях, кто окажет в Киргизской степи в подобном деле успехи, получает право на особенную награду, о назначении которой представляется на Высочайшее усмотрение, а по силе 14 пункта 581 ст[атьи] Учр[еждения] орденов и других знаков отличия...кто образцовым устройством и усовершенствованием сельского хозяйства обратит на себя общее внимание губернии, засвидетельствованное предводителем дворянства и губернатором, имеет право на получение третьей степени ордена Св. Анны. О последующем же покорнейше прошу почтить меня Вашим уведомлением.

Испрашивая ваших архипастырских молитв, с глубочайшим почтением и совершенною преданностию имею честь быть Вашего Высокопреосвященства, милостивого архипастыря покорнейший слуга

[губернатор] **Виктор Арцимович**

* * *

В Тобольскую духовную консисторию
в должности благочинного
священника Василия Кайдалова

Рапорт

Во исполнение указа Тобольской духовной консистории 14 июня за № 1854, состоявшегося вследствие отношения господина тобольского гражданского губернатора от 21 апреля за № 4006 относительно доставления сведений, нет ли препятствия к награждению села Юганского священника Иаонна Тверетина за разведение хлеба в Березовском округе, сим имею честь покорнейше донести духовной консистории, что так как мне подробно и обстоятельно не было известно о производимом священником Тверетиным хлебопашества, то истребовано от него по сему предмету сведение, которое при сем имею честь представить и между тем пояснить, что в сведении священника Тверетина сказано справедливо против вопроса указа Тобольской духовной консистории от 14 июня за № 1854, кроме обстоятельства, поясненного им под литерою Е, а именно:

а) Указом Березовского духовного правления от 9 августа 1850 года за № 859 и прописанного в нем такового же Тобольской духовной кон-

систерии от 4 июля за № 2593 было предписано мне заняться разрешением климатических вопросов и доставлением в Императорское Русское географическое общество сведения о произрастаниях и иных явлениях природы, могущих служить к определению климата, вследствие чего были предприняты мною опыты над разведением здесь хлеба, знакомом* мне еще в бытность мою священником Ялutorовского округа в селе Зимовье-Вагайском — хлеба, который бы мог лучше других произрастаний природы дать понятие о здешнем климате, поэтому мною первым, в 1851, 1852 и 1853 годы, были брошены в небольшом огороде семена ячменя, овса, льна и конопли, и посевы эти вполне оправдывали маленького сеятеля — хлеб родился превосходный, самые же стебли с зерном на них и корнями были представляемы в Императорское Русское географическое общество с полным уверением его, что хлеб в здешнем крае может родиться хороший, чему способствуют и климат, и грунт земли. Но жители не сеют его по непривычке к хлебопашеству, нехотению знать и заниматься столь полезным для быта народного делом, за что Императорское общество в означенные годы наградило меня своими благодарностями.

б) В 1852, 1853, 1854 и 1855 гг. производил здесь хлебопашество командир Сургутской 4-й роты есаул Невзоров — сеял озимую рожь, ячмень, овес, коноплю, лён и горох, и посевы его приносили желаемый плод, о чем было доносимо им с представлением хлебных стеблей господину генерал-губернатору Западной Сибири.

Итак, юганский священник Иоанн Тверетинов напрасно уверяет правительство своею священной обязанностью, что он ни от кого не слышал, может ли родиться здесь хлеб, и ложно присваивает себе право первого открытия хлебопашества в Березовском округе. А почему священник Тверетинов не сеял хлеба в Югане ранее 1855 года? Потому, как видно из его сведения, что он и народ были до того богаты, следовательно, не имели нужды снестать хлеб в поте лица своего, и только с 1855 года бедность, постигшая всю окрестность, заставили его пуститься во что бы то ни стало открыть опыты хлебопашества и сделать оным благо народу! И почему еще? Потому, что он до этого не имел даже понятия, как сеют хлеб, в какое время года, какие и какого свойства употребляют семена для сева и как приготавливают

* Так в документе.

для пашни землю! Очевидно, что первым примером в посеве хлеба в Сургутском отделении служил я и есаулу Невзорову, и священнику Тверетинову, в противном случае производство здесь хлебопашества до сего времени не пришло бы никому и на мысль. Дальнейшее рассмотрение при сем сведения о производимом священником Тверетиновым хлебопашестве покорнейше предаю благоусмотрению духовной консистории.

В должности благочинного священник

Василий Кайдалов

№ 143

1857 года июля 15 дня.

Сведение

о предприятии и распространении хлебопашества в селе Юганском священником Иоанном Тверитиным

А. Хлебопашество производится мною с 1855 года.

Б. Земледельческие труды приняты мною от бедности здешнего края и от дороговизны провизии.

В. Произвожу оное чрез нанятых мною работников, а по дням, в которые нет по сельскому месту священнослужения, стараюсь сам с приближенными мне, дабы нанятые люди, смотря на мои тяжкие труды, могли продолжить оную разработку с жаром и особенным успехом, чем бы мог я поощрять и прочих последователей мне к сему величайшему благу.

Г. Труды мои хотя не могут окупить себя по ценной разработке земли, заросшей непроходимым лесом, в продолжение двухлетнего хлебопашества, а все-таки я по ниспосылаемому раньше от Творца всех хорошего урожая* и дальше ожидаю по милости Бога таковых же результатов, как и нынче же лето предвещает на труды мои блестящий венок. Засеянный прошлой 1856 года осени на нынешнее лето озимый ржаной хлеб взошел густо, выколосился и уже с 5 июля начал цвести. Прошлого же лета хлеба было снято 200 с лишком пудов с 17-ти брошенных или засеянных в землю. Как нужно заметить, что местами

** Здесь и далее сохранен авторский стиль.

солома вышла от первой, не вполне удобно распаханной земли очень жидко и, несмотря на неудобное для урожая хлебов прошлое лето, земля дала свой плод, и растение было сжато спелым и дошедшим.

Д. Занимаюсь хлебопашеством в себе Юганском я один, хотя есть последователи оному из жителей означенного села, как то: дьячок Алексей Силин и братья крестьяне Ефим, Андрей и Алексей Кондаковы, но они еще занимаются разработкой земли.

Е. Открытие хлебопашества в здешнем крае я со священною уверенностию имею честь объяснить, что ни от кого не слышал, может ли родиться здесь хлеб, а пустился на это, видя всю окрестность бедною и народ, претерпевающий оную бедность более от дороговизны хлеба, и потому сочел за нужное пуститься во что бы то ни стало открыть опыт хлебопашества и сделать оным благо народу и тем быть полезным по крайней мере в малости верноподданнейший и ничтожный раб милостивейшему монарху и отцу полсвета.

Ж. Выстроенная мною мельница в себе Юганском ветряная; мастер, который производил эту работу с лишком два года, хотя и пустил ее ныне в июне месяце в ход, без всяких исключений пустяшный, но я ее принял, боясь дальнейших убытков, которых переносить я уже не имею возможности и сил, и душевно рад, что освободился от этого потерянной совести человека. Затем имею честь сим сведением объяснить ценность оной мельницы.

№	Куда и на какие материалы употреблялись деньги	Серебром	
		Рубли	Коп.
1	2	3	4
1.	Мастеру выстроить мельницу ряжено	71	43
2.	Жернова, восемьдесят четыре пуда, куплены в Ирбитской ярмарке, плачено за каждый пуд по 50 к.	42	—
3.	За провоз жерновов до города Сургута	20	—
4.	Досок на крыши, обшивку и проч. вышло двести пятьдесят штук, каждая по 7 к.	17	50
5.	Ломовых плах на полы и потолки вышло 60 штук по 10 коп.	6	—
6.	При мастере ряжено три человека, знающих хорошо плотничную работу, от меня, которые находились на моем хлебе, плата коим в год по тридцати руб. сер., но так как работа продолжалась два года, потому им заплачено за все время работы	180	—

Как награда разошлась с героем

1	2	3	4
7.	На оковку по приличным местам мельницы, дверных и оконных петель и крючков вышло разного рода железа двадцать пудов, плачено за каждый пуд по 2 р. 30 к. с.	40	—
8.	За работу кузнецу плачено за каждый пуд по 2 р. 30 к.	46	—
9.	Разных сортов гвоздя вышло две тысячи пять сот, стоят	12	50
10.	Костылей разного размера на	10	—
	Итого	445	43

Круглого лесу на здание вышиною в тринадцать аршин неизвестно сколько вышло, потому что как рублен, так и вывожен своими рабочими и на своих конях. Не считая то, сколько раз каждая вещь из представленных материалов переделывалась и с каким уроном.

Наверное не могу знать, но по крайней мере думаю так, что правосудному правительству внутренно желательно знать, сколько хотя с величайшим трудом и убытками вполне вознагражденной природою частым, почти непроходимым лесом земли мною расчищено... Вследствие таковой, может быть, ошибочно обдуманной мною мысли я даже решился осмелиться в заключение сего сведения поместить оное в подробности. Земли всей разработано под хлебопашество $3\frac{1}{2}$ десятины, полагая в каждую 30 сажень длины и 40 ширины, в числе коей $1\frac{1}{2}$ десятины, засеянных семенами или уже зарощенных ржаным озимным хлебом прошлой осени на жатву нынешнего лета. Остальные же 2 десятины приготовлены под таковой же хлеб нынешней осени. Разработка же земли все продолжается и будет продолжаться собственно для поощрения жителей на сие Богом благословенное и питательное произрастание.

Березовского ведомства село Юганской Богоявленской церкви священник **Иоанн Тверитин**

Рапорт епископу Феогносту Березовского духовного правления

Во исполнение резолюции вашего преосвященства, последовавшей от 4 февраля 1858 года на прошение прихожан Юганской церкви о вымогательстве и разных притеснениях, причиненных им якобы местным священником Иоанном Тверитиным, Тобольская духовная консистория от 28 февраля того же года за № 1307 предписала здешнему

правлению исследовать по содержанию прошения. К тому же, благочинный сургутских церквей Василий Кайдалов в обозрительном своем рапорте от 14 января 1858 г. за № 31 доносил вашему преосвященству, что будто бы тот же священник Тверитин замечен им в вымогательстве за требы у прихожан и сварливости. Березовское духовное правление в дополнение донесения благочинного священника Кайдалова от 24 марта за № 84 требовало от него объяснения: кто именно объявлял из остяков о злодействе юганского священника Тверитина, в чем оно состояло, также за какие требы делал священник вымогательства, на какую сумму и пр.; на это благочинный Кайдалов рапортом своим от 16 июня за № 117 донес правлению, что он ясашных поименовать не может за неимением их налицо, впрочем, обозначил двух человек, одного инородца, с которого будто бы священник Тверитин взял 3 руб. серебром, живого оленя и выдерью шкуру, и другого русского, на которого будто бы священник Тверитин ябедничал окружному начальнику. Сообразив все эти обстоятельства, Березовское духовное правление не находит ни одного из священников сургутского благочиния по их неопытности в следственных делах, которому бы можно было поручить это дело для производства следствия с соблюдением предписанных законом всех правил и форм. Благочинный же священник Кайдалов сам прикосновен к делу и притом он священнику Тверитину двоюродный брат; назначить же для производства этого следствия какого-либо священника из здешних ближайших церквей потребно на проезд до Сургута в передний и обратный путь не менее 60 р. серебром, каковою суммою в настоящее время заняться невозможно ни от одной из здешних церквей, потому что при них нужны деньги к Ирбитской ярмарке на закупку годовой пропорции свеч восковых и прочих материалов. Доводя о сем до сведения вашего преосвященства, Березовское духовное правление покорнейше просит вашу святительскую особу разрешить произвести следствие над юганским священником протоиерею Иоанну Заборовскому, которому по должности заштатного смотрителя березовских училищ предстоит необходимость произвести ревизию за 1859-й год в Сургутской казачьей школе; следовательно проезд его до Сургута по делу о производстве следствия, как по сподутности, не потребует денег.

Иерей **Александр Тверитин**

5 декабря 1859 г.

Из 4-го отделения Тобольской консистории
таковому же 3-му о том,
что дело о поступках Березовского округа село-Юганского
священника Ивана Тверетина решено так:

Хотя инородцы Березовского округа Сургутского отделения Большеюганской, Малоюганской и Юганской волостей в просьбе своей к его преосвященству от 4 января 1858 года прописали, что приходский их священник Иоанн Тверетин чинит им обиды и притеснения чрез вымогательство с них при требах и крестном хождении по приходу в праздники денег и разных вещей их местных произведений и домашнего и промышленного хозяйства и также во время их говения заставляя их дергать корни на его пашне и на это при следствии высказали несколько обстоятельств, хотя большею частию из прошедших и даже давно минувших лет, которые на основании 4 пункта 172 ст[атьи] т. XV не должны подлежать взысканию; но те же инородцы и в то же время при следствии показали в оправдание своего доноса, что они обид и притеснений от священника Тверетина не видали и о сем никогда, никому и ни в чем не жаловались и об удалении его из прихода никто не сказал ни одного слова, а отозвались, что они давали оные по доброй воле, а также и на пашне Тверетина работали по просьбе его по доброй воле, а не по принуждению, и вообще никаких неудовольствий на Тверетина не выказали, равно и сам Тверетин показал, что он обид и притеснений инородцам никаких и никогда не делал, да и самыми обстоятельствами дела в том не уличен. Посему [нрзб.] священника Тверетина от дела свободным, оставить его на своем месте в селе Юганском, внушив, впрочем, ему все требы у инородцев совершать безмездно, так как он за сие получает жалованье от правительства, и никогда ничего от них не припрашивать в свою пользу, дабы при посредстве неблагонамеренных людей не возбудить на себя их жалоб, к земледелию приохочивать инородцев ласками и должным возмездием за труды.

Об инородцах, подавших неосновательную жалобу на приходского своего священника об удалении его из прихода за чинимые якобы им обиды и притеснения, не только ничем при следствии не доказанную,

но даже самими ими опровергнутую, сообщить березовскому военно-окружному начальнику и просить его строго внушить им, чтобы они неосновательными своими просьбами не обременяли епархиального начальства и не вчиняли пустых дел по настройству каких-либо неблагонамеренных людей, и в случае каких-либо обид от лиц духовных обращались бы к местному начальству духовному или гражданскому, причем взыскать с них прогонные деньги, употребленные следователем священником Успенским 22 руб. 95 коп. сереб[ром] по равной части и прислать в консисторию для отсылки в селяировскую церковь.

О сургутском мещанине Иване Широкове, настроившем инородцев подать на юганского священника Тверетина несправедливую, опровергнутую самими инородцами жалобу о чинимых якобы Тверетиным им обиды чрез вымогательства и другие действия и чрез то вчинившем пустое дело к обременению епархиального начальства, должностных лиц, производивших следствие, и самых инородцев, спрашиваемых и отвечавших по делу, сообщить с выпиской из оного в Тобольское губернское правление для поступления с ним по закону.

Сургутскому благочинному Кайдалову, принимавшему немалое участие в написании неосновательной от остяков жалобы на священника Тверетина, не давшему должных ответов по делу следователю и уклонившемуся от очной ставки с казаком Федуловым, сделать строгий выговор.

Сургутскому есаулу Невзорову, также принимавшему участие как в писании помянутой просьбы чрез дозволение казаку Федулову писать оную, так в особенности в отправлении оной посредством личного его ходатайства у почтового смотрителя, когда он не принимал было ту просьбу, сообщить командиру нашего казачьего полка подполковнику Славковичу на распоряжение.

Следователю священнику Василию Успенскому за внимательное производство следствия хотя следовало объявить благодарность, но как он при следствии сделал две великие ошибки, конечно, по неопытности своей, первую ту, что доносчиков допросил под присягой вопреки [нрзб.], а вторую ту, что, кроме доносчиков, не спросил о священнике Тверетине прочих прихожан, лишить его сей благодарности и внушить ему впредь при следствии быть осмотрительней и действия свои всегда основывать на точном смысле закона.

О положении дела сего уведомить от имени архипастыря г. генерал-губернатора на отношение его с присовокуплением, что по удостоверению, произведенному и с духовной стороны, оказалось, что священник Тверетин действительно ревностно занимается в месте своего жительства хлебопашеством, ибо распахал поля до 8(?) десятин, устроив для сушки хлеба сушильный овин, а для перемолки оно-го ветрянную мельницу, стоящих ему весьма значительных издержек, и действительно выстроил весьма поместительный дом под училище с принадлежащими к нему службами, хотя учение в нем не началось по непредставлению инородцами для учения детей своих.

Мнение Ялutorовского духовного правления по сему делу как несогласное с обстоятельствами и законами и весьма неосновательное отменить, поставив ему на вид неосновательное решение его.

Столоначальник св[ященник] *[Подпись]*

**Письмо из Главного управления Западной Сибири епископу
Тобольскому и Сибирскому Феогносту**

1859 г., 18 декабря

[г. Омск]

Ваше преосвященство
милостивый архипастырь!

Ваше преосвященство от 11-го апреля 1858 г. за № 1523-м изволили уведомить меня, что священник села Юганского Березовского округа Иоанн Тверитин за оказанные им труды и ревностное усердие к разведению хлебопашества в означенном селе не может до окончания дела по жалобе на него прихожан быть представлен к награждению его орденом Св[ятой] Анны 3-й степени. После того управляющий Тобольской губернией двумя представлениями в августе 1858 г. и в мае месяце настоящего года, донося мне о пожертвовании священником Тверитиным принадлежащего ему в с. Юганском деревянного дома под сельскую остояцкую школу, ревностном содействии священника березовскому военно-окружному начальнику к убеждению жителей села Юганского содержать на свой счет от 10 до 12 остояцких мальчиков, принятии самим Тверитиным на свое содержание двух мальчиков и об изъявленном им и

сыном его, причётником тамошней церкви, согласии безвозмездно учить этих мальчиков русской грамоте, свидетельствует о постоянном стремлении священника Тверитина к разведению хлебопашества и соглашению жителей села Юганского к производству земледелия сколько собственным трудом, столько и убеждениями, и присовокупляет притом, что священник Тверитин выстроил у же на свой счет мельницу для перемола хлеба, а также овин и сушильню.

Поставляя долгом сообщить об этом вашему преосвященству, я имею честь обратиться к Вам с покорнейшею просьбою, не изволите ли, ваше преосвященство, признать ныне возможным исходатайствовать награждение священника Тверитина за вышеизложенные похвальные его действия орденом Св[ятой] Анны 3-й степени и почтить меня уведомлением как по сему предмету, так и о том, не встречается ли с Вашей стороны каких-либо препятствий к принятию от сего священника жертвуемого им для остяцкой школы дома.

Предавая себя архипастырским молитвам Вашим, с истинным почтением и преданностию имею честь быть Вашего преосвященства покорнейший слуга

[генерал-губернатор] **Густав Гасфорт**
(ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 156. Оп. 11. Д. 583).

* * *

Ваше превосходительство,
милостивый государь Александр Иванович!

Во мнении вашего превосходительства, по поводу статьи г. Русанова, я унижен, что меня крайне озабочивает, тем более, что по частным толкам, дошедшим до моего слуха, известно, что будто бы кем-то сказано Вам, что по случаю мелководья реки Югана проезд в летнее время на пароходе невозможен, почему и нельзя будет удостовериться Вам, в какой степени вывод г. Русанова против меня справедлив. В опровержение подобных толков осмеливаюсь доложить вашему превосходительству, что река Юган не в такой степени мелка, в какой, быть может, передано Вам под опасением, что по приезде вашего превосходительства очень много может открыться

здесь зла в отношении незаконной торговли русскими в инородческих улусах, что г. Русановым оставлено без внимания, как будто бы незнано.

Пользуясь опытом долговременной жизни, я смею доложить вашему превосходительству, что по реке Югану в летнее время мелководный пароход свободно может пробежать едва ли не до вершины этой реки. Особенным счастьем был бы для меня приезд вашего превосходительства сюда! Весь пред очами Вашими, в кругу инородцев, я постарался и сумел бы оправдать себя как вопреки выводов г. Русанова, так и подложной просьбы, поданной в 1858 году на меня инородцами, ибо ни один из них и по настоящее время не скажет, в чем я их обидел и о чем они просили на меня, так как они русскими жителями были принуждены только к рукоприкладству под означенной просьбой, а эти последние действовали из ненависти ко мне за разведение мной хлебопашества и благоволение гражданского начальства под опасением того, чтоб впоследствии правительство не понудило б и их к этим сопряженным с кровавым потом благословенным трудам и тем не лишило бы их весьма доступного, легкого и недобросовестного сбыта своего товара инородцам.

С надеждою на милостивое начальническое внимание Ваше к утрудившему этим письмом, с чувством глубокого уважения и преданности имею честь быть вашего превосходительства всепокорнейшим слугою село-юганский священник Иоанн Тверитин.

3 февраля 1864 г.

В Сургутском участке село Юганское

(ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 152. Оп. 40. Д. 148. Л. 69—70).

Сведение об урожае хлеба Березовского округа в селе Юганском у священника Иоанна Тверитина за 1867 год

Отчет отправлен генерал-губернатору Западной Сибири 9 октября 1867 г.

Когда открыто хлебопашество и кем

Хлебопашество, одно имя предмета этого здесь, как все называют, суровой северной стороны, разносилось каким-то отдаленнейшим невероятным делом — особенно для остяков.

Это было невероятно, что хлеб, как и прочие растения, мог точно так же родиться.

Наконец, 1855 год показал народу, что это есть не простой слух, а действительность, тогда все прихожане с Юганского церкви увидели тут, где был почти непроходимый лес, вновь разработанное поле, засеянное разного рода хлебом. Этот-то первый труд для испытания был учинён собственно мною. Осенью означенное поле было вознаграждено довольно крупными разнообразными колосьями — и я как трудник, следовательно, был поощрен на дальнейшее развитие этой отрасли питательного продукта...

Принять на себя труд, открыть опыт хлебопашества, было целью, чтобы рано или поздно избавиться от дорогих цен на хлебную провизию, которые и в настоящее время возвысились более 1 рубля серебром за пуд и той мало; страна здешняя самая беднейшая, а потому что и делать, как не трудиться, хотя бы и мне, сельскому священнику, окруженному большим семейством, а обеспеченному самым ограниченным вспоможением, потому и никак невозможно пробыть без трудов, но чтоб отыскать полезное только для себя там, где все жаждут этого, так это будет неблагородно для каждого честного человека в отношении к окружающему братству, а потому, когда открыл опыт, положил во что бы то ни стало вызвать последователей, развить этот благословенный труд в полном блеске и ознаменовать с Юганское местом хлебопашества.

Хорошо было бы, если б этот благий подвиг на всех имел одно влияние, а именно этого двойного блага — и благодарность правительства, коей должны восхищаться, и пользу свою, смотря с самого открытия с 1855 г. и продолжается по сие время уже 13 лет, как производится здесь хлебопашество и родится хлеб очень хорошим. Это бы нужно счесть давно званием самого промысла Божия к тому предмету, которым содержатся в благосостоянии не одно только семейство, но и целые государства. Земледелие сам Господь вменил занятием человеку, потому оно питает людей и рождает промышленность, вследствие таких занятий и земледелец всегда здоров, а потому и счастлив.

Добрые те крестьяне и счастливые, которые свято исполняют эту возложенную Богом на них обязанность, именно они этим работают

Богу, но увы! Здесь нет крестьян, нет тех наклонностей, которые бы возбудили страсть к этому занятию, наконец, нет и страсти, которая могла бы произвести воспитательное волнение к общей пользе, после этого думаю, что у них к содержанию себя есть другая приятность... А рано или поздно должны будут приниматься за хлебопашество. Сохрани Бог, если будут почаще встречаться такие годы, каков и ныне. Нынешний год гибельный для здешнего края или вообще жителей, нет ни хлеба в достаточном количестве, ни рыбы, а здешний житель, не то что остяк, даже и русский питается рыбою, каковой нынешнего лета в Сургутском отделении совершенно не было. Это обстоятельство приводит мало того бедных инородцев, даже и русских в ужасно критическое состояние — многие не знают, как провести будущую угрожающую голодом зиму. Партикулярной муки нет ни фунта, из этого выходит то, что причиною они сами: если бы назад тому лет за 10, а по крайней мере за 5 лет принялись разрабатывать трудную землю, в настоящее время она пришлась бы им легче, чем думали. Это я говорю о русских, ибо инородцам как кочующему народу нельзя и принять этой предприимчивости. Не знаю, вторить ли народному голосу, обвиняющему в том начальство и приписывающему это к его незаботливости заблаговременно, но по мнению моему я не могу допустить себе согласиться с взволнованным народом, при этом нужно обратить особенное внимание и на самый здешний русский народ. Хлеб, как сами они выражаются, есть для человека первый пункт, а нужно сказать истину, об этом пункте они вовсе не заботятся в свое время, полагая свою надежду и упование на: 1) Туполева, сургутского торгующего чиновника, 2) казенные инородческие хлебные магазины. Со временем все это изменилось. Туполеву надокучила раздача в долг и часто не получать за оную, а к магазинам приступить нельзя — правительство воспретило выдачу [хлеба] русским. Почему я раньше и сказал: рано или поздно должны приняться за хлебопашество, кому следует, опыт открыт, хлебопашество производитса и довольно сомнения нет. Да почему же бы не трудиться и не разрабатывать землю и отыскивать тот клад, который положен в ее самим Богом. Я 60-летний старик, лишенный почти сил, еще не могу быть хладнокровным на этот предмет, и у меня уже разработаны до 14 десятин земли.

Теперь скажу об урожае хлеба за нынешний год. И как недовольным быть земледельцам, если при счете оказывается в колосе низшего достоинства от 35 до 45 зерен, среднего от 45 до 50, высшего от 50 до 70, а в прошедшие годы и более. Нынешний урожай зерна тощий против прежних годов по случаю засухи нынешнего года. Здесь и прежде до 1855 г. не было и не видели ни тучного, ни тощего.

Нельзя выпустить из виду и то: я обращался с просьбою моей во все округа Тобольской губернии, чтоб воспользоваться семенами озимой пшеницы, и везде был один отзыв, что нет таковой и не сеется. Из Курганского же округа был отзыв о таковой пшенице, там и понятия не имеют. Вынужден был беспокоить Казанское экономическое общество и просить наградить меня для опыта пшеничными озимыми семенами, которые и получил, за что душевно благодарен. А ярица здесь не всегда может родиться под 61 градусом северной широты. Это уже испытано.

(Гос. архив Омской области. Ф. 3. Оп. 6. Д. 7875. Л. 2–5).

Х.М. Лопарев: коллективный портрет

Хантымансийское издательство «Полиграфист» выпустило в свет книгу с интригующим названием — «Самаровский петербуржец». Разгадка заголовка проста: книга составлена из 148 писем, адресованных сибиряками в Санкт-Петербург выходцу из села Самарово Хрисанфу Мефодьевичу Лопареву. И, кроме того, письма, подавляющее большинство которых публикуется впервые, не только в своей совокупности создают богатый тонами и оттенками образ Самарова периода с 1882 по 1918 год, но и предлагают интереснейший материал к характеристике личности самого Лопарева.

Кратко об истории создания книги. В середине 2006 года любопытство привело одного из хантымансийцев в Санкт-Петербургский филиал архива Российской академии наук, где есть фонд Х.М. Лопарева. В фонде он обнаружил не менее тысячи писем к Хрисанфу Мефодьевичу из Сибири. По возвращении рассказал о своем открытии в окружной библиотеке. Директор Государственной библиотеки Югры С.Ю. Волженина сочла полезным и своевременным издание сборника писем, нашла для этого деньги и договорилась с архивом о сотрудничестве.

В конце 2007 г. были отобраны полторы сотни документов и заказаны их копии, 2008 год ушел на подготовку издания. К сожалению, ознаменовать выпуском книги 90-летие со дня смерти Х.М. Лопарева (30 сентября 2008 г.) не успели. Зато получение окружной библиотекой тиража совпало с проведением ею вторых Лопаревских чтений, для участников которых книга представила огромный интерес. Тираж «Самаровского петербуржца» всего 500 экземпляров. Тем, кто хочет приобрести книгу, нужно обратиться в окружную библиотеку.

Публикуем два документа из того же архива, не вошедших в сборник. Это написанные рукою Х.М. Лопарева «Моя биография» и «Материалы для моей биографии».

Моя биография

I

В 1882 году впервые мне удалось иметь в руках свою важнейшую для жизни бумагу, в которой значилось следующее: «В первой части метрической книги село Самаровской Покровской церкви за 1862 год в мужской графе под № 13 значится: 19-го марта у крестьянина села Самарова Неофита Лаврентьевича Лопарева и законной жены его Дарии Афанасьевой родился сын Христиан, 20 числа того же месяца и года окрещен священником Нестором Вергуновым с дьяконом Петром Сосуновым. Восприемниками при купели были села Самарова крестьянин Петр Иванович Конев и того же села дочь поселенца девица Анна Ивановна Леонова. Благодочинный священник Нестор Вергунов. Дьячок Николай Наумов. Августа 4 д[ня] 1874 года № 19. На печати значилось: Тоболь[ская] епар[хия]: Самаровского села Покровской церкви». Эта метрическая выписка принесла тогда мне и хлопоты и, как это ни странно, приятную новость.

Из упоминаемых в документах имен и лиц мне остался неизвестным лишь диакон Сосун, но и о нем я позже кое-что слышал и сообщу в своем месте. Всех же остальных лиц я довольно хорошо помню: из них большинство еще и ныне здравствуют. Благодочинный о[тец] Нестор Иванович Вергунов, сверстник и сотоварищ по Тобольской семинарии с покойным учителем Тобольской гимназии Македонном Ивановичем Емельяновым, известным в свое время латинистом, и ныне здравствующим известным канонистом профессором Московского университета Алексеем Степановичем Павловым.

Мой крестный Петр Иванович Конев, приходившийся дальним родственником известным в Самарово купцам Шейминым, был торговым человеком последней руки, ездил на лодках с товарами к осякам и русским в деревнях и жил сносно. Каждый праздник он стоял в

церкви на левом клиросе и пел. Любил выпить и пьяненький как-то и утонул (царство ему небесное). Нрава он был среднего, хмельной постоянно говорил как-то протяжно и пел церковные песни. Я не раз чувствовал силу его рук и попадавшись ему в такие минуты...

Моя крестная Анна Ивановна Леонова (жива ли она теперь, не знаю) проживала не в Самарове и лишь изредка навещала село, где у нее есть родственники. Здесь она несколько свысока держала себя, видно было, что она привыкла жить в городе и вкусила прелестей захолустной городской цивилизации: манеры, слова, тон — все отличало в ней горожанку. Как она относилась ко мне, ребенку, не помню, но, указывая на меня, уже на гимназиста, она с некоторою авторитетностью говорила крестьянам: «Смотрите, какой он умный, сейчас виден ум»; видела она во мне тогда на самом деле ум или нет, но ее слова приводили меня в неловкое положение, и я спешил уйти.

Мать моя, и ныне здравствующая, Дарья Афанасьевна, урожденная Кузнецова, женщина, не часто встречающаяся в крестьянском быту; во всех отношениях она может считаться образцом: трудолюбивая, энергичная, постоянно за домом, постоянно зорко следит за небольшим хозяйством, отчего во всем виден порядок и опытная рука. Слабость ее, которую она сознавала и открыто сообщала, заключается в том, что у нее не достает силы воли купить или, чаще, взять в долг у проезжавшего из Тобольска в Самарово купца Юдича какого-либо товара: сарпинки ли, холста ли или ситцу на платье себе и другим.

Семейство Кузнецовых состоит из двух братьев и двух сестер, из которых Алексей, Гаврила и моя мать живут в Самарове, а вторая сестра, Устинья, была замужем в деревне Коневой и несколько лет тому назад скончалась (царство ей небесное!). Уж и добрая, и сердечная она была! Нрав ее очень напоминает мою мать, только последняя несколько более энергична. Сначала сватался за Дарью Афанасьевну Кузнецову один из крестьян окрестной деревни, но не с ним, а с Мефодием (в народе: Нефетом) Лаврентьевичем Лопаревым пришлось ей связать свою судьбу.

Фамилия Лопаревых, как и все население Самарова — пришлая; ям в XVII веке заселялся ямщиками преимущественно из Пермской и Вятской губерний, державшими ямскую гоньбу. Вполне понятное самолюбие побуждало меня позже и даже поныне к отысканию первого

Лопарева, но все попытки в этом роде ни к чему не привели. Сотни алфавитов старинных фамилий пересмотрел я, но ничего найти не смог. Лапов, Лемин, Ломоносов и — Лопатин: ну и прощайся с Лопаревым. Я даже брал в руки Родословную, хотя, впрочем, мне и самому представлялось маловероятным обрести в сей книге дворянский род Лопаревых. Что предок наш был Лопарь, почти вне сомнения, по крайней мере, в родовом типе нашем и доселе еще сохранились основные черты лапландского племени: небольшие глаза, приплюснутый нос, выдающиеся скулы. Род Лопаревых перешел в Самарово, без сомнения, через Тобольск, где, вероятно, остались некоторые члены этого семейства; так, в первой половине прошлого столетия в Тобольске жил Николай Лопарев, да и теперь еще там изредка встречается эта фамилия. Точкою отправления в сведениях о нашем роде служит Косма Лопарев, о котором ничего неизвестно, кроме одного имени, да и оно, пожалуй, еще сомнительно. Сын его Петр известен лишь по одному эпизоду из его жизни. Раз как-то весною он отправился один за несколько верст от села проведать пасшихся в полях коней. Там его схватили варнаки (беглые каторжники) и сделали его своим вожакom в неизвестной ими местности. В одной из деревень, неподалеку от Самарова, видели Петра, выпрашивающего хлеб для варнаков. Когда ему посоветовали убежать от них, он ответил: они взяли с меня клятву и теперь бесполезно, все равно найдут и тогда уже убьют меня. С тех пор о Петре не было ни слуху, ни духу. Из трех сыновей его двое отправились в военную службу и с тех пор о них ничего не было известно, третий сын его, Лаврентий, был женат на Авдотье Михайловне Кузнецовой и умер, оставив семилетнего сына Мефодия (родился 20 мая 1820 года).

Я помнил бабушку, она скончалась в 70-х годах, в глубокой старости (царство ей небесное!), глупый, я не расспрашивал тогда о дедушке: она могла бы сообщить много сведений и о Петре и, быть может, о Косме. Ее звали Лаврюшихой, т.е. женою Лаврентия. Что имя моего дедушки пользовалось уважением и известностью в Самарове, можно заключить из того, что и нашу семью самаровцы называют Лаврентьевыми.

Отец мой Мефодий Лаврентьевич был чуть ли не единственным в своем роде человеком в селе. Никогда в жизни он не ругался, даже в

сердцах, был тихий, скромный, молчаливый, один из первых в селе работников, опытный рыболлов и чуть ли не первый охотник, убивавший по девяти гусей в один заряд. Это был человек глубокого практического знания, многоопытный, пользовавшийся всеобщим уважением и симпатиями. Вина он не пил и только изредка с устатку выпивал шкалик русского джина, тогда он хмелел и начинал о чем-либо рассказывать. «Развязало ему язык», — говорили мы между собою. Как и моя мать, он не умел ни читать, ни писать, хотя и знал (но, кажется, не все) названия букв азбуки — разумеется, по церковнославянскому произношению: аз, буки, веди и пр[очее]. Зная названия букв, он не знал, какая буква какое название носит, вследствие чего случился один небольшой курьез. Раз как-то мой родитель возвращался один с рыбной ловли и видел, как возле него прошел пароход. Мы спрашивали, какой это пароход, и наш отец на это ответил так: слово написано на пароходе небольшое, из букв его я прочитал одну, ровно, «червь». После очевидцы сказали, что прошел пароход «Ерш»... Молчаливость его была необыкновенною, поразительною. Выйдут ли какие-либо домашние неприятности, моя мать начнет громко высказывать свое недовольство, а мой отец — знай себе молчит и только в крайних случаях проговорит одно-два слова, вроде того: да другие-то лучше. Ну, молчит, молчит, и кончится тем, что и моей матери не остается вовсе материала для выражения своей досады, и она замолчит. Известная вещь: когда перепирателю больше не на что жаловаться и горячиться, он придирается к словам противника и продолжает пороть горячку, хотя уже не прямо на прежнюю тему.

II

Промежуток времени, протекший с тех пор, как я стал помнить себя, до поступления моего в училище, почти совсем изгладился в моем воспоминании, помню только немного слов и положений, слышу, так сказать, лишь несколько звуков. По словам моей матери, я был необыкновенно соплив в детстве, за такую неряшливость мне иногда доставалось... Из друзей детства особенно помню Тошу Земцова, которого даже и отец его Василий Трофимович звал почему-то Евстафием, хотя правильное его имя было — Евстохий. Сам Земцов, выселившийся в село Самарово из села Любечь Рязанской губернии,

был простой крестьянин, но при уме и трудолюбии скоро нажил порядочное состояние. Он был сначала приказчиком у тобольского винного заводчика Сыромятникова, но потом открывший от его лица виноторговлю и в Самарове. Мне не забыть его благодеяний, мне оказанных, мне не забыть и тех сладких дней, когда я каждый день утром приходил к Тоше, который еще не вставал, меня встречала сама хозяйка Татьяна Егоровна и постоянно упрекала сына в таких приблизительно словах: вставай, просыпайся, соня, пришел уже к тебе товарищ; и Тоша знал уже, что это был я. Я приходил к его постели, он вставал, и начиналась у нас игра и забава день-деньской. В длинные зимние вечера мы вместе с другими товарищами детства сидели на печке в доме Земцова и чего-чего мы не говорили, о чем-о чем только не болтали. Мы загадывали загадки на разные пари, и когда истощался весь запас наших знаний по этому предмету, мы сочиняли свои; так один из товарищей сочинил сам: «Отворю я ставень, запишаю детей, поутру встану — ничего не найду». Мы ломали-ломали голову, но так и не разгадали. После он сказал нам значение загадки: дрова в печке. Маленький наш товарищ-хозяин был вспыльчивого характера и не любил, когда ему перечили; мы все страшно боялись, когда он в сердцах на кого-либо поднимал свой маленький топорик. Весною при таянии снегов одним из любимых наших занятий было играть в снежки и строить из снега большие глыбы, внутренность которых делали пустою, отчего они принимали вид хат.

ПФ АРАН. Ф. 107. Оп. 1. Д. 80. Л. 1—10.

Материалы для моей биографии

Около 10 февраля 1883 года, когда я был на первом курсе историко-филологического факультета в С[анкт]-П[етербургском] ун[иверситете], в комнате объявлений появился список тем, предложенных г[осподам] студентам для соискания медалей. Пробежав наскоро всю бумагу, я остановился на одной теме по средней (Византийской) истории, заглавие которой гласило: «Хронографическое обозрение царствования Василия I Македонянина по источникам». Тема была предложена сроком на один год. В тот же день я отправился в университетскую библиотеку и записался на получение Theothanus

Continuatys. Закипела работа... На лекции почти вовсе не ходил... Однако, собирая материал (без системы, в чем я потом часто раскаивался), я все посматривал, скоро ли будет вывешено объявление о дате и часе чтения объяснительной лекции на эту тему. Но объявления не было. Меня это несколько озадачивало, но я не унывал и продолжал делать выписки. Возьму, бывало, какую-нибудь книгу, где есть какие-нибудь указания на Василия, и читаю, и выписываю. Но главное — я обращаю внимание на цитаты и указания, которыми пользовался данный автор, и стараюсь достать эти книги. Часто приходилось ходить и ездить на конке (наверху) в Публичную библиотеку и там заниматься иногда часов до 7 и 8. Вместо обеда я брал туда французскую булку и ягод. Зайдешь туда в ватерклозет, запрешься, начинаешь есть и курить. Совершив благополучно эту операцию, идешь наверх и принимаешься за работу.

Словом, много я вынес лишений в то время (я жил только на 20 рублей!), но я не унывал. Я почти не готовился к экзамену, но я с жаром занимался сборианием материала. Взял я из университетской библиотеки книгу [...]*. Сколько труда стоило мне одолеть это двухтомное сочинение (всего-то 3 тома)! Я плохо знал немецкий язык (в аттестате зрелости хотя и стоит 5) и должен был корпеть почти над каждым предложением. Наконец, я и его одолел. Но меня все-таки смущало молчание профессора. Узнал я чрез посторонних его фамилию и обратился однажды в библиотеке к нему (в конце, вероятно, марта) с вопросом, когда будет чтение объяснительной лекции. Господин Васильевский¹ с удивлением взглянул на меня и сказал: «Да ведь я уже прочитал лекцию. Разве Вы не были? Вы на каком курсе?» Я отвечал: «На первом». — «Я прочитал уже давно объяснительную лекцию для третьего и четвертого курса вместо положенной одинарной лекции». — «Что же мне теперь делать? Я уже собрал много мате-

* Три слова неразборчиво.

¹ Васильевский Василий Григорьевич (1838—1899), историк, византист, профессор Санкт-Петербургского университета с 1871 г., академик с 1890 г., редактор «Журнала Министерства народного просвещения». Учитель Х.М. Лопарева. Главные труды: «Политическая реформа и социальное движение в Древней Греции в период ее упадка (1869)», «Обозрение трудов по византийской истории» (1890). Издатель источников и переводчик книг и рукописей по истории Византии.

риала, и отказываться от сочинения мне не приходится...». — «Пишите, сделайте одолжение, пишите. Я Вам могу сейчас сказать некоторые пособия». В это время подошел к нему А.Н. Веселовский² (я после узнал, кто он) и о чем-то начал говорить с ним.

[...]

Наступили экзамены. Ассистентом Ф.Ф. Соколова³ был Васильевский, читавший какой-то ученый английский журнал и не обращавший никакого внимания на ответы студентов. Дошла очередь до меня. «Переход гегемонии к афинянам». Отвечал я порядочно, но в определении года Пелопонесской войны ошибся ровно на столетие, за что получил от Фед. Фед. Соколова в презент...** «Я вам поставлю четыре, пяти не могу». (Он, видимо, колебался). Я отправился на свое место, чтобы взять лекции и отправиться домой. Г. Васильевский (узнал он меня или нет — я не знаю) обратился в это время к г. Соколову и просил поставить мне пять. Фед. Федорович еще раз поколебался, но затем решительно сказал: «Нет, я лучше поставлю 4, но зато эта четверка будет стоять крепко».

С г. Васильевским я еще встретился в июле в университете. Я был в библиотеке и возвращался оттуда через длинный безлюдный коридор к выходу (тогда вход был с профессорского подъезда). В этом коридоре я его и встретил (он шел в библиотеку). Тут я заговорил с ним, он еще порекомендовал мне новых пособий и расстался со мной, протянув мне руку.

Вообще говоря, я кончил собирать материал числа 20-го мая 1883 г. и 23 мая я начал писать начерно (я тогда жил в 5 л[инии], д. 40, кв. 1, комн. 1), хотя и летом часто ездил в Публичную библиотеку и в университетскую нашу библиотеку ходил по средам и пятницам (дни назначенные). К 1 сентября оно начерно было у меня готово (я как материалы и это черновое сочинение берегу). С 1 сентября, когда я переехал в 36 дом кв. 21 по той же линии, я начал переписывать набело и кончил его в 1¹/₂ дня в пятницу, 21 октября 1883 г. (я и потом еще вписывал кое-что в него). Всего вышло около 65 листов писчей бумаги.

² Веселовский Александр Николаевич (1838–1906), литературовед, академик (1880).

³ Соколов Федор Федорович (1841–?), историк, профессор Санкт-Петербургского университета, основал в России учение греческой эпиграфики.

** Два слова неразборчиво.

Раз в ун[иверсите]те я обратился к г. Васильевскому (он уже читал у нас на втором курсе историю Средних веков): можно взять обратно свое сочинение, если оно ничем не будет удостоено? Он сказал, что можно, будьте уверены в этом. (Мне П.Н. Шеймин говорил, что сочинения эти ни в каком случае не возвращаются из ун[иверсите]та, он также написал сочинение по полицейскому праву: «Паспортная система в России». Два земляка, оба из одной Тобольской гимназии, первые написали сочинения на медали!). «Вот мы его (сочинение) потом отдадим в печать, подобно сочинению Безобразова. Он получил серебряную медаль...***, я указал ему его недостатки, он выправил их и поместил в «Журнале Министерства народного просвещения». Вот и Ваше сочинение так же устроим» (за подлинность его слов я не ручаюсь). Так мы и расстались, причем он протянул мне руку. «Да зачем Вам нужно назад сочинение?». — «Да мне было бы приятно иметь его при себе как память моей работы». — «Можно, можно, я вам ручаюсь».

Рядом со своим занятием по сочинению во мне пробуждалась любовь к истории Византии [...]

Весть, что я написал сочинение, распространилась между студентами нашего курса и побудила со мной познакомиться издателя лекций г. Васильевского, именно С.Л. Степанова (ч[елове]к неглупый и простой). Он советовал мне сходить к г. Васильевскому и спросить его, что мне нужно читать по истории Византии. Я хотя и осознавал необходимость этого, но по проклятой застенчивости не решался идти к нему. Спустя неделю г. Васильевский по окончании лекций вдруг обращается и спрашивает: здесь Лопарев? Я оробел и подошел к нему. Он взял меня за руку и повел по коридору, прося прийти к нему в пятницу (это свободный от занятий у него вечер), и дал мне свой адрес [...]. Я отправился, он дал действительно мне советы. Я хотел уйти, но он оставил меня пить чай. «Посидите, вот придет ко мне Степанов и другие». Вскоре действительно они пришли (остальные были на 3 и 4 курсах и потому я их не знал). Здесь я узнал, что его зовут Василием Григорьевичем, что студенты его так и называют, тогда как я называл его г-н профессор. Он дал мне несколько книг для того, чтобы я занимался немецким языком, т.к. я говорил ему, что я его знаю слабее, чем французский. (В казу

*** Два слова неразборчиво.

вдруг у меня заболел живот, я едва выпил стакан чаю и немедленно распрощался с ним).

Однажды, когда я был у В[асилия] Г[ригорьевича] (дело было около 10 декабря), занеся ему книги, он спрашивал меня, где я обедаю и отчего я так бледен. Я рассказал ему всю правду: обедаю, мол, в кухмистерских, плачу 25–30 коп., но при 20 руб. стипендии обедаю редко, у меня, мол, умер отец, что сильно меня потрясло. «Вот как, у Вас умер отец». Наступило короткое молчание, разговор перешел на другую тему. Несколько минут спустя он застенчиво, полулежа на диване, сказал мне, чтобы я, когда возможно, забежал к нему обедать. «Что ж? Ничего, мне очень приятно с Вами познакомиться, не стесняйтесь». Эти слова он проговорил по обыкновению не то вяло, как-то тихо, не то про себя, не то вкось. Я поблагодарил. «Я обедаю в 5 часов, заходите так часам к 5, вероятно, Вы так же обедаете». — «Всяко случается (хотел сказать известный ответ известного философа: «Богатый, когда хочет, а бедный, когда может», но воздержался, думаю — это глупо), по обыкновению в 1—3 часа». При прощании он снова просил меня приходить. «Вот в это воскресенье хоть приходите». Я снова поблагодарил и ушел. Однако в воскресенье я не был, частью по стеснению, частью за неимением чистой рубашки, которую взял у меня Петя Шеймин, наконец, частью по советам самого юриста.

Во вторник, 20 декабря [18]83 В[асилий] Г[ригорьевич], увидев меня в библиотеке (я тогда писал работу по его рекомендации хранителю исторического отделения в Публичной библиотеке), спросил: «Что же Вы не пришли в воскресенье?». Я ответил, что постеснялся. Он непременно просил приходить на праздниках. Я сказал: «Если позволите, то я зайду к Вам 26 числа в понедельник». — «Хорошо, заходите».

Необходимо сказать, что я, начиная с середины ноября, бывал у Вас[илия] Гр[игорьевича] по его приглашению почти каждую пятницу от 6 или 7 ч. вечера. Бывали у него в это время студенты Гревс⁴, П. Безобразов, Ершов и др. Когда я приходил к нему иногда ранее всех, то он часто расспрашивал меня о моих родителях, о моем поло-

⁴ Гревс Иван Михайлович (1860–1941), историк, профессор Высших женских (Бестужевских) курсов, затем Петербургского университета. Автор трудов по истории римского землевладения, средневековой культуры и быта.

жении. Узнав о моем состоянии, он дал мне работу — переписку и платил (спасибо ему!) щедро. Раз за 7 л[истов] отдал 5 р., а в другой раз тоже 5 р., но за меньшее еще число листов. Раз я зашел к нему в пятницу. Он был, видимо, чем-то занят. Он сказал, что он просил Степанова передать мне, что он (Вас. Григ.) не свободен в этот вечер, ибо должен читать реферат в заседании историко-филологического факультета. Я извинился, что я не знал, не был в ун[иверсите]те, ибо у меня болели зубы. «Ну, нечего делать». Присел я на диван. Он подарил мне брошюру студента Новороссийского университета Бруна. «Вы ведь интересуетесь историей Византии, так вот Вам, можете взять его в свое вечное пользование, тем более что у меня несколько экземпляров. А вы не пойдете на заседание?». Я отвечал, что я располагаю временем и потому приду. Я ушел и направился в университет.

12 декабря подал сочинение в канцелярию ун[иверсите]та. Перед Рождеством я зашел к Вас. Григ. У него были Гревс и Ернштедт⁵. Поздоровался. Последний начал говорить с Вас. Григ., а Гревс сказал мне: «Вас. Григ. сейчас просматривал Ваше сочинение и по духу его видно, что вам — золотая медаль. У меня вот сочинение («Римское государство по новеллам Юстиниана») написано без большой обработки, у меня оно как бы в сыром виде». Ернштедт скоро ушел, сказав, что хочет играть в карты с Иоакимом Карловичем... а Гревс ушел, говоря, что торопится окончить свое сочинение. Скоро пришел П. Безобразов. Он говорил, что повальная игра в карты означает серьезный признак пустоты общества и пр. Отправились мы вместе с ним. Сели в конку. Безобразов говорил, что трудно, батенька, теперь получить место при ун[иверсите]те; мало кончить кандидатом и мало выдержать магистерский диспут.

26 числа я заявился к Вас[илию] Гри[горьевичу]. Он сказал: «За чем же Вы не пришли в 1-й день». — «Я полагаю, что у Вас будут гости в 1-й день». — «Нет, в 1-й день обыкновенно все сидят по домам, напрасно Вы так думаете». Спросил, не получил ли я из дому вестей. Я ответил, что еще некому и написать письма, т.к. мои родные безграмотны. Когда было все готово, он повел меня в столовую. В зале он спросил мое имя и отчество, ввел меня в столовую и представил сво-

⁵ Ернштедт Виктор Карлович (1854–1902), филолог, профессор, с 1893 г. — академик.

ей супруге и всему семейству. Мария Яковлевна в высшей степени приветливая и радушная женщина. Их дочь Вера Васильевна, лет 16–17, миловидная девушка. У них три сына. У них живет также студент Павлов. Люди они простые, добрые; без всякой почти натяжки чувствуешь себя у них.

Весь обед прошел почти в расспросах о Сибири. Его сыновья спрашивали, какова охота в Сибири, есть ли кедровые орехи. Спрашивали об оленях и собаках, на которых ездят. Зашел разговор об ун[иверсите]те Сибирском. «Вот кончайте, да и отправляйтесь туда в ун-т; будете Вы там ездить в ун[иверсите]т на оленях или собаках. Один будет ездить на собаках, другой на оленях, будут устраивать состязания». Говорил он шутливым тоном. Прощаясь с Вас. Григ. и Мар. Яковл., я их благодарил. Они просили прийти к ним в Новый год.

Часа в 4^{1/2} я в Новый год (к[ото]рый я провел у Н.А. Багаева вдвоем на Шпалерной, 30, 28) позвонил у В[асилия] Григ[орьевича]. «Дома В[асилий] Григ[орьевич]?» — «Нет». — «До свидания». Я ушел домой. Что такое? Во все праздники я у него не был. Начались лекции.

В четверг первой недели ученья он увидел меня и спросил, отчего я не пришел. Я объяснил ему. «Вот вам раз! Я так и думал. Но ведь Вы теперь знакомы с моей женой, со всеми. Вы прямо бы и вошли ко мне. Я нарочно спешил, но опоздал минут на 10». А я сказал, что я обыкновенно спрашиваю, дома ли Вы. «Зачем спрашивать? Вы прямо и идите, когда Вам отворят. Зачем спрашивать?» — «Да это как-то неловко».

Вас. Григ. просил меня прийти обедать в воскресенье 15 января. Пришел. Зашел разговор о Сибирском университете. «Попечителем университета будет Флоринский⁶, он недавно спрашивал меня, не имею ли я на примете кого, кто бы мог занять кафедру в новом университете, который откроется в 85 году. Я отвечал ему: «Подождите — найдется». Эти слова Вас. Григ. произнес с улыбкой, глядя на меня. Я ему и хватил: я тут поеду профессором по истории Византии и византийской литературы. Он благосклонно отнесся к этому. После обеда разговор происходил в зале о прошлых годах в ун[иверсите]те, об

⁶ Флоринский Василий Маркович (1833–1899), акушер и археолог, профессор Военно-хирургической академии и Казанского университета, с 1884 г. — попечитель Западно-Сибирского учебного округа и устроитель Томского университета. Изучал древности Оренбургской, Уфимской, Пермской и Казанской губерний.

убиении Судейкина, причем, как мне показалось, он более говорил с консервативной точки зрения. Тут сидела Мария Яковлевна и мать профессора В.И. Модестова⁷. Они говорили о евреях, к которым обе они питают непреодолимое отвращение. Пришла Вера Васильевна. Разговор коснулся спиритизма. Вас. Григ. был в это время в кабинете. Вера Вас. спросила меня, верю ли я в спиритизм, я отвечал: нет. Она также недоверчиво относится к нему. После чаю я отправился домой. Вас. Григ. просил меня прийти в воскресенье. Я простился с Верой Вас. поклоном (она стояла на противоположной стороне стола).

22-го я пришел к нему. «Читали или нет еще сочинения, Вас. Григорьевич?» — спросил я. — «Да, я так легонько просмотрел все сочинения, со всеми познакомился. А что, хотите знать результат?». — «Если возможно это, то я поинтересовался бы знать». — «Дадим, дадим серебряную медаль». — «Серебряную медаль?» — проговорил я в восторге. — «А что? Золотую, Вы думали?». — «О нет, я и на серебряную не рассчитывал». — «Нет, у Вас написано хорошо, видно, что вы осмысленно все поняли, ну и трудились. Я удивляюсь даже, чтоб на первом курсе можно было писать, я полагал, что эту тему будут разрабатывать 3- или 4-курсники. Действительно, она сверх ожидания оказалась серьезной темой. Судя по началу, Вы широко шагаете, от Вас надо ждать большего. Ну вот, пишите теперь на золотую». Я спросил, правда ли, что получившим что-либо в день акта рассылаются повестки с приглашением пожаловать и нужно ли надевать фрак? (вопросы, как видно, самые ребячьи). «Да, непременно, и в белом галстук». После обеда я с ним простился. Он удерживал к чаю, но я ему сказал, что еду на сибирский вечер. Мария Яковлевна пожелала мне повеселиться. Вас. Григ. просил прийти в воскресенье 29 января.

На этот раз Василий Григорьевич говорил, кстати, о значении классицизма и вообще филологии. Главное значение классицизма он видит в его воспитательном характере, в том, что, серьезно относясь к делу, мы вырабатываем свой характер. «И дикарь, варвар может быть в большей или меньшей степени математиком».

В воскресенье, 5 февраля, я не был у Вас. Григорьевича. В среду, 8 февраля, в большой конференц-зале Академии наук я получил сереб-

⁷ Модестов Василий Иванович (1839—1907), филолог и публицист, в 1889—1893 гг. — профессор Новороссийского университета.

рюную медаль из рук министра нар[одного] просв[ещения] И.Д. Делянова⁸. Петя получил золотую медаль за «Паспортную систему в России» (См. «Петерб[ургская] газета» и «Новости» за 9 февр[аля] 1884). В четверг был на специальных курсах у Вас. Григ. на лекции. Реферат читал г. Ершов «О судопроизводстве в эпоху крестовых походов по хроникам Иоанна и Филиппа Наваррского». По окончании лекций Вас. Григ. как бы про себя проговорил: «Отчего Вы не пришли в воскресенье?».

12 февраля был я у Вас. Григорьевича. Был у него также Виктор Карлович Ернштедт. Они все разговаривали о предстоящем издании писателя [нрзб.], сочинения которого, по словам Вас. Григ., прольют новый свет на деятельность Фотия, патриарха. Арефу (?) взялся издать Троицкий, но по причине его трудности дело это отложено в долгий ящик. Мария Яковлевна поздравила меня с получением медали. Виктор Карлович прибавил, что это дело почти небывалое (т.е. получить медаль на 2 курсе). «Вот Лопарев у Вас будет заниматься палеографией, он так красиво пишет», — говорил Василий Григорьевич Виктору Карловичу.

Немного спустя после обеда мы с Виктором Карловичем отправились на Васильевский остров. Дорогой разговаривали об учености Вас. Григ., об [нрзб.] у древних греков (вернее, в первые века христианства) и пр.

Василий Григорьевич при моем уходе просил прийти меня к нему в пятницу. «Я вам дам работы. У Вас ведь есть свободное время сколько-нибудь?». В пятницу я был у него. Он дал мне работы; сам он читал «Стихотворения в прозе» Тургенева, а я — журнал министерства за февраль. Пил чай у него. «Никто же не пришел ко мне сегодня. Масленица. Катаются, разъезжаются в театры».

Когда я в следующую пятницу пришел к нему и отдал ему работу, он, перелистав, сказал: «Как Вы красиво пишете, нет, Вам надо учиться палеографии». Работы было 10 полулистов. Он отдал мне 3 рубля, прибавив, что остается должным 1 рубль, который ему надо на извозчика, потому что он едет на заседание филологического общества. Он предложил мне ехать, но я сказал, что я бы не прочь, только там доро-

⁸ Делянов Иван Давыдович, граф (1818—1897), министр народного просвещения, директор Императорской Публичной библиотеки в 1861—1882 гг., попечитель Петербургского учебного округа в 1862—1866 гг., член Государственного совета.

го берут за чай — 20 коп. Он рассмеялся: «Ну, Вы можете отказаться. Или лучше, если хотите, останьтесь у меня пить чай, а я поеду». Пришла Мария Яковлевна. Я поздоровался, она просила остаться также.

Василий Григорьевич уехал, сказав, чтобы я заходил к нему в воскресенье за долгом. Однако я в воскресенье не был: у нас было собрание общества у Воинова (впрочем, несостоявшееся). Во вторник поэтому Василий Григорьевич спросил, что я так не был. Я солгал, сославшись на зубную боль. «Ах, эти Ваши несчастные зубы», — сказал и просил прийти в воскресенье. Это было во вторник. В среду же на его лекции я шепнул несколько словами с товарищем Д.М. Овсовым. «Да перестаньте же, господа!». Я вздрогнул. Это произнес на лекции он, Василий Григорьевич. Можете себе представить, что я чувствовал. Я проклинал себя, Митьку, был в тот день сам не свой.

В воскресенье, 4 марта, я колебался идти к нему, но пошел. Прихожу, там Ив. Мих. Гревс у него. «Извините, Вас. Григ., что я или, вернее, мы помешали Вам. Это с нашей стороны было чем-то ребяческим, гимназическим». — «Ничего, я сказал ведь не из раздражения, а просто по семейному, я нисколько не рассердился. Вижу, что разговаривают, ну и сказал, и притом вообще всей аудитории (было тогда человек около 15). Нет, Вы не сердитесь на это, я и сам как-то чувствовал себя в ненормальном состоянии. Ничего, я уже и забыл об этом, забудьте и Вы». Разговор ученый происходил между ним и Гревсом. Я изредка только вмешивался в разговор. После обеда разговор перешел на тему об украинофильстве. В нем принял участие и я. Я справился, сколько стоит «Василий Болгаробойца» Розена. Он ответил, что рубля три. А я думал, что у него небольшая брошюрка стоимостью копеек в 50, я тогда хотел купить ее. «Жалко, что у меня, кажется, не вся книга, то есть был у меня один экземпляр, да я его отдал». Он пошел к полке, достал оттуда смешанные листы «Василия» и просил меня разобрать, не весь ли он. Я разобрал, оказалась книга вся. На прощание я попросил у него на срок этой книги. Он отдал мне долг (1 р.) и книгу со словами: «Вы можете ей пользоваться вечно». Я тогда стал отдавать ему рубль его, прибавив: «Благодарю Вас, Вас. Григ., в таком случае возьмите назад рубль и, кроме того, я Вам заработаю ценность этой книги». Рубль он не взял: «Ну, когда-нибудь заработаете». Ура! Ура! Ура! — я царь теперь!

ПФАРАН. Ф. 107. Оп. 1. Д. 8. Л. 11–18.

Краеведение

Березовские казначеи

В 1782 году была образована Тобольская казенная палата. Она осуществляла финансовое и административно-хозяйственное управление губернии и состояла из шести отделений: хозяйственного, лесного, питейного, соляного, контрольного и отделения казначейств. Подчинение имела двойное: Министерству финансов и Тобольскому губернскому правлению. До 1845 г. палату возглавлял вице-губернатор, затем — управляющий.

Отделение казначейств вело контроль за своевременным поступлением в казну окладных сборов, оформляло пенсионные дела, ведало выдачей прогонных денег, пособий чиновникам, отправлявшимся на государственную службу, кормовых денег арестантам, гербовой бумаги, паспортов, бланков торговых свидетельств, составляло отчеты о доходах и расходах и занималось составлением смет земских повинностей.

Уездный казначей заведовал приемом и хранением всех казенных доходов своего уезда и одновременно сберегательной кассой, приписанной к казначейству. Хранение денег требовало соблюдение особых правил, для него нужны были каменные кладовые, надежно защищавшие казну от пожаров и краж.

Выполнение важных задач, возложенных на казначейства, возможно было при наличии штата высокопрофессиональных и добросовестных работников. Подбор на должности присяжных счетчиков производился только из лиц хорошего поведения, грамотных, отбывших воинскую повинность и физически вполне способных к службе и охране казначейства.

В штат Березовского окружного казначейства по состоянию на 1 января 1918 г. входили казначей, старший бухгалтер, бухгалтер первого разряда, бухгалтер или кассир второго разряда, три писца (письмоводителя), пять присяжных счетчиков и сторож.

Известны имена некоторых чиновников, в разные годы в XIX—начале XX вв. бывших березовскими окружными (уездными) казначеями: Александр Албычев, коллежский ассессор Илья Петрович Тарасов, Дмитрий Николаевич Соколов, коллежский ассессор Красовский, Михаил Солярский, бухгалтерами казначейства служили коллежский регистратор Петр Сергеевич Соловьев, Петр Данилович Щепеткин (выходец из Березовского крестьянского городского общества), Емельян Матвеевич Добровольский, Пантелеймон Васильевич Мандуров, окончивший полный курс Березовского уездного училища, Владимир Михайлович Попов, переведенный из Березова в Тюменское казначейство, бывший бухгалтер Тобольской казенной палаты Михаил Солярский, бывший полицейский чиновник Николай Тихонович Кушников.

Писарями были Прокопий Терентьевич Солодовников, Василий Прокопьевич Козлов (переведен из Тобольского губернского суда), Емельян Матвеевич Добровольский (переведен в Березов из Тары по просьбе отца), присяжными счетчиками — В. Ступаков, Петр Васильевич Кайгородов, Родион Шахов (с 1829 г. служил в Тобольском казачьем полку, имел знаки отличия), отставной урядник Илья Творожников, Мещеряков, Б. Первов, Котовщиков, Котельников, Копыльцов, Никитин (к сожалению, имена и отчества или хотя бы инициалы многих из них неизвестны).

Далее хочу рассказать подробнее об одном из упомянутых лиц — Дмитрие Николаевиче Соколове, более 18 лет служившем березовским казначеем.

Он родился 14 сентября 1851 г. в селе Меховое Козельского уезда Калужской губернии в семье священника. Окончил в 1875 г. полный курс Калужской духовной семинарии с оценками «очень хорошо» и «отлично» по всем предметам. В феврале 1876 г. епископом Тобольским и Сибирским Ефремом Соколов был рукоположен в сан священника на настоятельскую вакансию к церкви слободы Покровской Тюменского округа, а 29 июня 1885 г. Синод разрешил тобольскому епархиальному начальству снять с него сан по личной его просьбе в связи со вдовством.

Вскоре Д.Н. Соколов был произведен в коллежские регистраторы со старшинством и назначен помощником столоначальника Тобольской казенной палаты, затем помощником бухгалтера и бухгалтером

Курганского окружного казначейства. А 2 июля 1893 г. переведен на должность казначея Березовского окружного казначейства.

Здесь Соколов дослужился до чина коллежского советника. В послужном списке его участие в проведении всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. по Березовскому округу, за что был награжден специально учрежденной темно-бронзовой медалью, и исполнение с 1904 г. обязанностей директора Березовского тюремного отделения.

В декабре 1900 г. вновь назначенный управляющий Тобольской казенной палатой Николай Александрович Ордовский-Танаевский (впоследствии тобольский губернатор) провел в Березовском казначействе ревизию — впервые за 40 лет существования казначейства. Привожу отрывок из его записки об итогах ревизии.

«Казначейство располагается во втором этаже деревянного здания, нижний этаж коего совершенно непригоден для жилья, требующего капитальной перестройки. Все помещение казначейства состоит из двух комнат. Кладовая находится в расстоянии 350—400 сажений от казначейства, заслоненного от него зданием собора, и стоит в нескольких саженьях от края высокого берега Сосьвы. Кладовая настолько стара, что в углах, как снаружи, так и внутри, можно вынимать кирпичи.

Все изложенное понудило меня принять меры к подыскиванию для казначейства готового уже здания. Вполне пригодным по размерам, месту нахождения и другим условиям оказалось здание, принадлежащее березовскому городскому старосте С.П. Шахову, в котором может поместиться казначейство и квартира казначея. Шахов согласен отдать в аренду за 600 руб. в год с обязательством построить каменную кладовую, но при этом просит выдать беспроцентную ссуду 3000 рублей при условии погашения из арендной платы в течение 15 лет».

Результатом поездки Н.А. Ордовского-Танаевского в Березов явилось намерение добиться выделения средств на постройку здания казначейства, кладовой и двух квартир — для казначея и бухгалтера и решение изменить порядок сбора ясака с инородцев. Здание казначейства было построено. Совместно с губернатором составлен проект закона «О ясаке», который уже осенью 1901 г. вошел в силу.

10 августа 1904 г. Министерство финансов назначило Д.Н. Соколову новую прибавку к жалованью за выслугу в Сибири второго пятиле-

тия — 160 рублей в год и, кроме того, как отслужившему десять лет в Березовском округе (уезде) выдало единовременное пособие.

В 1909 г., по истечении 15-летнего срока службы в Сибири, Д.Н. Соколов получал уже 1800 рублей в год: 640 — жалованье, 640 — столовые, 520 — надбавка за службу в Сибири. Содержание квартиры оплачивалось за счет казны. Кроме того, за операции по сберкассе из ее сумм он получал в среднем 148 рублей в год.

У Соколова была большая семья: трое детей от первого брака родились в слободе Покровской Тюменского уезда в бытность служения его священником, двое в Тобольске и еще семеро в Березове (записаны в метрических книгах Воскресенского собора).

Государство проявляло серьезную заинтересованность в образовании детей чиновников, департамент государственного казначейства выплачивал им пособия на воспитание и обучение: при домашнем воспитании от 9 до 13 лет — 100 руб. в год, с 13 до 18 — 150 рублей. При поступлении в какое-либо учебное заведение в другом городе отец должен был подать прошение о выдаче прогонных денег на проезд сына или дочери до места учебы и платы за обучение. За обучение в гимназии, духовной семинарии, Мариинской женской школе и епархиальном женском училище в Тобольске нужно было платить 240 руб. в год, в повивально-фельдшерской школе и духовном училище — 120 рублей.

Благодаря такой поддержке сыновья Д.Н. Соколова Вениамин, Александр и Дмитрий окончили Тобольскую гимназию, Виктор — духовное училище и поступил в семинарию, дочери: Лидия — епархиальное училище, Антонина — Мариинскую женскую школу, Александра — Туринскую прогимназию, Елизавета — повивально-фельдшерскую школу.

7 января 1912 г. Соколов направил прошение на имя Николая II об освидетельствовании состояния его расстроенного здоровья и увольнении в отставку с назначением усиленной пенсии. Просьба была удовлетворена. Ввиду выхода в отставку из-за тяжелой болезни за Д.Н. Соколовым было сохранено пособие на воспитание детей до окончания ими учебных заведений в сумме 1440 рублей. Пенсия ему была назначена в размере 833 рубля в год.

Дальнейшая судьба Д.Н. Соколова и членов его семьи мне неизвестна. Может быть, кто-то из прочитавших эту статью найдет среди упо-

мянутых в ней лиц своих предков и сможет рассказать о них? Не могло такое большое семейство не оставить следа на своей родине.

При подготовке статьи использованы документы Государственного архива в г. Тобольске (Ф. 154. Оп. 15. Д. 240).

Анна Михайленко

Зашторенные временем дома

Время меняет облик наших городов и сёл, свидетелей истории, и вместе с этим обостряется интерес старожилов к тому, как выглядели родные селения в далёкие времена. Местные краеведы имеют возможность отчасти удовлетворить этот интерес, обратившись к фонду И-353 государственного музея г. Тобольска. В нём собраны документы Тобольской губернской строительной комиссии и строительного отделения Тобольского губернского управления за 1830–1918 гг.

Приводим выписку из описи № 1 этого фонда с указанием номеров дел, их названий, годов, в которые эти дела рассматривались, и количества листов.

44. Дело по предписанию генерал-губернатора Западной Сибири о строительстве нового тюремного замка в г. Берёзове. Проект строительства замка. 1851–1854. 59 л.

160. Дело по прошениям... Проект строительства деревянного дома берёзовского купца А. Быкова. 1876–1877. 15 л.

216. Дело о ремонте здания Берёзовского окружного полицейского управления. 1895–1910. 109 л.

222. Дело о составлении сметы на строительство здания для остяцкой и самоедской управ Берёзовского округа. 1896. 12 л.

271. Дело по прошению Тобольского окружного полицейского управления о составлении проекта строительства здания для Нахраченского сельского училища Тобольского округа. 1897. 5 л.

279. Дело об утверждении проекта строительства деревянной часовни в г. Сургуте. 1897–1898. 5 л.

296. Дело по отношению Тобольской духовной консистории об утверждении проекта строительства деревянной часовни на кладбище с. Самаровского Тобольского уезда. Проект строительства. 1898. 6 л.

315. Дело о составлении сметы на строительство нового порохового погреба в г. Сургуте. 1898. 10 л.

331. Дело по отношению Тобольской духовной консистории о строительстве церкви в с. Чемашевском. Проект строительства церкви. 1898–1899. 14 л.

349. Дело по отношению Тобольской духовной консистории об утверждении проекта строительства молитвенных домов в ю. Ахтеурьевских и Вартовских Сургутского уезда. Проект строительства. 1899. 7 л.

354. Дело по отношению Тобольского епархиального комитета православного миссионерского общества о строительстве миссионерской школы при женском Кондинском монастыре Берёзовского уезда. Проект строительства школы. 1899. 4 л.

378. Дело по отношению Тобольской духовной консистории об утверждении проекта строительства церкви в с. Сухоруковском Берёзовского уезда. Проект строительства. 1899–1902. 16 л.

386. Дело... об утверждении проекта строительства часовни в д. Шапшиной Тобольского уезда. Проект строительства. 1900–1908. 11 л.

399. Дело по отношению Тобольского епархиального училищного совета об утверждении проекта на строительство церковно-приходского училища в г. Берёзове. Проект строительства. 1900. 9 л.

502. Смета на строительство караульной избы при Локосовском инородческом хлебозапасном магазине Сургутского уезда. 1902–1903. 17 л.

519. Дело по отношению Тобольского епархиального училищного совета об утверждении проекта и сметы на строительство церковно-приходской школы в с. Сосьвинском Берёзовского уезда. Проект строительства. 1903. 15 л.

530. Дело ...об утверждении проекта строительства церкви в с. Шеркальском Берёзовского уезда. Проект строительства. 1903–1904. 11 л.

531. Дело...об утверждении проекта строительства молитвенных домов в Берёзовском и Сургутском уездах. Проект строительства в ю. Вартовских Сургутского уезда. Копия. 1904–1905. 15 л.

542. Дело... об утверждении проекта строительства церкви в д. Чембакчиной Тобольского уезда. Проект строительства. 1904–1905. 15 л.

969. ...Проект строительства молитвенного дома в с. Базьяновском Тобольского уезда. 1913. 3 л.

978. Дело о строительстве контрольного домика по линии Кондинск—Берёзов. Проект строительства. 1913. 8 л.

1019. Дело по отношению Тобольской духовной консистории об утверждении проекта строительства церкви в с. Вартовском Сургутского уезда. Проект строительства. 1913. 8 л.

1067. Дело... об утверждении проекта строительства церкви в д. Белогорье Берёзовского уезда. Проект строительства. 1914. 22 л.

1138. Дело о строительстве народного дома в г. Берёзове. Проект строительства. 1915. 24 л.

1168. Дело по отношению причта Успенской церкви с. Селяровского Тобольского уезда о составлении проекта строительства часовен в ю. Алякиных Тобольского уезда и ю. Тугаскиных Сургутского уезда. Проект строительства часовни. 1916—1917. 6 л.

Имена

Сыромятниковское дело

Минуло 150 лет со дня рождения весьма заметного тоболяка, предпринимателя и общественного деятеля конца XIX—начала XX в. Александра Адриановича Сыромятникова (3 июля 1859, Тобольск—4 августа 1912, Тобольск). Он был предпоследним звеном в ряду купцов и промышленников губернской столицы, известном с XVIII века. Его прадед, Иван Федорович Сыромятников, в 1788 г. построил кожевенную фабрику, продукция которой поступала на рынки Сибири и России. Отец, Адриан Андреевич, с 60-х годов XIX столетия владел винноводочным и пивоваренным заводами, мельницей, торговал на Ирбитской и Макарьевской ярмарках.

Радел Адриан Андреевич и об общественной пользе. Сохранилось такое свидетельство: в 1870 году, будучи тобольским городским головой, он вызывался безвозмездно загрузить в с. Самарово и доставить в Тобольск две баржи с камнем для мощения городских улиц¹. А вот еще факт. «В 1865 г., — пишет «Сибирский листок», — в Тобольском округе был неурожай, и в г. Тобольске цены на хлебные припасы сильно было поднялись — ржаная мука до 1 р. 20 к. за пуд; но покойный Адр. А. Сыромятников, имея в запасе 10 тысяч пудов ржаной муки, начал продавать по 80 к., и цены сразу стали понижаться. Как только цены падали до 80 к., Сыромятников прекращал продажу из своего запаса, при повышении же опять начинал продавать и, таким образом, в продолжение четырех месяцев он держал цены почти на одном уровне»².

Большой заслугой Адриана Андреевича было основание на собственные средства и содержание в течение 1877—1883 гг. Тобольской ремесленной школы. Автор исследования истории этой школы М.Н. Костюрина

¹ Тоб. губ. вед. — 1870. — 30 мая.

² Местная хроника // Сиб. листок. — Тобольск, 1891. — 15 сент.

писала, что он «...выстроил дом со службами, мастерскую, кузницу, малярню» и дал средства на обзаведение всем необходимым и содержание 40 учеников.

Дело отца после его смерти в 1883 г. продолжил Александр Адрианович. Три года он заведовал всеми делами школы, которую отец безвозмездно передал городу, и содержал на свой счет учеников. Потом школа постепенно пришла в упадок.

Как-то в одной из командировок от тобольского историка и писателя В.Ю. Софронова узнал, что у тоболяков до сих пор в ходу шуточное присловие: «Дел, как у Сыромятникова», т.е. невпроворот. Память земляков через столетие донесла до нас образ человека, одаренного огромной жаждой дела и бурлящей энергией. Предприимчивый Александр Адрианович действительно вел дела во многих отраслях хозяйства: животноводстве, мучном производстве, торговле, винокурении и пивоварении, рыбном промысле, заготовке дров, звероводстве... Газеты часто сообщали о деловых успехах и начинаниях Сыромятникова. Вот некоторые хроникальные заметки, дающие представление о круге его занятий.

«По итогам Сибирско-Уральской научно-промышленной выставки Сыромятников Александр Адрианович за удовлетворительное качество водок награжден бронзовой медалью Министерства финансов»³.

«Пущена в ход водяная «Адриановская» крупчатая мельница, находящаяся при р. Аремзянке и принадлежащая А.А. Сыромятникову»⁴.

«А.А. Сыромятников, желая улучшить свой завод крупным рогатым скотом... выписывает от одной из самых солидных русских сельскохозяйственных ферм племенного быка, имея в виду впоследствии распространять породистых бычков среди крестьянского населения»⁵.

«...недавно А.А. Сыромятников приобрел сепаратор, который будет работать в его подгородном имении»⁶.

«...ввиду недостатка рабочих и особенно каменщиков тобольский купец А.А. Сыромятников выписал артель каменщиков из Пермской губернии»⁷.

³ Тоб. губ. вед. — 1887. — № 43.

⁴ Сиб. листок. — 1892. — 15 марта.

⁵ Сиб. листок. — 1896. — 10 нояб.

⁶ Сиб. листок. — 1899. — 30 мая.

⁷ Сиб. торг. газета. — Тюмень, 1900. — № 94.

«...губернский ветеринар А.Я. Лемперт осматривал на днях скот на заимке купца Сыромятникова и нашел, что скот этот вполне пригоден для улучшения местного крестьянского скота. Г. Лемперт намерен приобрести некоторые особи в качестве хороших производителей для Курганского питомника... а также рекомендовать этот скот для приобретения 1-му Тобольскому отделу МОСХ⁸ в г. Кургане вместо дорогостоящих и плохо акклиматизированных в Сибири производителей иностранных пород»⁹.

Интересовался Сыромятников и горным делом. В 1895 г. на его средства горный инженер Кольштедт совершил поездку на Северный Урал для проверки сообщений о металлоносности края и нашел медную руду. Семь лет спустя Александр Адрианович побывал в этих местах сам, снарядив и возглавив экспедицию для поиска медной руды в бассейне р. Большая Харута. В организации этой экспедиции вполне проявился деловой стиль руководителя: он был чужд прагматической узости и свои дела задумывал и вел широко, эффективно. К поездке он привлек кандидатов естественных наук И.В. Гурского, А.К. Баянуса, М.К. Кокшарова и отставного лесничего А.А. Андреева для попутного сбора минералогических и ботанических коллекций.

Экспедиция, по-видимому, не увенчалась открытием месторождения, годного для разработки, но и не оказалась бесполезной. 27 сентября 1892 г. «Сибирский листок» сообщал, что часть привезенных с Урала коллекций будет передана обществу естествоиспытателей при Казанском университете. В 1895 г. на средства Сыромятникова в Москве была выпущена книга «Поездка на Северный Урал летом 1892 года», составленная по дневникам руководителя экспедиции А.А. Андреева¹⁰.

Эта поездка была скорее краеведческим, чем научно-исследовательским предприятием, а вот рыбным промыслом и торговлей Сыромятников занимался в низовье Оби более основательно. Намереваясь развивать свое дело на Тобольском Севере, он даже, по сообщению «Сибирской торговой газеты», в 1900 г. перекупил у знаменитого промыш-

⁸ Московское общество сельского хозяйства.

⁹ Сиб. листок. — 1901. — 12 авг.

¹⁰ В 2004 г. книга переиздана по заказу Ханты-Мансийской государственной окружной библиотеки тюменским издательством «Мандр и К³» в серии «Югорский репринт».

ленника и мецената А.М. Сибирякова его собственность в Березовском уезде, в частности, пристань на р. Ляпин у с. Саранпауль.

Недюжинный темперамент А.А. Сыромятникова проявился и в его общественной деятельности. По-видимому, наиболее ценным его вкладом в этой области, имевшим значение не только для Тобольской губернии, но и всей Сибири, надо считать основание в Тобольске газеты «Сибирский листок». Унаследовав дело отца, он первым из тобольских предпринимателей стал давать в 1880-е годы работу политическим ссыльным — Л.Е. Луговскому, А.И. Нуромскому, А.А. Зубковскому, Н.Н. Подревскому и другим. По совету политических и при их активном участии он и начал в конце 1890 г. выпускать «Сибирский листок» как его редактор-издатель. К сотрудничеству удалось привлечь авторов с именами: Ядринцева, Швецова, Чудновского и других известных сибирских публицистов.

В этот краткий период своего редакторства (с декабря 1890 по январь 1894 г.) Сыромятников нередко сталкивался с жесткими цензурными ограничениями и обвинялся в суде за злословие в печати, а за публикацию отдельной брошюрой собственной статьи «Депозитомания» был наказан штрафом в 100 р. и десятидневным арестом. Но не это заставило отказаться от издания «Сибирского листка». За три года он потратил на газету 6000 рублей, и продолжение издания стало для него непосильным. Но у А.А. Сыромятникова нашлись достойные преемники, и «Сибирский листок», переходя из рук в руки, дожил до 1919 г. и остался в истории Тобольской губернии как сильный аккумулятор и генератор общественной энергии.

Газета — далеко не единственное общественное дело, к которому был причастен Александр Адрианович. С 1888 по 1912 год с небольшими перерывами он избирался гласным городской Думы и участвовал в нескольких ее комиссиях. Преданный интересам родного края, Сыромятников был горячим сторонником проекта прокладки железной дороги до Тобольска, участвовал во всех городских железнодорожных комиссиях, в составлении докладной записки на имя П.А. Столыпина о необходимости постройки ветки от Ялуторовска до Тобольска и ездил в 1911 г. в Петербург в составе городской депутации по этому вопросу.

Сверх того, Александр Адрианович состоял членом губернского статистического комитета, избирался присяжным заседателем по Тоболь-

скому уезду, одним из директоров Тобольского отделения Императорского Российского драматического общества, председателем Общества взаимного от огня страхования и вольного пожарного общества, получал благодарности от Тобольского епархиального училищного совета за усердное и ревностное отношение к церковно-школьному делу. Самое активное участие он принимал в работе Общества вспомоществования бедным студентам Тобольской губернии и Тобольского губернского музея, последний много раз получал от него материальную поддержку. Но оставлю этот перечень и лучше приведу пример, может быть, малозначительного, но характерного для Сыромятникова поступка, о котором сообщил «Сибирский листок»: «14 ноября Тобольская городская дума рассматривала отношение Тобольской мещанской управы с общественным приговором по выборам кандидата на должность казначея в Тобольскую мещанскую богадельню. Мещане хотя и считают богадельню своей, но не могли найти из своей среды казначея... Дума обратилась к А.А. Сыромятникову, сидевшему среди публики, с просьбой принять на себя обязанности казначея богадельни, на что он изъявил свое согласие»¹¹.

Когда дело касалось общественных нужд, Сыромятников много раз откликался на них пожертвованиями. Значительные средства отдавал он на благоустройство города, участвовал в строительстве нового здания губернского музея (его вклад — 2500 пудов извести), внес 300 р. на закладку здания Народной аудитории, 100 р. — на устройство церкви в новом здании Тобольской гимназии, неоднократно передавал часть своих продовольственных запасов в бесплатную столовую для бедных. В этом он был настоящим сыном своего отца Адриана Андреевича.

«Кажется, не было такого общества в Тобольске, — писал об Александре Андриановиче автор некролога в «Сибирском листке», — в котором покойный не принимал бы участия. Остроумный, живой и деятельный по натуре, он, несмотря на большое торговое и сельскохозяйственное дело, успевал всюду, являясь убежденным сторонником общественной самодеятельности».

Для неумной природы А.А. Сыромятникова был привычен риск, и азарт игрока однажды привел его к экономическому краху. Он слишком много задолжал и не в силах был расплатиться. В 1904 г. он пригла-

¹¹ Сиб. листок. — 1910. — 17 янв.

шал кредиторов для выяснения положения дел и выработки мер их исправления, но уже в том же году шла по решению мирового судьи распродажа его имущества. 7 января определением Тобольского окружного суда Сыромятников был объявлен несостоятельным должником по торговле¹². На публичных торгах были выставлены на продажу его сельскохозяйственный инвентарь, экипажи, товары и другое имущество. Связанный долгами, он должен был умерить деловую активность, дела его замерли на время, но уже в начале 1908 г. Сыромятников заключил мировую сделку с кредиторами и начал поправлять дела и восстанавливать свое доброе имя.

В последние годы жизни А.А. Сыромятников снова активный предприниматель. В 1911 г. он имел магазин на углу Малой Пятницкой и Туляцкой улиц. В «Сибирском листке» стали печататься объявления: «В магазине А.А. Сыромятникова сейчас получены липовый мед, сливочное масло своей фермы», «Прошу господ потребителей не отказать попробовать венское пиво последнего выпуска после перестройки и усовершенствования завода А.А. Сыромятникова»...

На конец первого—начало второго десятилетия XX в. пришёлся пик увлечения тоболяков кино, одно время работало в городе сразу четыре кинотеатра (тогда их называли электротеатрами). Конечно, Сыромятников не мог остаться в стороне от такого живого дела и в апреле 1910 г. открыл на паях в доме Лобкова напротив Народной аудитории электротеатр «Искер». Тоболяки увидели прежнего Сыромятникова: в хронике «Сибирского листка» сообщалось о том, что в антрактах в «Искере» выступают артисты, и это новшество привлекает массу публики; что в скором времени здесь начнутся субботние сеансы для детей, и дирекция просит учителей народных училищ приводить бесплатно беднейших учеников, но не больше 20 из каждого училища; что намечены сеансы, сбор от которых поступит в пользу нуждающихся студентов-тоболяков; что дирекция «Искера» жертвует выручку одного дня каждой недели на бесплатную столовую общины Красного Креста.

...В бывшем тобольском предместье Вершина, давно уже ставшем частью города, сохранились еще следы былой хозяйственной деятельности А.А. Сыромятникова. Здесь, в долине протекающей через город речки Курдюмки, где когда-то размещались его производства и служ-

¹² Сиб. листок. — 1905. — 13 янв.

бы, доживает свой век внушительных размеров двухэтажный дом; в верхнем деревянном его этаже несколько лет назад еще жило несколько семей, нижний, кирпичный, давно пуст. Говорят, в советское время здесь работала мебельная фабрика. Поднявшись еще выше, можно в русле речки увидеть остатки плотины. Здесь был пруд и, как утверждают нынешние обитатели Вершины, в дореволюционные годы вымачивались кожи. На правом берегу речки лежат какие-то металлические емкости, видны старые кирпичные фундаменты. Тоболяки с уважением отзываются о бывшем хозяине Вершины: как все разумно и прочно было устроено, как долго, без малого столетие, не стирается след.

В. Белобородов

Источник

О недовольстве обдорскими торговцами в 1916 г.

С. Обдорск в кон. XIX — начале XX в. было одним из самых оживленных центров торговой деятельности Березовского края. Главным событием торговой жизни была Крещенская (Никольская) ярмарка, проводимая в январе. Летом, во время навигации завозили большую часть торговой продукции, запасов продуктов на зиму. Нехватка местной зерновой продукции компенсировалась покупкой привозных сельскохозяйственных продуктов, цены на которые были доступными. К примеру, стоимость 1 пуда ржаной муки с середины XIX в. в Обдорске держалась около 40 коп. за 1 пуд, на Сосьве — около 30–35 коп. за 1 пуд, в Надыме могла подниматься выше рубля; к концу XIX в. цены на муку увеличились на 20–50% и более¹. Также на север в начале осени на пароходах привозили овощи — картофель, капусту, огурцы, репу, редьку и др.² Роль с. Обдорск в экономической жизни севера Тобольской губернии активизировалась со второй половины XIX в., почти все население села активно занималось торговлей с коренным населением в течение года. Часть из них имела официальные торговые свидетельства от казны, большинство торговало без подобных разрешений. Постепенно открывались торговые заведения. В первые годы XX в. Обдорск считался весьма зажиточным торгово-промышленным селом, в нем насчитывалось 150 домовладельцев, около полутора тысяч постоянных жителей обоего пола, имелось 57 лавок и 80 скупщиков³.

¹ ГУТО ГАТ. Ф.417. Оп. 1. Д. 638. Л. 12 об.—13 об.; Поляков И.С. Письма и отчеты о путешествии в долину р. Оби, исполненном по поручению Императорской Академии наук. Тюмень: Изд-во Юрия Мандрики, 2002. С. 75, 156; С. Обдорск Тобольской губернии // Сиб. листок. 1895. № 102 (30 дек.). С. 2–3; Результаты Обдорской ярмарки 1897 г. (Письмо из Обдорска) // Сиб. листок. 1897. № 15 (20 февр.). С. 1–2; Кориков Л.А. От Сартыньи до Щекурьи (Из дневника фельдшера) // Сиб. листок. 1898. № 8 (25 янв.). С. 1–2.

² Поляков И.С. Письма и отчеты о путешествии в долину р.Оби... С.171.

³ ГУТО ГАТ. Ф. 152. Оп. 35. Д. 633. Л. 46, 128.

К 1915 г. число жителей Обдорска, которые занимались торговлей, достигло 391 человека⁴. В это время возникает идея о создании в Обдорске общества потребителей под названием «Приполярный край» («Северный Приполярный край»). Это соответствовало общим процессам развития кооперации в России, начавшимся со второй половины XIX в. в виде крестьянской кредитной кооперации, маслодельных артелей и сельскохозяйственных товариществ: на 1 января 1916 г. в России насчитывалось 38 тыс. кооперативов, из них 15 тыс. кредитных, 12 тыс. потребительских, 10 тыс. сельскохозяйственных и др.⁵

В публикуемых документах дела о недовольстве обдорскими торговцами⁶ рассматривается конфликтная ситуация, возникшая в 1916 г. в с. Обдорск в связи с отношениями углубляющейся конкуренции между русскими и коми (зырянскими) торговцами при подстрекательстве одного из организаторов потребительского общества Н.А. Нужина, акцизного контролера Управления 4-го акцизного округа Тобольской губернии и Акмолинской области.

В Обдорск коми начали приезжать с первой трети XIX в. с целью торговли. В середине 1850-х гг. на ярмарку в Обдорск приезжало от 40 до 60 коми-ижемцев, в 1858 г. их насчитывалось более 205 человек, кроме детей и женщин⁷. Причинами значительного наплыва коми указывались нехватка продовольствия в Мезенском уезде и благоприятное отношение местного обдорского начальства, которое оказывало им «в торговле и во всем прочем покровительство»⁸. Постепенно они обосновывались для постоянного жительства. В 1850-х гг. в Обдорске постоянно находилось более десятка семей коми⁹. Большинство первых поселенцев не имело постоянной оседлости, а временно проживало на квартирах. В первой половине XIX в. было выдвинуто требование о

⁴ Данковцева С.Г. Особенности быта обдорян в конце XIX — начале XX вв. // Народы Северо-Западной Сибири. Томск: Изд-во Томского ун-та, 1998. С. 63.

⁵ Петрова В.П. Кооперация и крестьянство. История сельскохозяйственной кооперации Урала в 1917–1930 годах. Тюмень: Изд-во Тюм. гос. ун-та, 2004. С. 18–19.

⁶ ГУТО ГАТ. Ф. 152. Оп. 34. Д. 1061.

⁷ Там же. Ф. 417. Оп. 1. Д. 638. Л. 15.

⁸ Там же. Л. 15–15об.

⁹ Повод Н.А. Коми Северного Зауралья (XIX — первая четверть XX в.). Новосибирск: Наука, 2006. С. 55–56.

выселении из Обдорска, Мужей и Кушевата русских и коми, т.к. якобы их заселение происходило с нарушением Устава 1822 г. — без согласия проживающих там «инородцев»; причем в Обдорске устраивали погромы домов и амбаров торговцев¹⁰. В результате, по решению Главного Совета Западной Сибири, в 1854 г. было разрешено проживание в Обдорске тех русских и коми, которые поселились в минувшем столетии; они получили право усадебной оседлости¹¹. По данным Л.Н. Жеребцова, первое коми семейство поселилось в Обдорске в 1853 г.¹² Возрастающие роли Обдорска как торгового села во второй половине XIX в. обусловило приток сюда зырянского населения, которое к началу XX в. стало преобладающим. В 1897 г. коми (зырян) насчитывалось 539 человек из 1249 жителей села¹³. В 1915 г. в Обдорске постоянно проживали 1461 человек, в т.ч. русские — 302, коми — 682¹⁴. В 1916 г. общая численность обдорян достигла 1524 человек¹⁵.

К началу XX в. коми-ижемцы значительно расширили территорию торговой деятельности в Березовском крае. Несмотря на то, что основные сделки совершались в период проведения ярмарок, торговлей они стали заниматься и на протяжении всего года. Практиковались различные формы торговой деятельности — ярмарочная, стационарная, выездная, существовала также нелегальная продажа спиртных напитков.

Среди владельцев постоянных торговых лавок в начале XX в. были и зыряне: крестьянин Архангельской губернии Арсений Григорьевич Терентьев, обдорские крестьянине Федор Осипович Терентьев (мелочная лавка), Иван Афанасьевич Рочев¹⁶. Мелочная лавка была у Истомина

¹⁰ Перевалова Е.В. Правительственная политика в отношении аборигенов Обдорского края // Ямал: грань веков и тысячелетий. Салехард; СПб., 2000. С. 408.

¹¹ Там же. С. 409.

¹² Жеребцов Л.Н. Историко-культурные взаимоотношения коми с соседними народами (X — начало XIX в.). М.: Наука, 1982. С. 180.

¹³ Патканов С.К. Статистические данные, показывающие племенной состав населения Сибири, язык и роды инородцев // Записки ИРГО. Том XI, вып.2. СПб., 1911. С. 26–27.

¹⁴ Туров С.В. Русское Северное Зауралье. Церковно-исторические и этнологические очерки // Научный вестник. Салехард, 2006. № 7 (44). С. 91.

¹⁵ ГУТО ГАТ. Ф. 152. Оп. 35. Д. 633. С. 128–128 об.

¹⁶ Данковцева С.Г. Особенности быта обдорян... Томск, 1998. С. 67.

Ивана Михайлова с оборотом в 1913 г. в 10000 руб. и прибылью в 15000 руб., у Дмитрия Чупрова¹⁷. Торговлей мануфактурными и другими товарами занимался Терентий Алексеев Витязев, он имел приказчика Филишова¹⁸. Меновая торговля наряду с рыбопромышленностью была главным занятием Ивана Александровича Рочева, жителя с. Обдорск, ему приходилось выезжать в Нижний Новгород по торговым делам¹⁹.

Коми стали «опасными» конкурентами русских и других торговцев, перед которыми они имели большое преимущество, так как по образу жизни имели гораздо больше общего с коренным населением, особенно с оленеводами²⁰. Крупных торговцев среди коми не было, но их хорошие знания местных условий и тесные связи с коренным населением позволяли им успешно конкурировать с русскими, особенно мелкими торговцами. Коми способствовали формированию торговой конкуренции в Березовском крае и вовлечению коренного населения в товарно-денежные отношения. Они скупали шкуры оленей, убитых зверей и другие предметы промыслов по более высоким ценам, и тем самым значительно повышали их цены²¹. Действия коми, приводящие к повышению цен, вызывали недоброжелательное отношение к ним со стороны местных русских торговцев, так как они лишались значительных выгод²². В то же время, их деятельность была очень выгодна крупным торговцам, так как купцам выгоднее было сбывать товар постоянным мелким перекупщикам, чем открывать свои фактории на удаленных территориях. В летнее время коми-ижемцы покупали товары у приказчиков тобольских купцов и развозили припасы по юртам остяков²³. Торговая деятельность коми становилась фактором эпизодических обо-

¹⁷ ГУТО ГАТ. Ф. 496. Оп. 1. Д. 1/1. Л. 57. Ф. 152. Оп. 34. Д. 1061. Л. 33 об.

¹⁸ Там же. Д. 1/1. Л. 83–83 об.

¹⁹ Там же. Ф. 573. Оп. 1. Д. 3. Л. 189об.; Бартенев В.В. На Крайнем Северо-Западе Сибири. С. 142.

²⁰ Гондатти Н.Л. Предварительный отчет о поездке в Северо-Западную Сибирь // Лукич. Тюмень, 2000. Ч. 4. С. 97.

²¹ Бартенев В.В. На крайнем Северо-Западе Сибири. С.142, 203; Дунин-Горкавич А.А. Тобольский Север. М.: Либерия, 1995. Т.1: Общий обзор страны, ее естественных богатств и промышленной деятельности населения. С. 123.

²² ГУТО ГАТ. Ф. 417. Оп. 1. Д. 638. Л. 22 об.

²³ Воропай И.М. От реки Оби до Северного океана // Природа и охота. 1900. № 1. С. 32.

стрений отношений и появления конфронтации между различными группами населения: коренного и переселенцев (как русских, так и коми), между русскими и коми. Выдвигались опасения, что коми являются серьезным соперником для русского населения и что со временем они станут «господами по всей низовой Оби»²⁴.

Социальное напряжение среди коми также могло быть вызвано их неопределенным статусом в Березовском округе Тобольской губернии. Большинство постоянно живущих в Обдорске зырян формально оставалось приписанным к сельским обществам населенных пунктов территории первоначального проживания. По сведениям В.В. Бартенева, в Обдорске с 1880-х гг. существовало Обдорское сельское общество, ядро которого составляли бывшие березовские казаки. Коми, проживавшие в Обдорске, получали в остяцко-самоедской инородческой управе у местного инородческого общества приговор для получения права усадебной оседлости, но к сельскому русскому обществу не приписывались. В начале 1890-х гг. в Обдорске таких «окончательно укрепившихся», т.е. имевших право усадебной оседлости, ижемских семей было 6–7, они не были объединены в рамках действующего общества, не имели своих старост, не имели права и возможности принимать участия в местных общественных делах, не участвовали в сельском сходе и не несли никаких местных сборов. Обдорское сельское общество часто возбуждало ходатайства о выдворении коми-ижемцев, имеющих приговоры для проживания, но не приписанных к сельскому обществу; такие притязания решались как в частном порядке, так и с привлечением представителей губернской администрации²⁵.

В такой ситуации любое подстрекательство с призывом об отстаивании ущемленных прав, в т.ч. прав потребителей, попадало на благодатную почву и могло вызвать «страшное озлобление местного зырянского населения против торгующих с. Обдорска»²⁶. Березовский уездный исправник Л.Н. Ямзин в секретном рапорте доложил тобольскому губернатору о начавшихся в селе в нач. 1916 г. волнениях между населением и торгующими, итогах проведенного дознания и просил прислать после открытия навигации «все чина полиции» для профилактики беспоряд-

²⁴ Бартнев В.В. На крайнем Северо-Западе Сибири. С. 140.

²⁵ Там же. С. 117, 128–129.

²⁶ ГУТО ГАТ. Ф. 152. Оп. 34. Д. 1061. Л. 1а.

ков. Торговля продуктами питания была взята под контроль уездными властями, учтены все имеющиеся запасы, введено лимитирование отпуска товаров, отменена продажа в кредит, проверено соответствие цен таксе, утвержденной Березовской продовольственной комиссией. Возможно, что агрессивное состояние горожан, подогреваемое агитацией Нужи́на, могла вызывать и невозможность скупить продукты для их последующей перепродажи оленеводам, обеспечивающим себя в марте и апреле съестными припасами на все время летних касланий (более чем на полгода). По данным Л.Н. Ямзина, члены потребительского общества, «как и все жители Обдорска, не какие-нибудь бедняки, перебивающиеся с копейки на копейку, а торгаши и рыбопромышленники. В обществе этом не более 5–8 человек членов, действительно нуждающихся, для которых каждая копейка составляет ценность, а остальные все торгаши, вступившие в общество с тысячными взносами с целью — «дешевле купить — дороже продать»; у каждого из этих торгашей оборот на тысячи рублей»²⁷. Несмотря на ограниченный отпуск муки крупчатки в одни руки, мелкие торговцы и состоятельные зыряне, убедившись, что цены на крупчатку в городе Тобольске и других городах выше цен, существующих в Обдорске, стремились сделать запасы, используя для закупки подставных лиц, покупая таким путем муку и сахар по несколько пудов в день. После проведенного в конце марта 1916 г. дознания и отъезда Н.А. Нужи́на в Тобольск с докладом враждебность по отношению к торговцам стихла, но в сентябре, после возвращения акцизного контролера, снова возникли дрязги, уже по поводу обеспечения дровами, с призывами «отобрать у имеющих и раздать нуждающимся».

В целом публикуемые документы дают представление об отдельной странице истории с. Обдорска (г. Салехарда), механизмах контроля за распределением продуктов питания, способах урегулирования конфликтной обстановки, повышении общественной активности коми (зырян), влиянии революционной ситуации в России на настроения населения периферии.

*Нина Лискевич,
кандидат исторических наук*

²⁷ ГУТО ГАТ. Ф. 152. Оп. 34. Д. 1061. Л. 36 об.

Ф. 152. Оп. 34. Д. 1061.

Л. 1а

Совершенно секретно

Его превосходительству
господину тобольскому губернатору
березовского уездного исправника

Рапорт

В бытность свою ныне, в марте месяце, по делам службы в Обдорске, я встретил там страшное озлобление местного зырянского населения против торгующих с. Обдорска, вызванное натравливанием акцизного контролера Нужина и учителя сельского училища Дмитриева-Садовникова. Торговцы доведены этим натравлением до такого состояния, что, не желая далее подвергаться нападкам и оскорблениям со стороны населения, просили меня взять у них торговлю в руки правительства.

Придавая важное значение возникшему волнению между населением и торгующими и принимая во внимание, что зыряне, при своей грубости, невежественности и корыстности ни перед чем не остановятся, и что волнение это может вылиться в беспорядки, я поручил приставу произвести подробное расследование. А между тем распорядился приведением в известность всех продовольственных /Л. 1а об./ припасов у торговцев с. Обдорского и в целях сбережения запасов до доставки новых, — 19 марта, предложить приставу принять отпуск продуктов в свое заведывание и разрешить отпуск только по мере действительной необходимости, сообразуясь с составом семьи.

Данные же дознания, порученного приставу, о возникших волнениях между населением и торговцами выяснили следующее.

Контролер Нужин и учитель Дмитриев-Садовников, желая показать себя людьми прогрессивного направления и обрести популярность среди населения, а также привлечь большее число членов в организуемое ими Обдорское потребительское общество «Приполярный край»,

пользуясь нынешней дороговизной цен на продукты, ведут против торговцев агитацию, распространяя среди населения понятия, что «купцы грабят», «сдирают кожу с бедных людей» и проч. и проч. и что местная администрация им покровительствует.

Благодаря этой агитации настроение местного населения очень озлобленное и во что оно выльется в распутицу и во время отправки по открытию навигации мобилизованных ратников и рыбаков на промысла — неизвестно.

Еще с ноября или декабря м[есяц]а контролер Нужин и учитель Дмитриев-Садовников начали вербовать членов-учредителей общества потребителей и распространять среди населения отзывы, что «купцы грабят, дерут кожу» и проч., и эти слова /Л. 2/ стали повторяться всем зырянским населением. Суждения эти Нужин вел среди мужиков в торговой бане и в доме содержателя бань зырянина Ивана Степанова Чупрова, где за публикой не было остановки. При всех этих разговорах Нужин предлагал «организоваться и вырвать население из рук кулаков, безнаказанно обирающих его» и обвинял местную администрацию в попустительстве и покровительстве торговцам. Члены вновь нарождающегося «кооператива» плохо, по своей некультурности, усваивали устав, а усваивали из разъяснения Нужина только то, что «купцы грабят» и потому начали вести себя по отношению к торговцам вызывающе, требовали отпуска товаров в размере, желательном им, а когда им в этом отказывали, то угрожали, что «дойдет время до того, что они сами возьмут, что им нужно».

Озлобление населения против торговцев все более и более растет и поддерживается руководителями общества потребителей контролером Нужиным и учителем Дмитриевым-Садовниковым и членами — зырянами Иваном Степановым Чупровым, Петром Яковлевым Истоминым и крестьянином Георгием Осиповым Ламбиным.

Торговцев, несмотря на то, что все продукты осмотрены и приведены правительственной администрацией в известность, обвиняют в сокрытии продуктов и прочих ни на чем не обоснованных поступках, хотя продуктов этих к 1 апреля состояло в Обдорске в частной продаже [Л. 2 об.]: муки ржаной — 10 000 пуд., крупчатой — разных сортов — 5000 пуд., сахару за 400 пуд., всех этих запасов для маленького села Обдорска хватит до лета с большим остатком. Все эти продукты продаются по утвержденной таксе, и цены на них — далеко ниже цен, чем в Тобольске.

18 марта, будучи в Обдорске, я при сельском старосте, вызвав контролера Нужина, указал ему на неуместность его агитации, которую он ведет против торговцев и направляет против них население, последствием чего могут возникнуть беспорядки, и что торговцы отказываются от торговли, предлагая взять таковую в руки правительства; на это Нужин ответил мне: «Давно пора все взять от них»; что «всех торговцев он инстинктивно ненавидит».

Настоящее возмущенное настроение населения в Обдорске всецело обязано агитации Нужина и Садовникова, натравливающих темное население на торговцев и администрацию чрез членов общества потребителей и чрез корреспонденции, печатаемые в «Сибирском листке», которые они и прочитывают населению, поясняя и разъясняя ему значение их, а это темное население верит во все напечатанное и принимает за истину. В настоящее время Нужин и Садовников приобрели среди указанного населения популярность и название «защитников бедного населения», и они называют себя не иначе как «идейными народниками». Это темное население обращается к ним со всякими жалобами, и они направляют их, как выгодно им в интересах их преступной деятельности.

/Л. З/ Таким образом, преступная агитация этих «идейных народников» пала на самую благодарную почву, и теперь нужно ожидать только от посева этого соответственных всходов... Если благополучно пройдет в Обдорске нынешняя весна и лето, то обязательно нужно ожидать что-либо зимой и будущей весной. Год здесь предстоит тяжелый, торговцы, запуганные таким против них озлоблением, не хотят заготавливать товаров, а если и заготовят, то в самом ограниченном количестве, и вот для деятельности этих «идейных народников» предстоит в будущем «работа», которую во что бы то ни стало, чтобы спасти население от окончательной деморализации, нужно вырвать с корнем. А очень опасно, чтобы эта деморализация не коснулась и не распространилась на ни в чем не повинных инородцев, а корни туда уже стали запускаться как приглашением Нужиным инородческого старшины Тайшина вступить в число членов «кооператива» со всеми мирскими капиталами, принадлежащими инородцам, так и других инородцев, с которыми, по словам Тайшина, Нужин уже имел переговоры.

Ко всему этому я получил секретное письмо из Обдорска, от г. мирового судьи Закорюкина от 30 марта за № 664 (которое при сем пред-

ставляю), в котором он извещает меня о готовящихся в Обдорске беспорядках и сообщает, что агитация Нужина и Садовникова против властей и торговцев настолько вредна, что следует /Л. 3 об./ в ограждение порядка и спокойствия в с. Обдорском принять самые энергичные меры к удалению их отсюда и что если произойдут какие-либо беспорядки, то это исключительно благодаря агитации упомянутых лиц.

Докладывая о вышеизложенном вашему превосходительству и представляя при сем дознание по этому предмету, я имею честь просить в ограждение в Обдорске тишины, порядка и общественного спокойствия означенных акцизного контролера Нужина и учителя Дмитриева-Садовникова немедленно, по сношению с их начальством, перевести на службу из Обдорска в другое место, а остальных агитаторов против торгующих: зырян — крестьян Архангельской губернии — Ивана Степанова Чупрова и Петра Яковлева Истомина и крестьянина Тобольского уезда Бронниковской волости Георгия Осипова Ламбина подвергнуть в пример прочим строгому аресту на основ[ании] обязательного постановления вашего превосходительства от 4 сентября 1913 года (§ 24–32), дабы в корне пресечь возникшие в Обдорске выходки против местной администрации и торговцев, противные государственному порядку и общественному спокойствию.

Дознание от пристава я получил 8 апреля, в то время, когда наступила распутица и прекратилось сообщение с Тобольском, а потому я лишен был возможности немедленно представить таковое вашему превосходительству.

/Л. 4/Для предотвращения могущих возникнуть в Обдорске беспорядков при сборе ратников и отправке на промысла рабочих мною будут посланы в Обдорск, взараз по открытию навигации все чины полиции, без которых я пока могу обойтись.

О последующем прошу дать мне знать.

Исправник — *подпись (Ямзин)*

Апреля 25 дня 1916 года.

Л. 7

Протокол дознания

1916 года марта 26 дня с. Обдорское. Пристав 2-го стана Березовского уезда, согласно личному поручению г. березовского уездного ис-

правника, произвел негласное дознание о деятельности акцизного контролера IV округа Тобольской губернии и Акмолинской области Нужина, по поводу восстановления им населения против торгующих близ Обдорска, спрашивал нижепоименованных, и они объяснили.

[1]. Обдорский крестьянин, проживающий в Обдорске, Павел Никаноров Мамеев, что в ноябре или декабре месяце, хорошо не помнит, акцизный контролер Нужин, как-то встречаясь с ним, разговорился о дороговизне в Обдорске продуктов, причем высказывал, что он удивляется безнаказанному повышению торговцами цен на продукты, установленных с осени, и что они должны за это привлекаться к законной ответственности, но здесь на это полицией не обращается внимания, что дает им возможность грабить население.

/Л. 7об./ При этом он предлагал организовать населению в кооперативные общества — учредить кредитное товарищество и общество потребителей. Вскоре после этого к нему, Мамееву, заходил кр-н Бронниковской волости Георгий Осипов Ламбин и, возмущаясь, говорил, что купцы грабят местный народ, повышая цены на продукты и никто не обращает на это внимание и что акцизный Нужин советует учредить кредитное товарищество и потребительское общество. Затем началось то же суждение среди населения Обдорска, также говорилось, что купцы грабят, дерут кожу и проч., — одним словом, повторялись слова Нужина, сказанные ему, Мамееву. Было известно, что Нужин ведет с мужиками разговоры по этому предмету в торговой бане и в доме содержателя бань Ивана Степанова Чупрова, где Нужин бывает довольно часто.

С января месяца с. г. он, Мамеев, вступил в обязанности обдорского сельского старосты */Л. 8/*, организация кредитного товарищества шла в полном ходу. Членов-учредителей вербовали учитель 2-классного сельского училища Г.М. Садовников, содержатель бань крестьянин И.С. Чупров, Георгий Ламбин и Петр Яков. Истомин. Он, Мамеев, был в квартире Нужина, познакомился с уставом кредитного товарищества и потребительского общества, Нужин тоже говорил ему, что пора организовать и вырвать население из рук кулаков, безнаказанно обирающих их. Во всех разговорах было видно, что Нужин обвиняет местную администрацию в попустительстве и покровительстве торговцев. Члены вновь нарождающегося кредитного товарищества, плохо по своей некультурности усваивающие уставы, а усваивающие из разъясне-

ний Нужина только то, что «купцы грабят», начали вести себя вызывающе по отношению к торговцам, требовали разные продукты с угрозами, а когда им отпускали не то количество, которое они требовали, высказывали, что дойдет время до того, что они сами возьмут, что им /Л. 8 об./ нужно. Озлобление населения против торговцев растет, оно поддерживается членами общества потребителей И.С. Чупровым, Г.О. Ламбиным, П.Я. Истоминым и руководителями — Нужиным и учителем Садовниковым. Торговцев, несмотря на то, что все продукты осмотрены и приведены в известность, обвиняют в сокрытии продуктов и проч. ни на чем не основанных поступках. Озлобление еще более усиливается ввиду прекращения торговцами отпуска товаров в кредит. Трудно сказать, во что выльется это настроение в распутицу и при отправке по открытию навигации мобилизованных ратников, а также при отправке рыбаков на рыбные промыслы.

18-го марта он, Мамеев, был свидетелем того, как березовский уездный исправник г. Ямзин в бытность в Обдорске указывал Нужину на непристойность агитации, которую ведет он, Нужин, против торговцев и которая ввиду сильного озлобления населения может вылиться в беспорядки, и что торговцы отказываются от торговли, предлагая взять такую в руки правительства. /Л. 9/ Нужин ответил: «Давно пора взять» и что он «ненавидит торговцев».

Вообще с уверенностью можно сказать, что настоящее возмущенное настроение населения всецело зависит от агитации г. Нужина и его ближайшего помощника учителя Садовникова, направляющих культурно темное население на торговцев и администрацию через членов общества потребителей и через корреспонденции, печатаемые в «Сибирском листке». В настоящее время г. Нужин приобрел среди указанного населения популярность защитника, и к нему обращаются со всякими жалобами, и он направляет жалобщиков, как выгодно в интересах его деятельности.

2. Поверенный торгового дома И.Н. Корнилова Н^{ку}, личный почетный гражданин Павел Федорович Тележкин, прож[ивающий] в Обдорске, — что со времени закрытия навигации были установлены цены на продукты, которые затем подверглись некоторому колебанию в зависимости от условий продаж, т.е. в кредит и за наличный расчет. Акцизный контролер Нужин, желая приобрести /Л. 9 об./ популярность среди населения, решил подыскать учредителей кредитного товарище-

ства и общества потребителей, а так как некультурное русско-зырянское население не понимало ни цели, ни значения этих учреждений, то он говорил, что теперь купцы их грабят безнаказанно, а при учреждении означенного товарищества и общества этого не будет.

Ведя подобную агитацию чрез сочувствующих этому делу зырян и учителя Григория Садовникова, а также путем печатаемых им, Нужиным, корреспонденций в «Сибирском листке», вносит в среду населения страшное озлобление против торговцев, и теперь ежедневно приходится выслушивать от покупателей: «грабите», «шкуры дерете», «придет время, сами возьмем, что нужно» и т.п. Озлобление это поддерживается членами учрежденного ныне общества потребителей Иваном Степановым Чупровым, Георгием Осиповым Ламбиньим и Петром Яковлевым Истоминым и усиливается еще и тем, что торговцы ввиду изменений ныне условий торговли прекратили отпуск /Л. 10/ товаров в кредит. Среди населения носится слух, что весной при отправке на промыслы возьмут из лавок сами, что нужно. Нужин агитирует против торговцев, в то же время старается подорвать доверие населения к местной администрации, говорит, что она ведет знакомства с купцами, а поэтому покровительствует им. Вообще озлобление населения небывалое, и во что оно выльется, сказать трудно, одно можно сказать, что население Нужину верит, и он, пользуясь этим, продолжает натравлять население на торговцев.

3. Заведывающая торговлей И.И. Карпова в Обдорске Татьяна Николаева Карпова — что акцизный контролер Нужин бывал в текущую зиму неоднократно в лавке, указывал, что цены на продукты очень высокие, хотя таковые были ниже цен, существовавших в Тобольске, при этом высказывал, что в другом бы месте им не дали повышать цены, установленные с осени, а когда Нужин начал организовывать кредитное товарищество, стало заметно изменение /Л. 10 об./ настроения у покупателей. В лавке покупатели стали вести себя сильно вызывающе, только и было слышно, что купцы «грабят», «сдирают шкуру» и проч. Когда кредитное товарищество и общество потребителей были сорганизованы, Нужин заходил в лавку, высказывал, что купцы его ненавидят за то, что он сорганизовал кредитное товарищество и общество потребителей. В настоящее время озлобление населения против торгующих все возрастает, несмотря на то, что все продукты проверены и продаются по ценам, установленным таксой Березовской продовольственной комиссией, торговцев всеж-

даки* обвиняют в сокрытии товаров, и ... оскорбительные заявления вроде «грабите», «дерете шкуру» и т.п. приходится слышать ежедневно. Кроме того, она слышала, не может только утвердительно сказать от кого, что в доме содержателя бани И.С. Чупрова, где бывает часто Нужин и обсуждаются разные вопросы во время разговоров /Л. 11/ по поводу торговцев, кто-то высказывал предложение поджечь Карпова и Корнилова, кто это говорил, также сказать не может, передавали ей это как слух. Причем Карпова присовокупляет, что хотя все изложенное только слухи, но слухи тревожные и при существующем озлоблении населения неизвестно, во что они могут вылиться, и что душой создавшегося положения является акцизный контролер Нужин, который, желая привлечь в учреждаемые кооперативные учреждения больше членов, старается внушить им недоверие к властям и восстанавливает против торгующих.

4. Тобольская мещанка Таисия Михайлова Путилова, служит приказчицей в лавке Бронникова — что она служит у Бронниковых около 10 лет, но такого вызывающего отношения со стороны покупателей, какое существует ныне, никогда не наблюдала. В покупателях ныне заметно, что они чем-то восстановлены против торговцев, и чувствуется их озлобление. Некоторые продукты /Л. 11 об./ ввиду недостаточности их отпускаются в ограниченном количестве, например, сахар — по 2 фунта. На этой почве инцидентов происходит масса, например, 7 марта в лавку к ним пришел содержатель бань Иван Степанов Чупров, он же член потребительского общества, и просил отпустить ему 10 фун. сахара, а когда ему в этом было отказано, Чупров стал волноваться, говорил, что купцы здесь безнаказанно повышают цену, установленную с осени, делают что хотят, причем выразился: «Ну да купцов здесь 5 человек, а населения 1500». Что хотел этим сказать Чупров, она, Путилова, не знает. Откуда идет озлобление населения, она также не знает.

5. Березовский мещанин Иван Елисеев Палтырев, служит приказчиком в лавке торгового дома И.Н. Корнилова Н^{кн} в Обдорске — что со времени, как акцизный контролер Нужин начал учреждать кредитное товарищество, [...] население /Л. 12/ стало резко выражать неудовольствие по поводу дорогих цен на товары. Ежедневно почти приходится слышать от покупателей: «шкуру сдираете», «грабите», а некоторые, как, например, крестьянин Николай Федоров Конев, при покупке дров го-

* Так в тексте.

ворил, что «скоро сами возьмем бесплатно». Отчего происходит такое настроение, он сказать не может.

30 марта 1916 г.

6. Крестьянин Красноборской волости, прожив. в Обдорске, Арсений Григорьев Терентьев — что настроение населения против торговцев сильно озлобленное, носится много разных тревожных слухов. От крестьянина из ссыльных Осипа Дыденко?, он слышал, как последний высказывал недовольство, что отпускают мало крупчатки, говорил, что «весной сами разберемся, сколько кому нужно». Слышно, что настроение это поддерживается членами общества потребителей.

7. Полицейский урядник 8 уч[астка] Березовского уезда Тимофей Васильев Рочев — что, начиная с начала текущей весны, контролер Нужин, бывая в торговой бане у И.С. Чупрова, ведет с /Л. 12 об./ посетителями разговоры о том, что купцы не имеют права продавать продукты выше цены, по которой они продавали их с осени, и что они должны за это наказываться и остаются безнаказанными только потому, что полиция покровительствует им, и они продолжают грабить население. Благодаря таким рассуждениям Нужина, среди населения заметно возмущение по отношению к торгующим. Теперь, несмотря на то, что существует такса цен, население все ж таки недовольно торгующими, обвиняют в сокрытии продуктов и других неосновательных проступках по продаже продуктов. Все недовольные обращаются с жалобами к Нужину, который с членами организованного общества потребителей стараются поддержать это неудовольствие, стремясь увеличить число членов общества.

31 марта 1916 г.

Старшина Обдорской управы Василий Иванов Тайшин — что дня четыре /Л. 13/ тому назад его приглашал акцизный контролер Нужин и предлагал вступить в члены общества потребителей и вложить общественный капитал. Причем говорил, что тогда все инородцы будут иметь товар по дешевой цене, а не переплачивать торговцам, которые продают теперь товар по очень дорогой цене, и что Нужин об этом говорил уже многим инородцам.

Пристав 2-го ст[ана] Березовского уезда (*подпись*)

Прилагается копия с протокола о сборе пожертвований Ламбиным и копия с составленного им воззвания.

Пристав (*подпись*)

* * *

Л. 33

Совершенно секретно

Его превосходительству,
господину тобольскому губернатору
березовского уездного исправника

Рапорт

На предписание от 30 июля н.г. за № 72 по поводу обвинения меня «в покровительстве и благоприятном расположении к недобросовестным торговцам с. Обдорского» имею честь доложить вашему превосходительству, что все сообщенные Вам сведения — не что иное, как извращение обстоятельств истинного положения дела и вымысел.

На предложенные мне вопросы по сим обвинениям имею честь объяснить:

1, что к обдорскому приставу Тарасову никто из крестьян с. Обдорского с просьбой о проверке продуктов у торговцев не обращался, а произвел он таковую 27-го февраля после получения заявления от Бабикова и Бакшеева о том, что им в лавках Корнилова и Карпова отказали в продаже крупчатки по 5 пудов каждому, а предлагали по 1 пуду. Об этом постановлен был протокол, который мною отослан на распоряжение в Березовскую продовольственную комиссию 30 марта н.г. за № 815.

/Л. 33 об./ По проверке оказалось, что отпуск крупчатки по 1 пуду на человека в месяц и по 1 фунту сахару установлен был в лавках Корнилова и Карпова потому, что, по полученным сведениям из Ирбита, где ежегодно покупались эти продукты для Обдорска, крупчатки и сахара ныне, вследствие отсутствия их в продаже, не куплено, и что крупчатка и сахар в Обдорске остались только в двух лавках, и что требование на крупчатку и сахар с получением сведений из Ирбита и таксы из Березова, определившей цену ниже существующей на эти продукты в Тобольске, со стороны жителей-зырян сильно увеличилось, состоятельное население Обдорска стало делать запасы, между тем в марте и апреле предстояла необходимость удовлетворить этими продуктами кочевников, инородцев и зырян, на 6 месяцев, т.е. до возвращения их из тундры в ноябре месяце.

Учет продуктов был произведен в присутствии понятых, осмотрены были все склады с продуктами, как находящиеся в усадьбах этих купцов, так и вне таковых на берегу реки Полуя и в арендованных усадьбах отдельных домохозяев.

Сообщенные вашему превосходительству сведения, что осмотры произведены только у двух торговцев — Карпова и Корнилова — несправедливы. Одновременно были проверены продукты и в лавках Чупрова и Чечурова, что и подтвердят бывшие при проверке лица — Мамеев, Киселев и Нижегородцев. У Чупрова /Л. 34/ оказалось 100 пудов крупчатки разных сортов и 50 пуд. сахара. Чупров заявил, что сахар он продает, а муку — нет, так как этих 100 пудов не хватит даже на содержание личной его семьи, состоящей из 30 человек. У Чечурова оказалось 55 пуд. сахара и 50 пудов крупчатки, который также заявил, что сахар он продает, а мука только для собственного употребления. В лавке Нижегородцева торговли нет, а у Бронниковой проверки продуктов действительно не было произведено, потому что всем известна незначительная торговля ее, а также и заготовка муки, которую она покупает в Обдорске у тех же торговцев Карпова и Корнилова и распродает печеным хлебом.

2. Торговцы Обдорска возбудили ходатайство о повышении цен на чай и масло зимнего привоза 25-го марта, после того, как проданы были все запасы чая и масла летнего привоза. При сем прилагается вытребованное мною из продовольственной комиссии подлинное заявление торговцев со счетами и другими документами. Чай и масло стали выписываться торговцами, как видно из приложенных счетов, с декабря месяца, а продаваться начали по новой таксе только после состоявшегося 27-го марта постановления Березовской продовольственной комиссии. В лавке же Карпова чай летней заготовки продавался по таксе, утвержденной 23 февраля, полученной здесь 6 марта.

Что будто бы я настаивал в продовольственной комиссии на повышении цен на чай и масло для торговцев на одинаковой цене летнего привоза с зимним — это гнусная клевета. Торговцы с ходатайством о возвышении цен на чай и масло зимнего привоза обращались не ко мне в приезд мой в Обдорск в марте, а непосредственно в продовольственную комиссию. Заявление это с документами при сем прилагается.

/Л. 34 об./ 27 марта я был на заседании в комиссии в числе других членов, но лично от себя никакого ходатайства за торговцев не возбуждал и свое мнение высказал только относительно дров, что в Обдорске дрова привозные, из Березова, и никогда в Обдорске дешевле 5–6 руб. за сажень не были. Вот все, в чем было мое участие в том деле.

По окончании заседания председатель комиссии городской староста г. Шахов лично от себя послал телеграмму обдорскому приставу об объявлении торговцам, что им разрешено возвысить цены на чай и масло зимней доставки, а не я послал телеграмму торговцам, как Вам ложно доложено об этом. Копия с этой телеграммы также при сем прилагается.

3. В бытность мою в январе в с. Обдорском с г. врачом-инспектором никакого разговора о взвинчивании цен торговцами на предмет первой необходимости не было и никто с просьбой «об обуздании купцов» ко мне не обращался. Цены на ржаную крупу и крупчатку, по имеющимся у меня сведениям, были в то время повышены против цен осенних на 15–20 коп. на пуд и об этом никакого разговора среди населения не было, а только очень возмущался г. Нужин и восстанавливал против торговцев население. Когда я был в Обдорске 19 марта (с 6 марта, со времени получения в Обдорске утвержденной таксы, припасы уже продавались по таксе), сильное озлобление против торгующих было за то, что они отпускали крупчатку и сахар не в том количестве, в каком они требовали, а менее.

Выслушав жалобы и неудовольствия той и другой стороны, т.е. населения и торговцев, и так как большое требование со стороны населения зырян предьявлялось исключительно на крупчатку высших сортов и сахар, я /Л. 35/ распорядился привести все эти запасы в известность. Затем, принимая во внимание, что многие из состоятельных лиц с. Обдорска, желая сделать запасы крупчатки и сахару на будущее время, старались скупить эти продукты через лиц малосостоятельных, и потому ожидалась недостача этих товаров, я в видах сохранения запасов до нового привоза летом распорядился отпускать крупчатку по 2 ф[унта] на едока в мес. и по 1 ф. сахару. Норма отпуска была вполне достаточная, а ржаная мука отпускалась без ограничения, так как запасы ее были большие. Только благодаря этой карточной системе отпуска и хватило крупчатки высших сортов до новой доставки летом и устранилась возможность для лиц состоятельных скупить муку в свои руки и тем предотвратить могущие возникнуть на этой почве беспорядки.

Когда я был в Обдорске 19 марта, то г. Нужиным был организован сход участников общества потребителей для выбора членов правления и я на этот сход не был приглашен. Если бы крестьяне (собственно, местных крестьян в Обдорске — 30 душ, а остальные — наезжие торгующие зыряне Архангельской губ.) пожелали в то время собрать сход для

предъявления мне своих нужд, то они имели к тому полную возможность, и староста почти безотлучно был у меня, но я ничего о подобном желании их ни от старосты, ни от крестьян и зырян не слышал. Во всяком случае, если было бы желание их, то оно было бы удовлетворено.

4. Наличие запасов продуктов к апрелю месяцу была точно выяснена; запасы были только у двух торговцев — Карпова и Корнилова. У Карпова было: крупчатки разных сортов — 3908 пудов (в том числе — /Л. 35 об./ 3 и 4-го сорта — 1768 пудов; эти сорта муки обдоряне «не употребляют», и она почти вся — 1646 пудов — оставалась налицо к 15 июня); сахара — 356 пуд., чая кирпичного — 5 ящиков и у Корнилова крупчатки разных сортов — 954 пуда, сахара 52 пуда, чая кирпичного — 300 шт. кирпичей и масла скоромного 10 пудов.

5. О скрытии торговцем Важениным муки производится следствие, которое находится в производстве г. мирового судьи 1 участка Березовского округа.

О том, что будто бы в с. Елизаровском торговка Дарья Самойлова по получении таксы спрятала ее и продавала ржаную муку выше таксы, вместо 1 р. 30 к. по 1 р. 60 коп. за пуд, кирпичный чай по 2 р. 20 к. и сахар — 35 коп. за фунт и что в дер. Белогорской торговец Яков Карпов Звягин (а не Фисунов) будто бы отказался от получения таксы, сказав при этом: «Кто мне укажет, как я буду продавать свой товар» и приостановил продажу хлеба, произведено расследование, которое мною представлено вашему превосходительству 17-го июля н.г. за № 1434. Из расследования этого изволите усмотреть, насколько основательны все эти выводы.

6. В марте месяце действительно волостной писарь Усков купил в лавке торговца Петра Александрова Плеханова 5 или 7 фунт. постного масла, где взяли с него по 23 коп. за фунт, выше таксы на 1 коп. Плеханов при спросе объяснил, что в продаже у него масла не было, а что он уступил Ускову из своих домашних запасов и что масло это зимней доставки и стоит ему именно эту сумму. При этом возвратил Ускову переполученные против таксы 7 коп.

Плеханов считается вообще торговцем и человеком добросовестным и до сих пор никогда подобных /Л. 36/ заявлений на него не было, состоит он членом городского управления, директором Березовского тюремного замка и почетным мировым судьей Тобольского окружного суда. Ввиду всего этого из-за такой ни[что]жной суммы, как 7 коп., я

счел неудобным заводить шум и просто отсоветовал полицейскому надзирателю Никитину составлять протокол, но при этом не говорил таких слов: «Хотя Вы и составите протокол, но я его отвергну».

7. В проезд мой в последних числах марта в с. Обдорское в Мужах зырянин Федор Терентьев заявлял мне о продаже ему торговцем Максимом Семяшкиным чая выше таксы на 40 коп.; об этом урядником Малогиным был составлен протокол, который я и отослал на распоряжение в Березовскую продовольственную комиссию 27 марта за № 1081. Иностранец же Осип Возелов о продаже ему чая тем же Семяшкиным выше таксы мне ничего не заявлял.

Составленный березовским полицейским надзирателем Никитиным протокол на торговца Корепанова за продажу кирпичного чая выше таксы мною также отослан на распоряжение в Березовскую продовольственную комиссию 30-го марта за № 1037.

По протоколам на Семяшкина и Корепанова, как видно из прилагаемого при сем сообщения Березовского городского старосты от 28 августа за № 532, состоялся в Березовской продовольственной комиссии журнал 24 апреля н.г., которым Семяшкин и Корепанов от ответственности освобождены; Семяшкин — по бездоказательности продаж им чая выше таксы, а Корепанов потому, что продавал чай зимнего привоза, продажа которого дополнительной таксой, утвержденной 5 апреля н.г., установлена была на 50 коп. дороже против чая летней заготовки.

/Л. 36 об./ К изложенному объяснению своему имею честь доложить вашему превосходительству, что до появления г. Нужина в Обдорске и столкновения его с торговцами меня никто никогда не считал «покровителем недобросовестных торговцев» и ни у кого не было к тому никаких оснований и поводов. Моя долголетняя здесь служба, знание условий этого края и жизни иностранцев, населяющих его, и та польза, которую я посильно старался принести этому населению, его сердечное ко мне отношение могут служить надежной гарантией против сложившегося у вашего превосходительства под влиянием каких-то неблагоприятных для меня обстоятельств дурного мнения обо мне и моей служебной деятельности. Мое простое сердечное отношение к иностранцам и вообще благожелательность ко всему населению вверенного мне уезда могут засвидетельствовать лучшие люди, лично знающие меня, а именно: просвященный Варнава, епископ Тобольский

и Сибирский, г-н вице-губернатор Николай Иванович Гаврилов и наконец — председатель Тобольского окружного суда Петр Емельянович Маковецкий. Полагаю, что ваше превосходительство от лиц, посещавших здешний отдаленный край, не слышали дурных обо мне отзывов, а доклад какого-нибудь г. Нужина, враждебно настроенного против меня, вряд ли может служить авторитетом.

Мне приписывается несочувствие к создающемуся в Обдорске обществу потребителей. Напротив, где затрагивается польза населения, я первый иду навстречу этому делу и защищаю интересы его, но иду к цели мирным путем, не нарушая ничьих интересов, а не погромными началами, как г. Нужин, в Обдорске. Я сам состою членом общества потребителей в г. Березове /Л. 37/, знаю значение его для беднейшего населения и потому всемерно стараюсь о развитии и поддержании его.

Не буду умалять заслуг г. Нужина по организации в Обдорске общества потребителей, но не могу сочувственно относиться к тем неблагоприятным приемам его, при посредстве которых насаждается это учреждение.

Говоря об Обдорском потребительском обществе, считаю долгом поставить в известность ваше превосходительство, что все члены этого общества, как и все жители Обдорска, не какие-нибудь бедняки, перебивающиеся с копейки на копейку, а торгаши и рыбопромышленники. В обществе этом не более 5–8 человек членов, действительно нуждающихся, для которых каждая копейка составляет ценность, а остальные все — торгаши, вступившие в общество с тысячными взносами с целью «дешевле купить — дороже продать»; у каждого из этих торгашей оборот на тысячи рублей. Можно судить о достатках этих людей по тому, что они «кушают» крупчатку лишь высших сортов, а низкие сорта — 3-й и 4-й — «не употребляют». Эти сорта крупчатки в количестве около 1700 пудов целиком остались к лету наст. года.

Смею уверить ваше превосходительство, что никто решительно из торгующих Обдорска не был против учреждения общества потребителей и все шло навстречу ему, так как учреждение его освобождало торговцев от обязательств заготавливать на год припасы для всего населения Обдорского участка и затрачивать для этого сотни тысяч р., но г. Ну-

жин сам своими нетактичными приемами восстановил всех зырян против торговцев, и дело чуть не дошло до погрома. Это можете видеть из письма г. мирового судьи, приложенного к дознанию. Только начавшее производиться дознание и грозящая ответственность за беспорядки до некоторой степени воздействовали на бунтарей.

/Л. 37 об./ Произвести лично дознание я не имел никакой возможности, так как приезжал в Обдорск с начальником Березовской почтово-телеграфной конторы на несколько часов лишь для производства торгов на почтовую станцию и впереди предстояли торги еще на нескольких станциях, а путь был последний и сообщение с Обдорском закрывалось, а потому я и не смог оставаться в Обдорске и поручил произвести дознание приставу.

Что будто бы инородцы предлагали потребительному обществу свой капитал в 40000 руб. и что это «не понравилось» торговцам, — это несправедливо. Дело в действительности было так: г. Нужин, изыскивая средства для товарищества, обратился к инородческому старшине Тайшину, чтобы он вступил в число членов общества и внес бы мировой капитал инородцев; Тайшин обещал внести это на обсуждение общества при первом же сходе. Вот все то «движение инородцев», про которое докладывал г. Нужин.

Обстоятельство это торговцев нисколько не могло затрагивать, так как потребительское общество с капиталом в 30–40 тысяч руб. ничего не значит в миллионном обороте торговли и промышленности в Обдорске. Даже то, что в Обдорск ежегодно наезжают сотни торговцев с разных сторон России и создается сильная конкуренция, не производит между ними и местными торговцами никаких недоразумений.

После производства дознания в Обдорске в конце марта озлобленность и враждебность зырян против местных торговцев несколько стихла и никаких выступлений не было. Затем все разъехались из Обдорска на рыбные промыслы. Выехал в Тобольск с докладом и г. Нужин, и лето прошло спокойно. С приездом же ныне в сентябре в Обдорск г. Нужина опять начались /Л. 38/ разные дразги и выступления против торговцев на почве дороговизны и отсутствия в продаже дров. Дровяной вопрос в Обдорске — обстоятельство очень серьезное. Специальной торговли дровами в Обдорске нет, а всякий житель запасает дрова для себя лично и продает только излишек, если таковой имеется. Дрова большою

частью приплавливаются инородцами из Березова, и ныне ввиду непомерной дороговизны на рыбу все население Обдорска было занято исключительно рыбной ловлей, и потому дров никто не заготовил. Запасы дров имеются в Обдорске только у двух-трех домохозяев и лично для себя, а не для продажи. И вот на почве этого дровяного голода опять возникают недоразумения и подстрекательства «к отобранию дров у этих домохозяев и раздаче их нуждающимся».

Насколько возможно, я, будучи сейчас в Обдорске, постарался уладить этот дровяной вопрос: казенные здания — больница, училища и другие учреждения — будут обеспечены дровами из запасов указанных домохозяев, а также бедные семьи призванных на военную службу.

Если дело на этой почве будет осложнено далее и опять будут возникать в Обдорске неприятности, я доложу вашему превосходительству по телеграфу и буду просить указаний и распоряжений.

Закончив доклад по возводимым на меня обвинениям, я почтительнейше прошу ваше превосходительство, если найдете в действиях моих какие-либо упущения и неправильности, снисходительного к ним отношения, так как они вытекали не из злого умысла, а единственно из моей простоты и снисходительности к людям.

Исправник Ямзин (*подпись*)

№ 170

Сентября 30 дня 1916 года.

Приложения:

1) Заявление обдорских торговцев, поданное в /Л. 38 об./ Березовскую продовольственную комиссию 25 марта с 6-ю счетами и 2 телеграммами.

2) Копия с журнала Березовской продовольственной комиссии от 27 марта.

3) Копия с телеграммы председателя комиссии обдорскому приставу.

4) Отношение березовского городского старосты от 28 августа за № 532.

5) Объяснение обдорского пристава Тарасова за № 817.

Березовский уездный исправник (*подпись — Ямзин*)

* * *

Л. 53.
Августа 21 1916 г.
№ 807

Совершенно секретно

Его высокоблагородию
господину березовскому уездному исправнику

Из предписания вашего высокоблагородия от 13 августа за № 170 видно, что я, по дошедшим до его превосходительства господина начальника губернии сведениям, обвиняюсь в том, что, покровительствуя торговцам с. Обдорское в их недобросовестной торговле, отказывал обращающимся ко мне крестьянам в проверке наличных запасов продуктов, а когда требования эти стали настойчивы, произвел проверку продуктов только у двух купцов — Ивана Карпова и торгового дома И.Н. Корнилова Н^{кн}, и то только в тех помещениях, которые указали сами купцы, а у остальных торговцев совсем проверку не производил.

Считаю указанные сведения неправильными, сообщенными /Л. 53 об./ автором их лишь только для того, чтобы подорвать доверие господина начальника губернии к моей служебной деятельности, продолжающейся в этом далеком крае безупречно в течение 7 лет. В разъяснение указанных сведений доношу вашему высокоблагородию, 1-е, что всех торговцев лавок в с. Обдорском не 6, как указано в предписании, а 14 и из них только две торговли — Ивана Ильича Карпова и торгового дома И.Н. Корнилова — с крупными оборотами, заготавливающие продукты десятками тысяч пудов как для местного русско-зырянского населения, так и для инородческого, а остальные мелкие торговцы, запасавшие незначительное количество продуктов исключительно для торговли с инородцами и зырянами-оленеводами, часть этих продуктов они заготавливают сами в Тобольске и часть в Обдорске, приобретая у Корнилова и Карпова. В текущем году, по случаю военного времени, продукты в кредит в Тобольске не продавались, а поэтому заготовлено их было незначительное количество, которое было распродано еще до наступления январской ярмарки /Л. 54/ и во время ярмарки пополнялось покупкой у Корнилова и Карпова.

Никто из крестьян с. Обдорска с просьбой о проверке продуктов у торговцев ко мне не обращался, и произвел я такую 27-го февраля, после получения заявления от Федора Бабикова и Петра Бакшеева о том, что им

в лавке Корнилова и Карпова отказали в продаже крупчатки по 5 пуд. каждому, а предлагали по 1 пуду. По заявлению этих лиц составлен был протокол, который предъявлен доверенному Корнилова Тележкину и заведующей торговлей Карпова Т.Н. Карповой, лица эти дали объяснения, что решили ограничить отпуск крупчатки до 1-го пуда и сахара до 1 фунта в одни руки в день, потому что, по полученным сведениям, муки ржаной, крупчатки и сахара в Ирбите на ярмарке, где ежегодно покупались эти продукты для Обдорска, не куплено и что запасы этих продуктов в с. Обдорском только в их двух лавках и что спрос на крупчатку и сахар с получением сведений из Ирбита и таксы, определившей цену, ниже существующей на эти продукты в Тобольске, сильно увеличился /Л. 54 об./, по видимому, состоятельное население решило сделать запасы; между тем является необходимость в марте и апреле удовлетворить этими продуктами кочевников зырян и инородцев на 6 месяцев.

Учет продуктов мной был произведен в присутствии понятых, осмотрены были все склады с продуктами, как находящиеся в усадьбах этих купцов, так и вне таковых на берегу речки Полуи и арендованных в усадьбах отдельных домохозяев. Трудно допустить, чтобы в селе Обдорском, где все и у всех на счету, не обнаружить склад с такими продуктами, как мукой, чаем и сахаром. Очень жаль, что автор сообщаемых сведений не указал, где эти склады находятся и кому из крестьян я отказал в проверке продуктов. Сообщение, что осмотры произведены только у Карпова и Корнилова, также неправильно — одновременно были проверены продукты в лавках Дмитрия Чупрова и Иннокентия Чечурова, что могут подтвердить бывшие при проверке понятые Павел Мамеев, Семен /Л. 55/ Киселев и Николай Нижегородцев. Причем у Чупрова оказалось 150 пудов ржаной муки, 100 пудов крупчатки разных сортов и 50 пудов сахара, Чупров заявил, что сахар он продает, а муку нет, так как имеющихся запасов не хватит даже на продовольствие своей семье в 30 человек. У Чечурова оказалось 55 пудов сахара и 50 пудов крупчатки, который также заявил, что сахар он продает, а мука для собственного употребления. В мелочной лавке Дмитрия Александрова Нижегородцева, брата Николая Нижегородцева, у последней торговли нет, у Августы Вячеславовой Бронниковой проверка продуктов действительно не была произведена потому, что всем известна их незначительная торговля, а также и заготовка ими продуктов, кото-

рые они покупают в Обдорске у Корнилова осенью до 500 пудов ржаной муки и до 250 пудов крупчатки, выпекая таковую на хлеб исключительно для продажи инородцам, и ныне хлеб этот распродали еще до наступления ярмарки. Можно с уверенностью сказать /Л. 55 об./, что никто из местных жителей не заподозрит их в сокрытии продуктов, зная их торговлю.

Протокол заявления Бабикова и Бакшеева с актом проверки продуктов у Карпова и Корнилова представлены вашему высокоблагородию 29 февраля за № 172.

2-е. Недовольство жителей с. Обдорска против торговли Корнилова и Карпова, ограничившей отпуск продуктов в одни руки, и вообще всеми торговцами за высокие цены на предметы торговли, не указанные в таксе, поддерживаемое членами-учредителями организуемого потребительского общества агитацией против торговцев дошло до крайнего озлобления. Являясь в лавки за покупками, некоторые покупатели помимо всевозможных оскорблений грозили отобрать товары силой. Лицами, желающими довести дело на этой почве до беспорядков, распускались всевозможные слухи о сокрытии продуктов и вывозе их за Урал. Для иллюстрации этого настроения /Л. 56/ считаю необходимым привести следующий случай: 20 марта я присутствовал на заседании учредителей Обдорского общества потребителей. Когда я пришел на заседание, меня встретили в возбужденном состоянии члены общества и тотчас же председатель правления акцизный контролер г. Нужин, окруженный членами, обратился ко мне с указанием на недобросовестность торговцев, тайно вывозивших крупчатку за Урал, и что получены сведения о вывозе 10 мешков крупчатки. После этого возбужденно заговорили многие из членов, обвиняя полицию в покровительстве купцов. Попросив успокоиться и указать лиц, сообщивших эти сведения, я тотчас же вызвал их и в присутствии указанных членов общества опросил. Причем выяснилось, что они видели, как перевозили за Урал 10 мешков ржаной муки, но не крупчатки, и что о провозе крупчатки никому не сообщали. (Ржаная мука в небольших количествах ежегодно перевозится за Урал для населения, живущего в поселках по реке Усе). Только /Л. 56 об./ после этого обследования члены общества успокоились.

Доверенный торгового дома И.Н. Корнилова Н^{чи} П.Ф. Тележкин и заведующая торговлей И.И. Карпова Т.Н. Карпова, ежедневно наблю-

дая все возрастающее озлобление населения и увеличивающийся отпуск крупчатки, во избежание недостачи муки и боясь беспорядков, неоднократно обращались ко мне с просьбой принять от них для продажи муку и другие продукты и тем /Л. 57/ избавить их от всякого нарекания. По прибытии вашего высокоблагородия 18 марта в с. Обдорское мною 20 марта согласно предписанию Вашему от 19-го марта за № 75 произведена была проверка продуктов у И.И. Карпова и торгового дома И.Н. Корнилова Н^{ку}. Количество оказавшихся продуктов указано в представленных при сем протоколах, а 21-го марта отпуск крупчатки, по распоряжению Вашему, вследствие указанных выше причин стал производиться по карточкам по 20 фун. в месяц на человека. Продажа ржаной муки, сахара и остальных продуктов осталась свободной.

При проверке продуктов в лавке торгового дома Корнилова 20 марта оказалось доставленных почтой зимой и хранящихся в нераспечатанном виде семь посылок кирпичного чая с 140 кирпичами и скоромного масла в 5 посылках — 5 пудов. В лавке Карпова продуктов зимней заготовки не было. Такса на повышение цен на чай и масло зимней доставки получена была по телеграфу 20 марта. Продажа чая и масла этой доставки /Л. 57 об./ из лавки Корнилова началась после распродажи этих продуктов летней заготовки и, во избежание могущих произойти недоразумений, посылки с чаем и маслом были внесены в лавку, и продажа производилась из посылок. В лавке Карпова и других масла совсем не было, а чай продавался по ценам таксы на продукты летней заготовки.

Указанная в предписании наличность продуктов к 1-му апреля действительно состояла у Карпова и Корнилова, но только в 3908 пуд. крупчатки, у Карпова числилось 1768 пудов крупчатки 3-го и 4-го сортов, которая по своему низкому качеству не находила потребителей. Сорта крупчатки были следующие: у Карпова — 1-го сорта 230 пуд. 20 фун., первача 568 пуд. 20 ф., 2-го сорта с.к. 1165 пуд., 2-го сорта к.к. 176 пуд., 3-го сорта — 638 пуд. и 4-го сорта 1130 пудов. У Корнилова 1-го сорта 260 пуд., первача 290 пуд., 2-го сорта с.к. 160 п. и 2-го сорта к.к. 244 пуда. Крупчатка же отпускалась населению до доставки новых запасов до 16 июня и остаток таковой к 16 июня образовался: у Карпова 1-го сорта 117 пуд. 20 ф., первача — 51 п. 30 ф. /Л. 58/, 2-го сорта с.к. 116 пуд.,

3-го сорта — 547 пуд. и 4-го сорта 1130 п. У Корнилова 1-го сорта — 100 пуд., первачу 5 пуд., 2-го сорта с.к. 10 пуд. и 2-го сорта к.к. 15 пудов.

Остатки крупчатки у Корнилова и Карпова говорят за то, что только благодаря карточной системе отпуска муки удалось удовлетворить население крупчаткой до доставки новых запасов, лишить возможности мелких торговцев скупить муку в свои руки и предотвратить могущие возникнуть на этой почве беспорядки.

В настоящее время судить о настроении населения к местным торговцам не представляется возможным, так как все население находится на рыбных промыслах, но доброжелательным его ожидать нельзя, потому что ввиду озлобленного отношения населения к торговле Корнилова и Карпова, продуктов ими заготовлено очень ограниченное количество, например, Карпов, заготавливавший ежегодно от 15 до 20 тысяч ржаной муки и 5000 пуд. крупчатки, имеет ныне в Обдорске ржаной муки 4500 пудов и крупчатки 1000 пудов. И Корнилов, заготавливающий 15000 пуд. ржаной /Л. 58 об./ муки и 5000 крупчатки, заготовил 9000 пуд. ржаной муки и 1000 пуд. крупчатки. И потому следует ожидать недостачу продуктов и ввиду общей дороговизны — повышения цен почти вдвое против цен, существовавших в минувшую зиму.

Пристав 2-го стана Березовского уезда (*подпись — Тарасов*)

С архивной полки

У истоков обдорского большевизма

Революция — это грабёж
личной судьбы человека.

М.М. Пришвин. Дневники. 1930–1931.

Публикуемая подборка документов, найденных в Государственном архиве г. Тобольска, развёртывает картину конфликта интересов, столкнувшихся в селе Обдорском в 1917–1919 гг. Описываемые языком документов события прямо связаны с теми, что составили предмет предыдущей публикации, подготовленной Н. А. Лискевич. Здесь и там — одно и то же место событий и почти одни и те же действующие лица. Среди главных — акцизный контролёр Никита Адрианович Нужин¹. В 1916 г. он совместно с учите-

¹ Акциз — налог на предметы потребления, который взимается государством не непосредственно с потребителя, а с производителя или продавца продукта и изделий, который перекладывает уплаченный им акциз на потребителя, вводя сумму акциза в стоимость производства. В дореволюционной России акцизом облагались спирт и вино, водочные изделия, осветительные нефтяные масла, спички и сахар. Акцизные сборы составляли один из главнейших доходов казны.

Нужин Никита Адрианович в 1887 г. принят разъездным надсмотрщиком для преследования тайного винокурения в с. Ашлыкское Тобольского округа. В 1896 г. переведён на эту же должность в с. Новое Уватской волости этого же округа. Затем служил в с. Кугаевском, в управлении акцизными сборами в Тобольске, младшим штатным контролёром на табачной фабрике в Омске (ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 583. Оп. 1. Д. 600). Есть сведения, что занимал должность старшего контролёра в Сургуте. Около 1915 г. переведён в с. Обдорское. Его сын Леонид Никитович (р. 1896) после окончания Тобольского высшего начального училища был почтово-телеграфным работником. С 10 марта 1922 г. — народный следователь Берёзовского уезда, с 24 сентября 1923 г. — в этой же должности в Сургутском уезде (Гос. архив Тюменской обл. Ф. 263. Оп. 1. Д. 68. Л. 37; Д. 69. Л. 7; 33).

лем Г.М. Дмитриевым-Садовниковым² организовывал общество потребителей «Приполярный край» и кредитное товарищество. При этом Нужин возбуждал враждебное отношение населения Обдорска к местным торговцам, умело используя то, что торговля всегда содержит в себе момент корысти и возможность обвинения в несправедливости.

Документы передают внутреннюю логику и динамику происходившего. Мы видим, как в данном частном случае революционного действия противоборствуют не безликие массы, а отдельные лица, чьи «политические технологии» прямо вытекают из их индивидуальных качеств. Документы дают нам возможность судить о достоинствах и мотивах поступков, всё многообразие которых и образует неповторимую драматическую картину конкретной революционной ситуации.

² Дмитриев-Садовников Григорий Матвеевич (1885 — 1921), учитель, краевед, общественный деятель. После окончания Тобольского уездного училища с 1904 по 1913 г. преподавал в Ларьякском училище, одновременно изучал природу края и культуру ваховских ханты, сотрудничал с губернским музеем, печатался в музейном ежегоднике и газете «Сибирский листок». В 1913 — 1916 гг. заведовал училищем в Обдорске, во время каникул 1914 г. участвовал в экспедиции музея на р. Полуёй, а в 1916 — возглавлял экспедицию на р. Надым. Активно участвовал в 1916 г. в организации потребительского общества «Приполярный край» в Обдорске, публиковал статьи на эту тему в «Сибирском листке». В частности, в статье «Из обдорской жизни», напечатанной в номере за 10 марта 1916 г., коснулся темы разраставшегося конфликта в связи с якобы необоснованно высокими ценами на товары в Обдорске. По-видимому, какое-то время находился под влиянием Н.А. Нужина, о чём косвенно свидетельствует следующая запись в дневнике Дмитриева-Садовникова: «Ив. Ил. Карпов. Осенью прошлого года за брезент в 85 коп. расценочной цены за аршин с меня взял 1 р. 70 к. (дело было при местном акцизном контролёре)». (Российский гос. архив литературы и искусства. Ф. 1235. Оп. 2. Д. 25. Л. 32).

После отъезда из Обдорска служил учителем в с. Демьянском Тобольского уезда, в марте 1917 г. был избран там председателем комитета общественной безопасности. Вскоре переехал в Тобольск, где был одним из ведущих авторов газет «Земля и воля» и «Тобольское народное слово», журнала «Северосоюз», продолжал сотрудничать с музеем, служил в уездном отделе народного образования. С 1919 г. его деятельность снова связана с Крайним Севером: он принял участие в экспедиции на р. Сев. Сосьву, а в 1920 г. работал в составе экспедиции для научно-экономического обследования Обь-Урало-Печорского Севера. Есть мнение, что в начале 1921 г. Дмитриев-Садовников участвовал в выпуске повстанческой газеты «Голос Народной армии». В 1998 г. в Екатеринбурге издан сборник работ Г.М. Дмитриева-Садовникова «Вёрсты и строки».

Февральская революция 1917 г. повлекла за собой смену власти по всей России. Прежние учреждения министерства внутренних дел в губерниях и уездах были упразднены. Губернаторов сменили губернские комиссары, назначавшиеся Временным правительством, исправников — уездные комиссары. В сёлах Тобольской губернии организовывались волостные комитеты, которым временно, до образования волостных земств, передавались управленческие функции. Предлагалось при их создании опираться на существующие волостные продовольственные комитеты, кооперативные и другие организации, наиболее деятельные и внушавшие доверие населению. К работе этих комитетов рекомендовалось привлекать все интеллигентные силы деревни. (Преобразование местных учреждений // Бюллетени Тобольского временного комитета общественного спокойствия. — 1917. — 27 марта. — С. 14).

10 марта 1917 г. в селе Обдорском Берёзовского уезда был образован комитет общественной безопасности. Председателем его стал настоятель местной духовной миссии священник Сергей Егоров, товарищем (заместителем) председателя — уже знакомый нам акцизный контролёр, организатор и председатель общества потребителей Н.А. Нужин. При этом не была ещё упразднена должность станового пристава, которую занимал с 1908 г. В.Н. Тарасов³. Конфликт между некоторыми членами обдорского общества и приставом, тлевший уже несколько лет, вошёл в новую фазу. Достаточно сказать, что членом комитета стал близкий к Нужину Т. Д. Сенькин⁴, покушавшийся в 1911 г. на убийство Тарасова и отбывавший за это тюремный срок.

³ Тарасов Василий Никифорович (1877, г. Сургут — после 1922), чиновник. Окончил Сургутское приходское училище. С 1895 г. — в штате Сургутского окружного полицейского управления, канцелярский служащий, с 1903 г. — секретарь этого же управления. С 1 ноября 1908 г. — пристав 2-го стана Берёзовского уезда с местом жительства в Обдорске. В 1913 г. Тарасов, хорошо знавший местные условия и языки аборигенов, пять месяцев провёл в тундре в составе экспедиции ветврача С.И. Драчинского, искавшей причину падежа оленей, позднее участвовал в экспедиции ветврача А.Н. Чеботарёва. В 1914 г. за отличия по службе награждён орденом Святого Станислава 3-й степени. После отъезда из Обдорска в 1917 г. служил начальником 2-го участка Тобольской уездной милиции в с. Чёрном, в Областьрыбе в Тобольске. По заявлению, поданному в августе 1921 г., переведён в Сургут, где в 1922 г. работал делопроизводителем контрольно-арендного пункта.

⁴ Сенькин Тихон Данилович, организатор советской власти в Берёзовском уезде. Род. в с. Каменки Малокрасноярского уезда Орловской губернии. В

Обострение конфликта было спровоцировано. Тарасов как представитель государственной власти в селе сделал попытку предостеречь председателя комитета общественной безопасности Егорова от чрезмерного влияния на него людей, подобных Сенькину, дав им в частном письме к священнику нелестную характеристику. По имени при этом никто не был назван. Тем не менее частное письмо послужило поводом для постановки вопроса об устранении пристава Тарасова из Обдорска как представителя изжившей себя старой власти, к тому же «оскорбившего весь состав комитета общественной безопасности».

Председатель комитета Егоров в этой ситуации оказался слабее подчинённого ему Нужина: познакомив его с содержанием доверительно-го письма пристава, он поставил себя в зависимое положение и в конце концов вынужден был устраниться от фактического руководства комитетом. Укрепивший свою власть, Нужин 19 марта за своей подписью послал губернскому комиссару В.Н. Пигнатти⁵ следующую телеграмму: «Письмом имя председателя Тарасовым оскорблён временный ко-

1905 г. за призыв крестьян к аграрным беспорядкам выслан в Берёзовский уезд Тобольской губ. и определён на жительство в с. Обдорское. За покушение на жизнь обдорского станового пристава В.Н. Тарасова был осуждён и полтора года провёл в Тобольской тюрьме. В 1917 г. переехал в Берёзов, активно участвовал в установлении советской власти. Один из организаторов в начале 1918 г. Берёзовского ревкома и «Рабочего союза». В апреле 1918 г. по просьбе обдорских большевиков прибыл в Обдорск и установил советскую власть. В июне 1918 г. был арестован белогвардейцами и отправлен в Тобольскую тюрьму, оттуда — в Иркутск. После падения правительства Колчака вернулся на Север. В 1920 г. избран председателем Берёзовского уездного исполкома Совета солдатских, рабочих и крестьянских депутатов. При подавлении восстания 1921 г. командовал отрядом, в марте погиб.

⁵ Пигнатти Василий Николаевич (1877–1919), адвокат, общественный деятель. Учился на филологическом факультете Московского университета. В 1899 г. был арестован и выслан под надзор полиции в Тобольск, через два года уехал за границу. Жил в Париже, учился на юридическом факультете университета. В 1903 г. вернулся в Россию. В 1906 г. получил звание частного поверенного. В марте 1917 г. Временным правительством назначен тобольским губернским комиссаром. Через год, после установления советской власти, отстранён. С июня 1918 до осени 1919 г. — губернский комиссар Временного Сибирского правительства и правительства Колчака. Выехал из Тобольска вместе с колчаковскими войсками при их отступлении.

митет председатель настоятель миссии Егоров вышел состава возмущённое общество требует убрать Тарасова Обдорска как виновника всех смут ревнивого сторонника старого режима всесильного полицейского кулака». Революционная фраза и наклеенные ярлыки, по-видимому, сыграли не последнюю роль, и вскоре Тарасов покинул Обдорск. Один старый враг был убран с дороги.

Управлять Обдорском временному комитету общественной безопасности пришлось недолго. Его сменило Обдорское русско-зырянское волостное земство, образованное, видимо, осенью 1917 г. Н.А. Нужин баллотировался в гласные земства, но не прошёл, авторитет его уже упал в глазах местного общества.

Во второй половине 1917 г. у части членов общества потребителей «Приполярный край» накопилось недовольство деятельностью председателя Нужина. Ревизия обнаружила недостачу товаров более чем на 1000 р. и много других недочётов. Например, требуя в 1916 г. от обдорских купцов, чтобы наценка на товар не превышала 30 процентов его покупной цены, сам он на некоторые товары устанавливал цены, в несколько раз превосходившие затраты на покупки. По предложению ревизионной комиссии общее собрание 30 октября 1917 г. открытым голосованием 58-ю голосами против 7 сместило Нужина с должности председателя общества потребителей.

В ответ он активизировал свою деятельность в «Рабочем союзе», организованном, как утверждали некоторые обдоряне, им же. Весной 1918 г. граждане Обдорска на общем собрании решили признать советскую власть и избрать совет. В Берёзове к тому времени уже был сформирован военно-революционный комитет путём захвата власти. Автор монографии «Север Западной Сибири в период Гражданской войны (1917–1921 гг.)» В.В. Цысь пишет, что Н.А. Нужин и И.В. Королёв настаивали на том, чтобы в совет вошли исключительно только члены «Рабочего союза», но жители Обдорска считали необходимым пропорциональное представительство всего общества. Работники единственной на Тобольском Севере отрасли промышленности — рыбной — сезонники, нанимавшиеся в южных уездах на рыболовный сезон, в большинстве своём — раскрестьяненные деревенские мужики; главным их отличием от коренных обдорских крестьян-рыбопромышленников было отсутствие собственности. Не они были главной си-

лой местного общества, но в своих претензиях они исходили из большевистских представлений о классовой борьбе и гегемонии пролетариата.

В своей работе В.В. Цысь приводит цитату из «Известий Омского областного исполнительного комитета советов крестьянских, рабочих и солдатских депутатов» за 11 мая 1918 г., опубликовавших сообщение из Обдорска: «Местный рабочий союз организовал советскую власть. Кулаки и их наёмные приспешники принимают все меры к свержению этой власти. Они объединились под флагом земства, где находятся исключительно кулаки, попы и их сторонники и такой же местный кооператив. Весь трудовой класс стонет и просит помощи из других городов, без которой власть трудовых Советов будет задавлена» (Цысь В.В. Север Западной Сибири в период Гражданской войны (1917 — 1921 гг.). — Нижневартовск, 2005. — С. 57–58). В.В. Цысь предполагает, что автор корреспонденции — один из обдорских большевиков. Вполне вероятно, что это всё тот же Нужин.

Вскоре помощь была получена из ближайшего к Обдорску города — Берёзова. В ответ на телеграмму из Обдорска с просьбой прислать красногвардейский отряд для ликвидации «контрреволюции» в Обдорск прибыла группа из четырёх человек во главе с Сенькиным. Посетив Нужина, Сенькин без предъявления обвинений приказал арестовать гласного губернского земства П.И. Иванцева⁶, бывших политссыльных Г.З. Гобирахашвили⁷ и Л.Я. Парфёнова, председателя кооператива Ро-

⁶ Иванцев Павел Иванович (1885 — после 1920), учитель, общественный деятель. Служил псаломщиком, а с 1911 г. — учителем в с. Болчаровском на р. Конде и др. сёлах Тобольского уезда. С 1909 г. занимался краеведением. Сотрудничал с Тобольским губернским музеем: участвовал в подготовке экспозиции музея на I Западно-Сибирской выставке в Омске, в 1916 г. вместе с Г.М. Дмитриевым-Садовниковым выезжал в экспедицию на р. Надым. С 1916 г. заведовал училищем в Обдорске. Избирался в состав волостного и губернского земств. Переехав в Тобольск, работал в трудовой коммуне дефективных детей № 3, отсюда был мобилизован на трудовой фронт, служил счетоводом, затем — зав. отделом снабжения «Райрыбы».

⁷ Гобирахашвили Георгий Заалович (1885 — 1922), участник Гражданской войны на территории Берёзовского уезда. Род. в г. Гори Тифлисской губернии. Окончил Горийское духовное училище и поступил на завод Нобеля в Баку. Вступил в РСДРП (б). За организацию боевой «красной сотни» и хранение оружия в 1907 г. выслан в Обдорск. В 1916 г. добровольно ушёл на фронт.

чева и местного жителя Терентьева. На собрании 23 апреля 1918 г. был образован Совдеп в новом составе.

В апреле-июне 1919 г. Берёзовская следственная комиссия выявляла наиболее активных сторонников советской власти. Среди них опрошенные обдоряне называли М.Г. и И.Г. Ламбиных, П.С. Канева, И.В. Королёва, М.А. Гаврюшина, Глазкова, Киселёва, Чупрова. Постоянно проживавший в Обдорске гражданин Тобольска П.Ф. Тележкин⁸ свидетельствовал, что вскоре после приезда Сенькина новый Совдеп

Через год возвратился в Обдорск и был избран председателем продовольственного комитета. В 1919 г. поехал в Тобольск сдавать рыбу в Центросоюз, но из-за отступления колчаковцев на восток рыбный караван повернули на Омск. Только весной 1920 г. Губирахашвили приехал в Тобольск и был мобилизован на работу в «Областьрыбу» секретарём отдела снабжения.

После занятия Тобольска повстанцами штаб Народной армии направил его на север губернии для «информации населения о происходящих событиях, содействия мобилизации населения для борьбы с коммунистами, принятия мер к установлению дисциплины, реорганизации на местах власти, если таковая не соответствует своему назначению, организации сбора оружия и снаряжения...». В Обдорске он возглавил отряд, который преследовал отступающий обоз коммунистов и разгромил его в селении Ошвор.

После подавления восстания некоторое время скрывался, но в сентябре 1921 г. сдался новой власти и содержался в обдорском арестантском доме. Умер от сыпного тифа. (Петрушин А. А. На задворках Гражданской войны. Кн. 2-я. — Тюмень, 2004. — С. 197–200, 208, 219–222).

⁸ Тележкин Павел Фёдорович (ок. 1863 — после 1924), торгующий крестьянин, доверенный фирмы Корниловых в Обдорске, позднее — тобольский купец. Активный участник общественной жизни села. С 1893 г. более 10 лет состоял попечителем Обдорского отделения Берёзовской инородческой больницы, за что удостоен звания личного почётного гражданина. Как почётный мировой судья в 1916 г. награждён серебряной медалью «За усердие». Избирался присяжным заседателем. В 1917 г. — заместитель председателя волостного продовольственного комитета. В 1906 г. участвовал в создании «Хранилища коллекций по этнографии инородцев Тобольского Севера» при Обдорской миссии брата Святителю Гурия. Его полезную деятельность отметил в 1915 г. Г. М. Дмитриев-Садовников, записав в дневнике: «...Тележкин — необходимый человек для Обдорска! Мало ли что люди намелют».

Краеведческий интерес П.Ф. Тележкина разделяла его дочь И.П. Тележкина, учившаяся на Московских высших женских курсах. Собранная ею коллекция предметов быта северных инородцев поступила в Румянцевский музей в Москве.

стал взимать с зажиточной части населения «контрибуции в форме займа» — 1500 р. с Дмитрия Чупрова, по 1000 — с П. Тележкина, А. Козлова, А. Терентьева, Т.И. Карповой. Конфисковывались продукты, как мука и чай. Мясо отбирали почти у всего населения зажиточного класса и что хранилось в погребах...». (ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 756. Оп. 1. Д. 1. Л. 54 об. — 56). Приводилась в исполнение угроза, прозвучавшая ещё в 1916 г.: «Сами возьмём».

По мнению многих обдорян (см. записи опросов, проведённых в 1919 г. начальником милиции 2-го участка Берёзовского уезда Панфиловым), в деятельности Обдорского совдепа активную роль играл Н.А. Нужин. Достаточно сказать, что первомайское шествие 1918 г. началось и закончилось в его дворе. Но действовал он всегда скрытно и чаще всего чужими руками, за чужой спиной, это также подметили многие свидетели.

В конце мая — начале июня 1918 г. советская власть в Берёзовском уезде была ликвидирована. В Обдорске общее собрание возобновившего свою работу земства обсуждало деятельность Нужина, оценив её как «однородную вполне с деятельностью Сенькина». Председатель земской управы священник Егоров в письме к коменданту г. Берёзова просил арестовать Нужина в Берёзове, куда он был выслан из Обдорска на пароходе под вооружённой охраной. Обдорская земская управа, писал он, «находит деятельности Нужина и Сенькина в Обдорске тесно связанными между собой и одинаковыми по своим последствиям, т. е. ведущими к полной анархии и произволу и убивающими принципы гражданской свободы».

Из Берёзова Нужина в июне 1918 г. отправили в Тобольск, где комендант города Киселёв взял с него подписку о невыезде.

19 сентября 1918 г. Нужин направил заявление тобольскому губернскому прокурору, в котором просил привлечь членов Обдорского русско-зырянского земства к ответственности за превышение власти, проявившееся при высылке его в Берёзов, которую объяснил мстью за ущерб купеческим интересам, нанесённым им организацией кооператива. Он явно лжёт, когда пишет: «...власти большевиков, так видимо желанной земством..., я не признавал, считая её противозаконной, и действовал так, как подсказывали мне совесть и служебный долг». Из 20 обдорян, опрошенных начальником милиции Панфиловым, большинство свидетельствовали об его участии совместно с лидерами ра-

бочих И. Королёвым, И. Чупровым и М. Гаврюшиным в организации «Рабочего союза», который и стоял за советскую власть, некоторые из них считали, что Нужин был отправлен из Обдорска в Берёзов «как сторонник большевиков, чтобы не уклонился от суда и следствия».

Что стало с Н.А. Нужиным после 1919 г. нам неизвестно. Уклониться от следствия ему удалось — возможно, потому, что умел маскировать следы своих действий. Благодаря своевременной высылке из Берёзовского уезда ему не пришлось оказаться причастным к кровавым обдорским и берёзовским событиям 1921 г.

Грязь и кровь — неперенные атрибуты революции, в ней всюду приходится доходить до крайности и переступать все мыслимые нравственные барьеры; чем ниже барьер, тем сильнее «пламенный революционер» в противоборстве. На боевой, «горячей» стадии Гражданской войны многие из обдорских сторонников большевизма, выполняя ту разрушительную работу, для которой они были призваны, сами погибли. Их имена сохранились в памяти советских людей. И до сих пор очень мало известны потери противоположной стороны. Советская история не выявляла и не считала этих потерь, по своему произволу лишив погибших гражданства.

В. Белобородов

* * *

Уважаемый Василий Никифорович!

Из достоверных источников я получил сведения, что Вы меня обвиняете в том, что будто бы я в своей «речи» коснулся и Вас в частности, да и вообще полиции, но все это неправда. В своей речи и в своих разговорах я ни разу не коснулся Вас, да и лично против Вас ничего не имею, да и, думаю, Вы не должны иметь против меня что-нибудь, а между тем слухи подтверждают обратное. Если Вам передавали мои слова, то их, наверное, передали в другой редакции, как это частенько здесь и бывает. Передают такое, что Вы говорили, что я радуюсь Вашей беде, не думайте, я не таков, чтоб радоваться чужой беде, когда, может быть, своя будет на гряде.

<...>

Священник *Егоров*

1917 года марта 16 дня.

* * *

16 марта 1917 г.

Отпуск

Уважаемый о. Сергей!

Получил Ваше письмо от 16 марта, на которое и отвечаю. Да, о. Сергей, никак я не ожидал, чтобы между нами образовалась такая пропасть в отношениях. Вы не можете сомневаться в моих лучших чувствах к Вам. Со времени Вашего приезда до последних дней я при встречах делился с Вами всем, что Вас интересовало. Но переворот коснулся и Вас. Пошли сведения об устранении полиции, об арестах ее. Этим течением воспользовались лица, для которых я как полицейский чин, всегда стоящий на страже закона и порядка, был ненавистен и у которых подленькая душонка представляет из себя комок грязи из самого грязного места, начали агитировать против единственного полицейского чина

— пристава, прослужившего здесь 8 лет и пока, благодаря Бога, не имеющего ни одного грязного пятна на своей служебной деятельности и который, может быть, больше других рад новому строю; Вы примкнули к этой корпорации, даже больше, стали во главе ее и все время травите пристава своими распоряжениями, не имеющими положительно никакой под собой законной почвы. Грозите лицам, посещающим меня, донести об этом г. Суханову. Подумайте, для чего вся эта шумиха, которую Вы производите. «Не отстать от других» — странно и для здравомыслящего недостойно. Жду, когда Вы явитесь раздевать и устранять меня, также с нетерпением жду и того, когда Господь Бог избавит меня от людей, ищущих удовольствие в несчастье ближнего.

Мне жаль наших добрых отношений, и восстановить их зависит от Вас. Мне жаль и того, что за Вашей спиной прячутся руководители этого дела, подлость которых известна всем.

В. Тарасов

* * *

Уважаемый Василий Никифорович!

Простите, что я несколько потревожу Вас своими мыслями. Вы пишете, что я стал во главе лиц, «ненавидящих» Вас, но ведь это в сущности не так, к ним я не примыкал и их идеями не питался и не питаюсь, я не настолько туп, чтобы не мог разобраться во всем происходящем, мои убеждения «особы», и они остались до сих пор еще всеми вполне не признанными. Травить пристава своими распоряжениями, которых я не издаю, а издает комитет, я не травлю, а стараюсь делать все к лучшему и никаких доносов Суханову и не думал делать (этим Вы меня глубоко оскорбили); раздевать Вас и устранять также не думал и не думаю, а наоборот, я приверженец «чина», как это гласит телеграмма...

Жаль, что все так выходит, ожидаешь лучшего, получаешь худшее... примите уверение, что против Вас я ничего не имел и не имею, а если стал во главе комитета, так это избрание самих участников, из которых многие Вам не враги, к которым принадлежу и я.

Священник ***Егорov***

1917 года марта 16 дня
с. Обдорское

* * *

**Протокол
заседания членов комитета общественной безопасности с. Обдорского**

1917 года, марта 17 дня. Члены комитета, собравшись сего числа в составе священника о. Федора Плеханова, Н.И. Куйбина, В.И. Лапотникова, Т.Д. Сенькина, П.И. Иванцева, Г.У. Ламбина, Н.К. Попова, Е.Я. Ерлыкова и Н.А. Нижегородцева, что, включая председателя, составляет $\frac{2}{3}$ голосов, под председательством священника о. Сергия Егорова заслушали и рассмотрели нижеследующее:

- 1) Установление таксы на овес, отруби, мучной кот и дрова ... <...>
- 2) Письменное заявление члена комитета Т.Д. Сенькина о буйстве, произведенном в доме крестьянина Арсения Григорьева Терентьева его братом Иваном Григорьевым Терентьевым... <...>
- 3) Словесное заявление священника о. Сергия Егорова, состоящего председателем комитета безопасности, о том, что он оскорблен письмом, адресованным ему местным приставом 2-го стана Березовского уезда В. Тарасовым, в котором между прочим есть следующие выражения: «Вы примкнули к этой корпорации лиц... подлость которых известна всем». Обсудив изложенный вопрос и считая, что указанным письмом оскорблен не только о. Сергей Егоров как председатель комитета, но также и все члены его в полном своем составе, ибо из письма автора не видно, кого именно он считает подлым, — постановили: собрать общий сход в воскресенье, 19-го сего марта, на обсуждение которого внести вопрос о том, что все члены Комитета ввиду случившегося инцидента решаются сложить свои полномочия и просить общество о переизбрании новых членов.

Подписи

* * *

**Протокол
общего собрания жителей граждан с. Обдорского
Березовского уезда Тобольской губернии**

1917 года марта 19 дня. Собрание состоялось в помещении инородных управ по приглашению кандидата сельского старосты г. Ускова в час дня в составе более 120 человек граждан с. Обдорского.

Заслушаны были: 1) Доклад товарища председателя временного комитета общественной безопасности г. Нужина о действиях комитета по продовольственному вопросу ...<...>

2) заявление членов комитета общественной безопасности о сложности обязанностей ввиду нанесения приставом 2-го стана Тарасовым оскорбления всему составу комитета письмом на имя его председателя настоятеля миссии священника о. Сергия Егорова и заявление последнего об обязательном его выходе из комитета и выдаче ему копии приговора схода. Оскорбительные выражения, как видно из выдержки письма, помещенной в протоколе заседания комитета от 17 марта, заключались в следующем: «Вы примкнули к этой корпорации лиц... подлость которых известна всем».

Принимая во внимание, что все действия избранного комитета стоят на полной высоте их гражданского долга, настоящее и прошлое этих лиц в Обдорске, как ревностных поборников правды и народного блага, несмотря на всесильный режим произвола и насилия полиции в этом захолустье, и говорит за то, что они всегда шли к цели прямой дорогой — и эта-та борьба за народное благо может называться «подлостью» только таким приставом, как Тарасов, от увесистой длани которого во времена былого владычества трещала не одна наша мужицкая скула. Выражаем полное негодование и порицание и постановляем: в ограждение мирного течения нашей жизни убедительно просим новое правительство убрать пристава Тарасова от нас из Обдорска, прежний гнет которого теперь может вызвать полное возмущение. Просить председателя комитета и весь его состав остаться при исполнении принятых на себя обязанностей, кроме П.Ф. Тележкина и учителя Иванцева, действия которых в комитете отличались двойственностью. Поставленный на баллотировку шарами вопрос о сохранении за ними права участия в комитете за отсутствующего П.Ф. Тележкина дал +21 и –85, Иванцев же отказался и был исключен единогласно. Отказавшемуся категорически участвовать в комитете священнику от[цу] Егорову выражены благодарность и полное сожаление с выдачей просимой им с протокола копии. Вместо исключенных Иванцева и Тележкина избраны в комитет единогласно П.К. Попов и Д.П. Зайдин.

В конце собрания волостным писарем от имени старшины Куйбина предъявлено требование Березовского комитета об открытии комитета

общественной безопасности только из пяти лиц. Постановили: ввиду функционирования в Обдорске комитета общественной безопасности от всех групп населения с 10 марта предоставить последнему продолжать свои действия, о чем и уведомить березовского комиссара телеграфом.

Собрание закрыто в 5 часов вечера.

Подписи

* * *

Господину тобольскому губернскому комиссару
бывшего пристава 2-го стана Березовского уезда
Василия Никифорова Тарасова

Объяснение

24 марта, вернувшись в Обдорск из служебной поездки в Хе, Хама-нель и Нори, куда я выезжал 17 марта, я получил телеграмму вашего превосходительства от 20-го марта об устранении меня от должности пристава. Затем узнал, что применение ко мне такой меры последовало по телеграфной жалобе председателя и товарища председателя Обдорского комитета общественной безопасности священника Егорова и контролера Нужина, жалующихся на оскорбление их письмом на имя председателя Егорова, причем в телеграмме указывалось на народное неудовольствие и ходатайствовалось убрать меня «как виновника всех смут и ревнивого сторонника старого режима всесильного полицейского кулака».

Не буду оправдываться в приписываемом мне обвинении в оскорблении Егорова и членов комитета, покорнейше прошу из представленных при сем двух писем Егорова от 16 марта и отпуска моего письма на имя Егорова, которым они считают себя оскорбленными, вывести заключение о моей виновности. При этом присовокупляю, что письмо это писано Егорову не как председателю комитета и не [для] предъявления комитету, а лично о[тцу] Егорову как доброму знакомому, желающему восстановить разорванную дружбу. Так, по всему вероятно, думал вначале и о. Егоров, потому что по получении этого письма во втором своем письме он пишет, что против меня ничего не имел и не имеет и к врагам моим не принадлежит. Почему чрез два дня после моего отъезда в Хе о. Егоров воспылал чувством оскорбления и вынес личное свое

письмо на суд комитета и сельского схода, на последнем письме не читал, а только говорил, что пристав назвал его и членов комитета «подлецами», — неизвестно, хотя трудно подыскать название этому поступку оскорбленного «духовного лица». Указанным письмом моим к Егорову больше всех возмущались два члена комитета — акцизный контролер Нужин и приятель его, лишенный прав состояния, дважды отбывавший арестантские роты за кражу и покушение на убийство крестьянин Тихон Сенькин. Не буду спорить, что, может быть, Сенькин и Нужин в моей характеристике в письме узнали себя, так едва ли и это можно поставить мне в вину, раз они сами нашли сходство с собой.

Что же касается смут и народного неудовольствия, то они всецело исходят от Нужина и членов потребительского общества и направлены против меня как пристава. Нужин с начала 1916 года всеми силами старается подорвать ко мне доверие губернского начальства, не стесняясь никакими к этому способами включительно до анонимных доносов (Доклад Тобольского губернского управления от 3 сентября 1916 года № 98), но все его доносы как неосновательные прекращались. Причина неудовольствия ко мне Нужина и членов потребительского общества та, что они во мне всегда встречали горячего защитника интересов инородческого населения, мешавшего членам общества — торговцам зырянам эксплуатировать таковое товаром, приобретенным за счет общества. Организованная Нужиным партия недовольных мною состоит из указанных членов общества, хулиганов, пьяниц и воров, имевших со мной служебные столкновения по своей деятельности. С моим удалением от службы указанная партия, именующая себя населением, торжествует, предвкушая удовольствие втянуть в потребительское общество инородческий капитал и эксплуатировать приобретенным на него товаром тех же инородцев.

Ввиду всего вышеизложенного покорнейше прошу ваше превосходительство во внимание к моей служебной деятельности в далеком Обдорском крае в течение 8 лет, где я за этот период времени в поездках по тундре потерял свое здоровье и не имею средств к существованию, назначить меня на соответствующую должность.

Бывший пристав 2-го стана Березовского уезда **Тарасов**
6 апреля 1917 г.

* * *

1917 года апреля 25 дня. На предъявленный настоящий протокол объясняю: 31 марта с.г. я заходил в почтово-телеграфное отделение для получения перевода жалования, из посторонних находились там только В.Д. Чупров и С.Д. Слободсков — друзья Нижегородцева и Рочева-Моторова; последний зять Моторова.

При разговоре с начальником отделения г. Маньковым о текущих событиях и местной жизни я поинтересовался просить его, действительно ли уволенный пристав Тарасов при отъезде из Обдорска на станции Собской в провожавшей его пьяной компании Нижегородцева и Рочева-Моторова и проезжавшим в то же время с ним к месту новой службы мировым судьей Закорюкиным, спойв остяков, под угрозой угнал почтовых лошадей, не встретив противодействия незаконности поступка со стороны Закорюкина как судьи и Нижегородцева как члена комитета общественной безопасности, что г. Маньков подтвердил.

Обсуждая этот поступок, возможно, что я допустил в разговоре называть такие действия «хулиганством», что относилось, конечно, к факту спаивания падкого до алкоголя инородца остяка, который уже потом только, пьяный, под угрозой запряг для пристава последних почтовых лошадей, нарушив этим обязательство контракта перед казной.

Произведенным по этому поводу дознанием командированным членом комитета Сенькиным и помощником начальника милиции Пониткиным все действия Тарасова подтвердились.

Почему бывшие в отделении во время моего разговора с Маньковым Чупров и Слободсков придали нашему разговору вид оскорбления личных их друзей Нижегородцева и Рочева и передали им разговор этот в искаженном виде, могу объяснить только враждебным выпадом против меня, лишь бы возбудить всей компанией кляузное дело и вызвать лишний раз дознание, способствующее подорвать доверие властей и устранить из Обдорска, лишив ненавистный им как торговцам кооператив в моем лице руководителя. Домогательства устранения меня из Обдорска, в которых, подозреваю, принимали участие и они, были в 1916 году. Полицией составлялось тогда дознание в среде торговцев, что я будто бы подстрекаю население к погрому торговцев, в надежде провоцировать который бывший исправник Ямзин явился первым парходом в Обдорск в полном составе подчиненных ему чинов полиции и стражи. Кле-

вета дознания в июне была представлена ими бывшему губернатору Ордовскому; последний при личном моем объяснении, несмотря на всеисилие при прежних порядках полиции, видел, что оно носит явно ложный клеветнический характер, не решился дать ему какое-либо движение и просил продолжать деятельность по кооперативу. Кому из обдорян не известна близость полиции к крупным торговцам, под покровительством которой они безнаказанно драли с населения хищнические проценты за продукты и товары первой необходимости, что выяснилось комитетом в последнее время при обложении нормы 30% прибыли.

Личная враждебность против меня Нижегородцева приняла обостренный характер с февраля 1916 г. — времени привлечения его к ответственности за порванную им и купцом Чечуровым в чайной попечительства трезвости таксу на продукты и предметы необходимости — «это не такса, нашу привезет пристав» — как они тогда говорили, за что оба мировым судьей оштрафованы на 25 руб.; членами попечительства состоят они и сейчас.

При выборах 10 марта членов комитета общественной безопасности Нижегородцев вошел в состав Комитета от торговой группы, общество не протестовало в надежде, вероятно, что он оправдает теперь звание гражданина свободной родины и с достоинством будет носить возложенное на него поручение. Как горько ошиблось в этом общество и как отблагодарил его за доверие Нижегородцев, видно из нанесенного им на выборах волостного продовольственного комитета всему составу общества оскорбления за упрек как члена комитета по поводу неуместности проводов им уволенного по настоянию общества пристава Тарасова. «Пристав был нехорош только для воров, мошенников и хулиганов, а для него он был хорош, и он провожал его как гражданина» — подлинная фраза брошенного в лицо обществу оскорбления.

Во имя только святого долга обновления строя родины взрыв общего негодования был тогда потушен по просьбе присутствовавших на сходе членов комитета общественной безопасности, в чем, вероятно, памятно всем, имел долю участия и я, привлекаемый ныне к ответственности Нижегородцевым по наговору Чупрова и Слободского за нелестный будто бы о нем отзыв.

Рочев-Моторов, прежде чем оскорбляться и возбуждать преследование, если бы действительно приписываемый мне отзыв имел место,

пусть разберется и отдаст себе отчет — почему он, уважая в себе достоинство свободного гражданина, принимал участие в попойке и проводях смещенного по настоянию общества вредного краю полицейского чина старого правительства?!

О личности человека всегда судят по поступкам.

С судьей Закорюкиным я разошелся с конца октября 1915 г. из-за разных между нами взглядов на условия местной жизни и взаимоотношений. Чупров, Слободсков и К°, чтобы придать авторитет возбужденному им делу, зная наши отношения, воспользовались еще вплести в него и имя судьи, бывшего в тот раз на станции Собской в сообществе компании «друзей» вследствие экстренного выезда в Сургут последним зимним путем.

О самоуправстве Тарасова прилагаю данное мне показание почтальона Кыкина.

Член комитета общественной безопасности акцизный
контролер **Нужин**.

Приписка: «Находя связь этого дела с делом пристава Тарасова, которое еще не расследовано, просим Вас обратиться к губернскому комиссару».

Председатель комитета священник **Егоров**.

Ниже стоят подписи **Т. Сенькина, Зайдина, Попова** и еще
нескольких лиц.

* * *

Обдорский комитет общественной безопасности
10 мая 1917 года

№ 55

Господину березовскому уездному комиссару

Вследствие телеграммы от 28 апреля за № 132 комитет общественной безопасности имеет честь препроводить Вам при этом для представления господину тобольскому губернскому комиссару

1. Протокол заседания комитета от 17 марта, на котором председателем комитета священником Сергием Егоровым было сделано заявление об оскорблении его и состава комитета приставом Тарасовым;
2. Заявление членов комитета обдорскому сельскому сходу по этому поводу;

3. Протокол общего собрания жителей граждан села Обдорского от 19 марта с постановлением ходатайствовать об устранении из Обдорска пристава Тарасова;

4. Протоколы дознаний помощника начальника милиции Пониткина и члена комитета Сенькина о незаконных действиях бывшего пристава Тарасова во время поездок в Березов в феврале с.г. и в последний раз по устранении от должности;

5. Показание почтальона Кыкина о действиях пристава Тарасова при последнем проезде из Обдорска в Березов;

6. Протокол дознания помощника начальника милиции Пониткина от 10 апреля по заявлению участников проводов пристава Тарасова и попойки на станции Собской члена комитета общественной безопасности Н.А. Нижегородцева и обдорского торгующего крестьянина И.А. Рочева-Моторова о заочном оскорбительном для них отзыве об них члена комитета Нужина;

и 7. Объяснение члена комитета Нужина по существу жалобы на него помянутых лиц.

При этом считаю долгом уведомить Вас, что председатель комитета священник Егоров на заседании комитета 8 мая временно сложил с себя обязанности председателя, мотивируя отказ недостатком времени, почему все текущее производство по комитету до его вступления будет представляться за моим подписом.

И.о. председателя товарищ председателя *Нужин*

* * *

Господину тобольскому губернскому прокурору
старшего контролера IV округа Тобольско-Акмолинского
акцизного управления Никиты Адрианова Нужина

Заявление

Телеграммой 27 ноября 1917 года мною было возбуждено пред Вами ходатайство о следствии и привлечении к уголовной ответственности членов Обдорского русско-зырянского волостного земства и др. организаций за клевету. Независимо этого 5 декабря за № 34 я подал местному мировому судье заявление с подробным изложением обстоятельств их действий.

Произведенным согласно Вашему поручению березовским уездным начальником милиции Кушниковым и по поручению управляющего

акцизными сборами помощником акцизного надзирателя Бельским дознанием клевета на меня составом земства из купцов и их сторонников выяснена показаниями до 40 свидетелей. Дело в данное время находится в следственном производстве мирового судьи 2 участка.

Добиваясь все время пред акцизным начальством выселения моего из Обдорска, они имели успех при введении советской власти, распоряжением поставленного которой комиссара Климанова я был переведен на службу в Туринский уезд с обязательным выездом на первых пароходах.

6 (19) июня утром на пароходе «Отважный» неожиданно пришла первая почта из Тобольска, но я выехать за скорым уходом парохода не успел собраться и остался до «Народника», имеющего прибыть на днях же. Полученная с почтой в № 61 «Сибирского листка» от 23 мая корреспонденция «Обдорские дела» от 28 марта за подписом рабочих послужила поводом к новому взрыву негодования против меня обдорских земцев, которые под влиянием мести вечером того же 6 (19) июня, после приема от упраздненного Совдепа власти, постановили арестовать меня и отправить в распоряжение березовских властей под конвоем, зная прежде все, что я уже и так совершенно готов к выезду и ожидаю только парохода, чем хотели показать малокультурному населению полноту своей власти включительно до ареста неугодных им правительственных должностных лиц. В этом же постановлении они предложили (7 (20) № 85) участковому начальнику милиции Пониткину сдать должность и дела комиссару. Постановление земства не могу иначе себе объяснить, как личной мстью за ущерб их купеческим интересам созданием мною в Обдорске кооператива с оборотом в 1917 г. более полумиллиона рублей.

Местный комендант Чалый от ареста меня уклонился, и я был арестован утром 13 (26) июня приехавшим березовским комендантом Логановским, когда уже вывозили к пароходу мой багаж.

Помещался я, хотя и с семьей, в рубке I класса, но у входа и окон постоянно ходили вооруженные часовые, которые запрещали посторонним иметь со мною как с арестованным общение, напр., при приходе в Березов они выдворили от меня из рубки обоих мировых судей и помощника акцизного надзирателя Бельского.

Что я или моя семья переживали, когда меня под конвоем солдат с винтовками вели с парохода чрез весь город до тюрьмы и в исполни-

тельный комитет; последний гласный арест с меня хотя и снял, но выдал проходное свидетельство с обязательством явки к коменданту в Тобольске, к которому, как мне сказали, направлено постановление Обдорского земства о моем аресте. Комендант г. Киселев, не выясняя причин, потребовал дать подписку о невыезде, имеющую силу ограничения моих прав по настоящее время. В 20-х числах июля я обращался в следственную комиссию, председатель ее Великошевский заявил мне, что у меня нет никакой подсудности, о чем и сообщено по запросу в окружное акцизное управление — и только. Привлечены ли члены Обдорского земства Иванцев, Егоров и К^о к ответу за мой арест как за превышение власти — умолчал. Частно я ныне слышал, что вопрос этот на заседании комиссии подни[ма]лся, обещанных в постановлении документальных данных к моему аресту земство комиссии не представило и не могло представить за их отсутствием фактически, причем уверенно заявляю, что никакого преступления, влекущего пережитый мною унижительный арест и ограничение свободы даже и по сейчас, я не сделал, если не считать экономической борьбы моей как председателя кооператива, исполнительного и продовольственного комитетов в 1917 г. с дороговизной и взвинчиванием цен на товары и продукты прежних заготовок обдорскими купцами — ныне благополучно здравствующими земскими деятелями и вершителями судьбы целого громадного некультурного инородческого района, за что и подвергаюсь их травле с 5 августа мин[увшего] года. Для характеристики нравственных качеств состава Обдорского земства прилагаю копию с копии вывешенной ими в управе телеграммы [1 нрзб.] с целью разжечь недовольство части населения против меня за своевременную уплату акциза за сахар, в конечном результате чего могли быть насилие и расправа толпы. Самый текст телеграммы «Обдорск благодаря настойчивости Нужина попал безвыходное положение» уже говорит за то, что распубликование ее может служить не к успокоению толпы, а чтобы вооружить ее против лица, по вине которого, по их мнению, приходится переплачивать лишние деньги. Рассрочка уплаты дополнительного обложения за сахар была предложена мною 13 ноября на заседании прод[овольственной] управы, но от предоставленных законом льгот все купцы уклонились и внесли на почту на имя Березовского казначейства причитающиеся суммы добровольно, следовательно, при чем я или моя настойчивость — власти

большевиков, так, видимо, желанной земством в данный тогда момент, я не признавал, считая ее противузаконной, и действовал, как подсказывали мне совесть и служебный долг.

О вышеизложенном имею честь доложить Вашему высокоородию и покорнейше просить о снятии с меня ограничения прав свободы выезда и привлечения членов Обдорского русско-зырянского волостного земства Иванцева, Егорова, Тележкина и других за постановление 6 (19) июня о моем аресте к уголовной ответственности как за превышение власти. О последующем Вашем распоряжении благоволите уведомить.

Старший контролер IV округа Тобольско-Акмолинского акцизного управления **Н. Нужин**.

Адрес мой: Тобольск, за садом Ермака до № 27 Городецкого, флигель.

(Ф. 755. Оп. 2. Д. 22. Л. 79).

* * *

Копия с копии
Из Тобольска № 3021 27 января 1918 г.
Обдорск, земству

Сообщите продкому акцизный надзиратель разъяснил что акциз сахара понижен декретом большевиков надежде добытия возвращения дополнительной мало ибо Тобольск большевистскую власть игнорирует везде платёж акциза поступал частично по продаже точка. Обдорск благодаря настойчивости Нужина попал безвыходное положение остается или продавать или выдерживать цены точка. На запасы сахара сметы очень малы все распределены. Дальнейшая заготовка связана немисверными трудностями страшной дороговизны кроме выхлопотанных 250 пудов нынче вероятно не достать точка. Канцелярских земских книг продаже нет ибо нет выработанных форм обходиться простым делопроизводством точка. Сообщите кредитному что штемпеля заказаны точка. Пусть продком сообщит мне какие выезжающие рыбаки пользуются заготовкой Обдорске я спрощу их.

Иванцов

С подлинным верно: акцизный контролер **Нужин**

Протокол дознания

1918 года ноября 23 дня.

с. Обдорское

Начальник милиции 2 уч[астка] Березовского уезда Панфилов произвел дознание на основании поручения г. начальника Березовской уездной милиции от 31 октября с/г. за № 1240 о членах Обдорского русско-зырянского земства, обвиняемых старшим контролером IV акцизного округа Никитой Адриановым Нужиным за постановление земства от 6 (19) июня с/г. об аресте его, как за превышение власти, а потому произвел опрос членов Обдорского русско-зырянского земства, которыми был подписан протокол собрания от 6 (19) июня с/г. за № 1, копия какового прилагается к сему.

Гласный Обдорского русско-зырянского земства Павел Федоров Тележкин заявил: причина, побудившая меня голосовать за арест акцизного контролера Н.А. Нужина, была следующая, что он, живя в Обдорске, вел агитацию против имущего класса, подпольно направляя одну часть населения на другую. Прошлый год, не помню, в октябре или ноябре месяце, Нужин открыто выступил на сельском сходе, где агитировал, обращаясь к рабочим, против имущего класса, и благодаря только убедительной речи священника Егорова не произошло кровавого столкновения.

Кроме того, г. Нужин, благодаря тому, что при выборах в земство не прошел гласным, начал искать другие дороги, чтобы подпольно вредить земству и кооперативу. Для этого он сошелся с лидерами рабочих И. Королевым, И. Чупровым и М. Гаврюшиным, основали «Рабочий союз», где вершителем всех дел был Нужин, но работал всегда скрыто. Опираясь на эту новую организацию, он хотел захватить в свои руки кооператив, но не удалось. Когда же в г. Березове организовался Совдеп, то им же были отправлены туда лидеры от союза рабочих и приглашен был в Обдорск начальник Красн[ой] армии Сенькин. Приезд Сенькина в Обдорск был в первый день Пасхи. По приезде он посетил Нужина, а потом начались аресты земства в лице Иванцова, Гоберахшвили и кооператоров Парфенова, Терентьева и Рочева. При негласном содействии того же Нужина в Обдорске был организован Совдеп, в который вошли исключительно лидеры рабочего союза без выборов. 1-го мая 1918 года,

[в] праздник рабочих, была манифестация, которая полным составом вошла во двор квартиры Нужина, где благодарила его за содействие.

Документальных данных у меня о действиях г. Нужина нет. Телеграмма, указанная г. Нужиным, получена земством была, причины, вызвавшие ее, следующие: в конце октября 1917 г. от управляющего акцизными сборами была получена телеграмма о внесении дополнительного акциза за сахар к 1-му ноября, к этому времени контролером Нужиным были сняты остатки сахара как у торгующих, так и в продовольственном отделе, к означенному сроку г. Нужиным было предложено всем внести акциз полностью, рассрочки же никакой не дал. Предкомом было возбуждено ходатайство о рассрочке акциза, в котором указывалось, что акцизным контролером г. Нужиным весь находящийся в Обдорске сахар может быть взят под надзор, для чего даже было приготовлено помещение, которое он мог опечатать и выпускать по мере уплаты акциза. Ходатайство было возбуждено пред управляющим акцизными сборами. За перерывом телеграфного сообщения ответ своевременно получен не был, а потому акциз за сахар был внесен полностью. Ответ от управ. акц[изными] сб[орами] был получен через сутки после внесения акциза, мы же против вноса акциза полностью ничего не имели, т.к. рано или поздно пришлось бы его вносить, и стали продавать согласно казенной цене, т.е. 1 р. 50 к. фунт.

Желая навредить торгующим, г. Нужин допьюльно начал агитировать между рабочим союзом, что торговцы дополнительный акциз внесли полностью, когда таковой вносить возможно было частями, потому теперь и продают сахар по высокой цене, кроме того, есть декрет, которым разрешается продавать его по пониженной цене. Все это делалось г. Нужиным, чтобы принести ущерб торгующему классу. Благодаря вышеуказанному, население разделилось на два лагеря, враждебных друг другу, что и заставило земство телеграфировать своему представителю г. Иванцеву, бывшему в Тобольске на общегубернском съезде. Ответная телеграмма Иванцева, каковая указана г. Нужиным, в земстве вывешена не была.

Весной, с приходом пароходов, Нужин действительно собрался уезжать, но почему-то от первого парохода «Отважный» он отстал. Об аресте г. Нужина было решено на первом земском собрании (после Совдепа), в тот же день пришел пароход «Станкевич», на котором он и уехал под конвоем до Березова как сторонник большевиков, чтобы не уклонился от суда и следствия. Более заявить ничего не имею.

Учитель *Павел Иванович Иванцев* заявил: за все время моего знакомства с Нужиным последний вел в Обдорске провокационную и разлагающую общественную жизнь деятельность, натравливая клику своих приверженцев — Королева, Ламбина и др. им подобных — на остальную часть населения. Со времени февральского переворота 1917 года, благодаря его деятельности, местная общественная жизнь не знала покоя, а также и различные общественные учреждения.

Ввиду того, что сознательные элементы обдорского общества, видя вред Нужина, желали избавиться от него край, еще зимой над Нужиным были произведены два дознания: помощником акцизного надзирателя Бельским и нач. милиции Березовского уезда Кушниковым. В этих дознаниях, вероятно, обрисована фактическая сторона деятельности Нужина.

Когда власть Советов была в Сибири свергнута, то представители местного населения решили обратиться к помощи коменданта г. Березова, чтобы Нужина арестовали и предали суду. Было ли это исполнено, я не знаю. На земском собрании, которое делало постановление о том, чтобы Нужин был арестован, я протестовал против ареста Нужина здесь, в Обдорске, но внес предложение о том, чтобы его арестовали в Березове. Как на обвинительные материалы и тогда указывал на дознания Бельского и Кушникова. Не питая никакой личной мести к Нужину, я и сейчас должен сказать, что такие люди, особенно в теперешнее тревожное время, должны находиться под арестом. Нужин же тем более достоин этого, т.к. в силу своей природы никогда не действовал прямыми путями, а за спиной своих приверженцев. За все время дикой деятельности Советов и разнузданных страстей черни Нужин был известен как человек, одобрявший таковую деятельность и проводивший ее в жизнь через темные массы.

Документальными данными свое показание сейчас подтвердить не могу, т.к. Нужин как человек в высшей степени осторожный таковых старался не создавать, но укажу, что при моем показании в дознаниях Бельского и Кушникова такие данные есть, они рисуют Нужина как подстрекателя и клеветника.

С половины зимы 1917—1918 гг., когда Нужин был изгнан из председателей местного потребит[ельского] общ[еств]а, я знал, что он собирается весной выехать из Обдорска, но тем не менее внес предложение об его аресте в Березове по личному убеждению в том, что пока он на свободе, то будет и впредь стараться к распространению всяких вредных для

общественной жизни идей и клеветы. Для той же цели, т.е. для полного изолирования его, Нужина, от окружающих, была прошена от комендантуры и охрана.

Участвуя в том земском собрании, где было внесено предложение об аресте Нужина, я полагал, что собрание не может само наложить арест, но просить о таковом имеет полное право. Превышения власти в этом я не вижу, тем более, что для дальнейшего оздоровления жизни местного края несколько раз обращался к земству и обществу за тем, чтобы указать вредные элементы.

Нужин последнее время своей жизни в Обдорске не участвовал активно в выступлениях деятелей советской власти, но что он был их вдохновителем и руководителем тайным видно из манифестации 1 мая, бывшей в Обдорске, каковая организовалась и начала шествие со двора Нужина и туда же вернулась.

Указанная Нужиным телеграмма мною действительно была послана из Тобольска. История посылки ее такова. Будучи на сессии губ[ернского] земства, я получил из Обдорского земства телеграмму о том, чтобы я походатайствовал относительно возвращения части внесенного уже акциза на сахар. Из частной моей беседы с акцизным надзирателем Петровским выяснилось, что трудно ожидать, чтобы пониженная декретом большевиков цена на сахар до 75 коп. за фунт, т.е. разница между 1 р. 50 к. за фунт и 75 коп., была возмещена торговцам, которые именно по настойчивости Нужина уплатили казне по 1 р. 50 к. за фунт. Обдорским продкомом была подана телеграмма надлежащему начальству о том, чтобы акциз вносить частями; Нужин же, не дождавшись ответа на эту телеграмму, потребовал уплаты всего акциза, что и было сделано. Спустя два или три дня приходит ответ, что акциз на сахар разрешается вносить частями и по мере продажи, но было уже поздно, и из оборотов края было изъято до 40000 руб. Вот почему в телеграмме я употребил слова: «Обдорск, благодаря настойчивости Нужина, попал безвыходное положение». Этим выражением я не хотел натравить на Нужина никого, и о том, что эта телеграмма была вывешена в земстве, ничего не слышал до сих пор. Как гласный земства и член управы заявляю, что от земства материалы в следственную комиссию по делу Нужина не были посланы, т.к. весной народ из Обдорска разъезжается по промыслам и, кроме того, я лично был такого мнения, что дознание о деятельности

Нужина будет произведено здесь на месте. Насколько я знаю, обвинительного материала в собранном виде управа и сейчас не имеет.

Более заявить ничего не имею. Учитель и гласный русско-зырянского Обдорского земства **Пав[ел] Иванцев**

* * *

Крестьянин Вологодской губ., постоянно проживающий в с. Обдорском *Николай Яковлев Тельтевский* заявил: на собрании земства 6 (19) июня присутствовал. Мотивы, вызвавшие арест и высылку г. Нужина, были следующие: он был вреден для края как агитатор в пользу советской власти, всюду приносил разлад и раздор и натравливал один класс на другой, марая чем и как возможно интеллигентный класс, действовал же не открыто, а подпольно, документальных данных я не видел.

Постановление земства не есть месть, а действительно Нужин заслужил того, чтобы его выслали. Телеграмма, на которую указывает г. Нужин, в земской управе вывешена не была.

Вообще, я должен сказать, что г. Нужина я знаю мало и деятельность его знаю только по слухам. Более заявить ничего не имею.

* * *

Местный житель с. Обдорского *Георгий Заалович Гоберахашвили* заявил: на собрании земства 6 (19) июня я присутствовал. Мотивы, вызвавшие постановить о высылке и аресте г. Нужина, следующие: пребывание г. Нужина даже на один час считали опасным ввиду его сильного влияния на темную массу, которую он натравлял на другую часть населения. Мы боялись, чтобы хозяйственный аппарат края не был в корне разрушен той массой, на которую он влиял, угрозы же с их стороны были. Вообще, г. Нужин как растлевающий элемент вроде московского Зубатова не мог быть терпим. На основании вышеизложенного я должен заявить, что высылка и арест г. Нужина не являлись мстью со стороны земства, а были необходимостью.

Документальных данных о деятельности г. Нужина нет, работал он подпольно, через посредство лидеров Обдорского рабочего союза, на собрания которого он всегда являлся и собирал лидеров к себе.

Телеграмма, указанная г. Нужиным, действительно в земстве была вывешена, но также были вывешены и другие, относящиеся к продаже

сахара, для успокоения массы, которую Нужин и натравлял, указывая на объявления в газетах о продаже сахара в Тобольске по 75 коп. после того, как он сам собрал дополнительный акциз по 1 р. 50 к. за фунт, а поэтому и приходилось продавать не по 75 коп., а по 1 р. 50 к. за фунт. Более по этому делу заявить ничего не имею.

* * *

27 ноября опрошен крестьянин с. Обдорского *Калистрат Калистратович Поленов*, заявил: постановление, вынесенное земством на собрании 6 (19) июня по поводу ареста и высылки из с. Обдорского г. Нужина, я объясняю тем, что г. Нужин для края был человек опасный, агитировал в пользу советской власти, натравлял одну часть населения на другую. Я лично от г. Нужина ничего не слышал, может быть, это только одни слухи, а может быть, г. Нужин говорил одно, а массой понималось совершенно иначе. Я, по крайней мере, так понял г. Нужина и считал его человеком не вредным для края. Вообще, он не хотел того, что сделала непонимающая масса. Я не думаю, чтобы высылка и арест г. Нужина были мстью со стороны некоторых членов земства. Более заявить ничего не имею.

* * *

Крестьянин села Обдорского *Павел Никаноров Мамеев* заявил: причин, вызвавших арест и высылку из Обдорска г. Нужина, я не знаю и о деятельности г. Нужина я ничего не знаю. Знаком с г. Нужиным я был очень мало.

* * *

Местный житель села Обдорского *Димитрий Аристархов Чупров* заявил: постановление земства от 6 (19) июня 1918 года о высылке и аресте г. Нужина было вызвано следующими причинами: г. Нужин был опасным и вредным человеком для края, возбуждая одну часть населения на другую. Всю агитацию г. Нужин вел не открыто, а подпольно. Мести же со стороны земства и отдельных его лиц по отношению к г. Нужину не могло быть и речи. Более заявить ничего не имею.

* * *

28 ноября опрошен мещанин гор. Тобольска *Ефим Яковлев Ерлыков*, который заявил: причины, вызвавшие земство постановить о высылке и аресте г. Нужина, следующие: г. Нужин старался всеми силами прове-

сти в Обдорске советскую власть, натравляя одну часть населения на другую, особенно нападал на богатый класс и вообще вел знакомство с темными личностями Обдорска. Высылку из Обдорска г. Нужин заслужил, и она не была мезтью земства или отдельных его личностей. Вообще скажу, что Нужин был человек очень опасный и вредный для края. Более заявить ничего не имею.

* * *

Местный житель с. Обдорского *Пантелеймон Федоров Бабииков* заявил: на собрании земства 6 (19)-го июня с.г. я присутствовал. Почему было вынесено постановление об аресте и высылке из Обдорска г. Нужина, я не знаю. Про Нужина ничего плохого я не знаю и не слышал. Более заявить ничего не имею.

* * *

Местный житель с. Обдорского *Александр Георгиевич Александров*: на собрании земства 6 (19) июня я был, где было постановлено арестовать и выслать из Обдорска г. Нужина. Должен сказать, что причин, побудивших земство к такому постановлению, я не знаю. Лично же про Нужина я сказать ничего плохого не могу. Вообще, г. Нужин был против купцов за то, что они поднимают сильно цены на товар. Более заявить ничего не имею.

* * *

29 ноября опрошен местный житель с. Обдорского *Матвей Васильев Рябков*, который заявил: на собрании земства 6 (19) июня я присутствовал, где было постановлено г. Нужина арестовать и выслать из Обдорска, я был также за то, чтобы его арестовали. Причины к тому следующие: г. Нужин подпольно вел агитацию, натравливал одну часть населения на другую, вообще, он стоял за большевистскую власть. Более по этому делу заявить ничего не имею.

* * *

Крестьянин села Обдорского *Николай Александров Нижегородцев* показал: на собрании земства 6 (19) июня присутствовал, где было постановлено арестовать и отправить из Обдорска г. Нужина. Причины, побудившие земство вынести такое постановление, следующие: Нужин

все время проживания в Обдорске натравливал одну часть населения на другую, старался всякой грязью облить имущий класс, вообще разлагал темный класс по отношению к интеллигентному. Кроме того, при помощи темных людей стремился провести в Обдорске советскую власть, что ему в конце концов и удалось, где он всем правил, руководил, но не открыто, а подпольно, документальных данных о его деятельности у меня нет... Мести со стороны земства, а также и отдельных лиц не могло быть и речи, т.к. г. Нужин за 3¹/₂ года своей службы в Обдорске зарекомендовал себя как человек вредный и опасный для края, и оставить его в Обдорске значило бы согласиться с его вредной деятельностью, которая могла бы даже довести до кровопролития.

* * *

Местный житель села Обдорского *Александр Елисеевич Козлов* заявил: на собрании земства 6 (19) июня, где было постановлено г. Нужина арестовать и выслать из Обдорска, причины, послужившие к этому, были следующие: г. Нужин был вредным человеком для края, натравляя одну часть населения на другую, обливая грязью более имущий класс. Кроме того, г. Нужин всеми силами старался провести в Обдорске советскую власть, что ему и удалось, вызов Красной армии из Березова был делом его руки, но действовал он всегда подпольно, а потому и документальных данных о его деятельности у меня нет. Арест г. Нужина не могу считать мстью со стороны земства или отдельных его лиц, т.к. арест этот был необходим, чтобы избавиться от вредного человека. Кроме того, постановлено было выслать его из Обдорска немедленно вследствие того, что г. Нужин давно уже собирался уезжать из Обдорска, но все время тянул, не уехал на первом пароходе, а потому земство было не гарантировано, что он уедет и на последующих пароходах.

Телеграммы, на которую указывает г. Нужин, я в земстве вывешенной не видел. Более по этому вопросу сказать ничего не могу.

* * *

Местный житель села Обдорского почтово-телеграфный чиновник *Ефим Николаев Конев* заявил: на собрании земства 6 (19) июня с.г. присутствовал, где было постановлено г. Нужина арестовать и выслать из Обдорска. Причины, послужившие вынести такое постановление, были

следующие: Нужин был человек вредный для Обдорска и даже для края, натравливал одну часть населения на другую. Особенно он нападал на торгующий класс, а также и на тех людей, которые были инициаторами раскрытия его мошеннических проделок в кооперативе «Приполярный край», где он был председателем, а также он причастен при проведении советской власти в Обдорске. Кроме того, г. Нужин был организатором в Обдорске рабочего союза, где он сам не участвовал, но руководил и направлял его, и при помощи этого союза была вызвана из Березова Красная армия. Главари рабочего союза высланы из Обдорска за большевизм. Мести со стороны земства не было.

* * *

1918 года декабря 4-го дня *Константин Иванов Кыкин* заявил: причину ареста г. Нужи́на я не знаю; должен сказать, что г. Нужин никакой агитации против имущего класса не вел и одну часть населения на другую не натравливал. Купцы действительно его недолюбливали, да и вполне понятно: с открытием кооператива, инициатором которого был Нужин, они потеряли много из своего кармана. Очевидно, благодаря этому земство решило его арестовать и выслать из Обдорска, т.к. гласными земства состоят те же купцы и при возможности начали ему мстить. Более заявить ничего не имею. Прошу допросить Якова Георгиева Кузнецова в с. Самаровском.

* * *

Местный житель с. Обдорского *Георгий Александрович Александров* заявил: фактических данных про деятельность г. Нужи́на я не имею, по слухам, он натравливал одну часть населения на другую. Вообще, должен сказать, что кто только работал с ним в контакте, на того он не нападал. Под его влиянием были темные люди, при помощи которых он проводил в жизнь свою программу.

* * *

Местный житель села Обдорского *Иван Афанасьевич Рочев-Моторов*: «Я думаю, причиной ареста и высылки из Обдорска г. Нужи́на послужило натравливание одного класса на другой. Кроме того, он был главным организатором Совдепа, при его содействии была из Березова

вызвана Красная армия, по приезде которой им были указаны лица, подлежащие, по его мнению, аресту. Документальных данных у меня нет, но я в бане слышал сам, как говорил Нужин: «Теперь власть в наших руках». Это он говорил, когда была получена телеграмма рабочим союзом организовать Совдеп, в рабочем же союзе г. Нужин был главным руководителем, но не открыто, а подпольно».

* * *

Протокол

1918 года декабря 15 дня, находясь в служебной поездке в местности Ходата, опросил проживающего здесь гласного Обдорского русско-зырянского земства *Михаила Леонтьева Карпова*, который заявил: «На собрании земства 6 (19) июня я присутствовал, где был поднят вопрос о выселении из Обдорска г. Нужи́на как вредного элемента. На этом же собрании было решено его арестовать и отправить. Я действительно присоединился к этому мнению и подписал протокол собрания, т.к. г. Нужин этого заслуживал, ведя агитацию между населения, натравляя одну, более бедную, на другую — имущую часть населения. Вообще г. Нужин первое время его службы в Обдорске был очень полезен для края, но, благодаря его озлобленности на имущий класс, он принес много вреда и распри и чуть не довел до восстания, все это и побудило земство сначала ходатайствовать о его переводе, а потом уже об аресте и высылке.

Вообще я заявляю, что в аресте и высылке г. Нужи́на как земства, так и отдельных личностей из земства, напр., Иванцева, Егорова, Тележкина и других, никакой мести не было, а только получил, что заслужил».

* * *

1918 года декабря 17-го дня в местности «Река Щучья» был опрошен проживающий здесь мещанин г. Сургута *Александр Николаев Седельников*, председатель общего земского собрания, который заявил: «Причины, вызвавшие постановить на общем земском собрании 6 (19) июня с.г. удалить г. Нужи́на из Обдорска, следующие: Нужин для края был человек очень вредный, вел в населении агитацию, натравливал одну часть населения на другую. Особенно г. Нужин чернил имущий класс, не стесняясь иногда по этому адресу пускать клевету и разные сплетни, особенно со времени переворота, где ему хотелось все бразды

правления взять в свои руки. И действительно ему временно это удалось, сделавшись товарищем председателя исполнительного комитета, где он, кроме вреда, ничего не принес.

Кроме того, г. Нужин был избран председателем Обдорского потребительного общества «Приполярный край», но за неправильное ведение дел кооператива был из председателей смещен, чем еще более озлобился, стал еще более приносить вреда, но подпольно, при посредстве темных лиц, разжигал ненависть одного класса к другому и не доведя таковую чуть до восстания и вообще беспорядков. Взвешивая все это, земство сначала хотатайствовало о переводе его по службе куда-нибудь из Обдорска. Хотя перевод его состоялся, но Нужин все еще не уезжал, продолжая свою вредную деятельность с еще большей озлобленностью, благодаря чему земство общим собранием 6 (19) июня постановило просить местного коменданта дать конвой сопроводить г. Нужина в г. Березов. Все время пребывания парохода в Обдорске, а также и до этого он был на свободе.

Постановление от 6 (19) июня не было вызвано какой-нибудь личной мстью. Телеграмма, на которую указывает г. Нужин, была ли вывешена в земстве, не упомяну».

* * *

1918 года декабря 19-го дня в с. Обдорское опрошен священник о. Андрей Шихалеев, гласный Обдорского русско-зырянского земства, который заявил: «Русско-зырянское земство оповестило всех гласных членов явиться на общее земское собрание, но, к сожалению, явились почему-то немного, сколько не помню. Заседание было открыто, в присутствии членов Совдепа и коменданта с. Обдорска Чалых объявили телеграмму, полученную комендантом, о свержении советской власти. По прочтении оной был поставлен первый вопрос, что члены Совдепа согласны ли передать дела в земство. Препятствий не встретилось, о приеме был постановлен акт, под которым я подписывался. По подписании акта члены Совдепа были попрошены выйти, тогда при закрытых дверях обсуждался второй вопрос — об аресте и немедленном выселении акцизного контролера г. Нужина с первым приходящим пароходом, хотя все знали, что Нужин уже собрался ехать и ожидал парохода, распродал мебель... Вопрос об аресте был проведен закрытой баллотировкой. Мною было заявлено, что акта об аресте г. Нужина я подписывать не буду, пото-

му что не знаю никаких обвинений. А зная, что на Нужина ополчился весь торговый класс, что он будто бы настоял на дешевую таксу на рыбу, а потом был как общественный работник, организовал кооператив русско-зырянский, а в земстве, к сожалению, почти все скупщики рыбы и пушнины. Чем земство руководствовалось, мне неизвестно. Кроме меня, был несогласен гласный член Ефим Николаевич Конев».

* * *

Акт

ревизионной комиссии по учету товаров лавки потребительного общества «Приполярный край» по ревизии счетоводства и делопроизводства правления общества и деятельности председателя его Н.А. Нужина

Комиссия приступила к работе 31 октября. Для ревизии счетоводной части и делопроизводства комиссия выделила из своей среды П.С. Канева, К.К. Поленова, о. С. Егорова, Н.К. Попова и П.Ив. Иванцева, а для учета товарной части — И.В. Королева, П.Ф. Бабикова, И.Г. Дьячкова.

Были рассмотрены счета и товарная ведомость, сличен мемориал с вспомогательными книгами. Рассматривая товарную ведомость, комиссия обратила внимание на то, что расценки многих товаров были очень высоки, достигая 50, 70, 100, 120, 130, 150 и даже 733% на рубль. Как на примеры можно указать на то, что на сало наложено свыше 54%, на масло свыше 45%, на чай почти 33%, на мыло свыше 30%, на кожевенный товар 129%; мука Пильщикова, включая фрахт и погрузки, стоит 68248 руб., а продавалась за 78210 руб., т.е. приносила около 15% чистой прибыли, помимо того, что на эту муку есть скидка по 10 фун. на мешок, монпансье куплено за 152 руб., а продавалось за 400 рублей, т.е. наложено 157%, медные вещицы, купленные за 6 руб., продавались за 50 руб., большинство галантерейного и мануфактурного товара имеет высокую расценку. Достаточно сказать, что на весь товар, поступивший в 1917 г. по 1 ноября, наложено прибыли почти 40500 руб., не считая прибыли на товар, оставшийся от прошлого года, и которого было на 27000 руб. с наложенной прибылью свыше 7800 руб. По счету Фишмана значатся скатерти, которых не оказалось ни на учете приказчика, ни на учете казначея, и таковые, очевидно, в лавку об[щест]ва вовсе не поступали. Некоторые счета не заключают в себе данных, какой именно товар был

куплен, а некоторые товары, оказавшиеся налицо, вовсе куплены без счетов. Таких товаров, т.е. купленных без счетов, насчитывается на сумму до 600 рублей. При проверке мемориала обнаружено, что не заприходованы были постели, взяты на комиссию от Е.Н. Терентьева, а также не записаны и в расход, так что неизвестно, были ли отданы вырученные деньги Терентьеву или нет, по крайней мере он их требует. В казначейной книге и в мемориале есть только запись о том, что получено комиссионных 37 руб. 42 коп. за постели. Записи по книгам паев и займов необходимо исправить к концу операционного года, т.к. есть небольшие неточности. Товарная ведомость верна с записями по мемориалу, но большой ошибкой было то, что эта ведомость с самой осени не находилась на руках приказчика, как это требуется, потому что это единственный документ, на основании которого приказчик подлежит учету. По книге протоколов видно, что правление общества в своем заседании в начале с.г. ставило себе целью получить от операций текущего года в общей сложности 20% на затраченный в товаре рубль. По снятии остатка товаров, подсчете таковых и сличении с остатком товара на учете приказчика оказалось, что не хватает товара на 1185 руб. 30 коп.

По показанию приказчика, значительная часть товара продавалась из правления, а не из лавки; следовательно, товар фактически не весь состоял на учете приказчика. Комиссией замечено много и других недочетов и неточностей как по делопроизводству и отчетности, так и по товарной части, из которых главным является тот факт, что наличный остаток муки меньше почти на 400 пуд., чем значится по учетной книге продовольствия, следовательно, общество представляет сейчас неверные сведения местному комитету, и нужно немедленно же устранить это недоразумение.

Переходя, в частности, к деятельности Нужина как председателя общества и отдавая ему должное как одному из ревностных организаторов его, комиссия все же находит в его действиях по отношению к обществу много неправильностей и произвола, как, например: 1) покупая товар вовсе без счетов или же имея такие расписки, как от Зинура за мануфактуру на 120 руб. на клочке бумажки, г. Нужин по крайней мере бы был [должен] дать список купленных им товаров и их покупную цену, а то сейчас совершенно нет возможности учесть, какой товар поступал в лавку, какой вовсе не поступал, почём, кому и как он продавался. 2) Ни в каком случае, имея на руках сомнительный товар, нельзя было допускать торговли из правления,

т.к. тогда приказчик вовсе не является ответственным лицом и с него нельзя потребовать отчета, потому что он всегда вправе сказать, что не он один торговал и что не весь товар у него на руках. 3) Г. Нужин не имел никакого права без протокола заседания правления производить расценку товаров единолично, это ему было, безусловно, известно. 4) Тем более он не имел права налагать такие неверные проценты, как 733 на 100, что является не только беззаконием, но и очень вредит обществу, подрывая к нему доверие, уже потому нельзя было налагать такие проценты, что Нужин еще весной был самым горячим поборником того, чтобы обдорские торговцы на все товары не брали свыше 30%. 5) Состоя председателем общества, Нужин действовал самоуправно и бесконтрольно, что видно из следующего: 1) за последние месяцы нет по мемориалу свидетельств ревизионной комиссии; 2) расценки товаров шли без постановлений правления; 3) на заявления членов не обращалось должного внимания; 4) Нужин не стал допускать некоторых лиц [к] ревизии, назначенных общ[им] собр[анием] свыше 80 чел.; 5) получившая[ся] дезорганизация общества всецело лежит на его ответственности, т.к. он не желал пойти навстречу желаниям большинства членов и прибежал по отношению к ним к некрасивым мерам запугивания и обмана; 6) подавал на правах председателя телеграммы в правительственные органы, обвиняя местный продком в том, что в нем сидят купцы и их приказчики и противодействуют всеми мерами работе кооператива, что на самом деле нет, и в комитете из 18 чел. членов только 8 чел. имеют то или иное отношение к промышленному миру, так и потому, что здесь редкий домохозяин не есть промышленник. Он обвинял в этом же и кредитное товарищество, тогда как в нем на 400 человек непокрытой гольтубы приходится 10—12 человек от торгового класса. Подобные действия Нужина не имеют оправдания, потому что вносят анархию и беспорядки в общество и подрывают доверие к органам управления и восстанавливают одну часть населения на другую.

Члены ревизионной комиссии **П. Бабиков, К. Поленов**
свящ[енник] о. **Егоров**

П. Иванцов, Н. Попов, (И.В. Дьячков в отлучке)

Акт подписан 22 ноября 1917 г.

С подлинным верно. Председатель правления **Гр. Артеев.**

Сверял секретарь **Вокуев.**

В акте упоминается, что местный продовольственный комитет всегда содействовал успехам потребительного о-ва. Это видно из следующего факта: местным продкомом была послана губпродкому телеграмма, где утвердительно сообщалось, что потребительным обществом допущен отпуск товаров-продуктов членам годовой нормы, каковой, конечно, в действительности не было. По этому можно судить, как он содействовал местному потребительному обществу.

Члены ревизионной комиссии П.Ив. Иванцев и священник о. Сергей Егоров имеют личные счета с бывшим председателем о-ва Н.А. Нужиным, первый из них с прошлого года, а второй с нынешнего года, поэтому к означенной ревизии не могли отнестись беспристрастно.

И. об. председателя правления ***М. Терентьев.***

С подлинным верно. Председатель правления ***Гр. Артеев.***

Сверял секретарь ***Вокуюев.***

* * *

Протестация

Я, нижеподписавшийся, состоя в ноябре 1917 г. в числе членов, избранных в чрезвычайную ревизионную комиссию, заявляю свой протест против акта по поводу выставленных в нем некоторых процентов, общей прибыли и проч., которые не соответствуют истине. Например, на некоторых продуктах, как сало, масло и проч., высчитаны проценты по покупной стоимости на месте, тогда как расходы, истраченные на укупорку, на провоз, погрузку и выгрузку, которые должны примыкать непосредственно к покупной стоимости, они совершенно из виду упускают. Потом в акте указано, что наложено прибыли на весь поступивший товар с 1 января по 1 ноября сорок тысяч пятьсот рублей, но там почему-то не указано, на какую именно сумму наложена эта прибыль — на шестьдесят тысяч или на сто шестьдесят тысяч рублей. Если же последняя сумма правильна, то почему-то тоже не сказано о тех не превышающих кругом двадцати пяти процентах, как и не упоминается о том, что являются ли те сорок тысяч пятьсот чистой прибылью или валовой, а также и относительно расхода текущего года, который уже превышает в данное время двенадцать тысяч рублей. Следовательно, как было понято большинством на общем собрании, является уже чистой прибыли не сорок тысяч, а пока двадцать восемь тысяч. Затем в акте

выставляется в вину бывшему председателю Нужиному отправленная им телеграмма губернскому продовольственному комитету как за донос и клевету на местный продовольственный комитет. В результате же выясняется, что ложный донос был сделан местным продовольственным комитетом губернскому с целью нанести вред нашему обществу, что и было документально доказано на общем собрании, а Нужин же как председатель, защищая вверенные ему интересы нашего общества, только опровергал ни на чем не обоснованную ложь.

Из всего вышеприведенного, где выводы сделаны самые поверхностные и игнорируют факты, прихожу к заключению, что данный акт всецело рассчитан на темную массу для произведения эффекта, и посему нахожу его со своей стороны ложным и недействительным.

Пав. Сем. Канев.

С подлинным верно. Председатель правления *Гр. Артеев.*

Сверил секретарь *Вокуев.*

Тернистый путь отца Всеволода

Из истории России видно, что есть соответствие внешней судьбы нашей родины с внутренним состоянием народного духа. Поэтому необходимо понять, что как грех привел к катастрофе, так и покаяние способно привести к восстановлению России.

Архимандрит Иоанн (Крестьянкин).

С этим достойным человеком уже кратко знакомил своих читателей журнал «Югра»¹. Имя его — Владимир Алексеевич Баталин. В последние годы выяснились некоторые новые подробности его жизни, и есть повод вновь рассказать о нем, хотя и теперь повествование будет фрагментарным и далеким от завершенности.

Жизненный путь В.А. Баталина (21.07.1903, г. Сургут—30.04.1978, г. Ялта, Крым) пришелся почти весь на советские десятилетия. Можно полагать, что кое в чем он был предопределен влиянием отца, потомственного сургутского казака Алексея Яковлевича Баталина (ок. 1859—17.07.1927, г. Сургут), прежде всего, его женитьбой на дочери ссыльного Семена Васильевича Сидельникова, родная сестра которой была замужем за сосланным в Сургут членом «Южнороссийского союза рабочих» Виталием Яковлевичем Мрачковским (ок. 1855—1923). В начале 1888 г., когда при содействии сургутян ссыльные народники А.Н. Лебедев и И.И. Лазаревич совершили успешный побег, А.Я. Баталин был арестован по обвинению в порицании российского образа правления и после двухмесячного заключения находился под негласным надзором сургутской полиции. Алексей Яковлевич был заметным в своем городе

¹ Белобородов В. Сургутяне // Югра. — 2004. — № 9; Курзова О., Страбыкин А. «Я счастлив, что помогаю людям...» // Югра. — 2005. — № 9; Давыдова А. «А любовь, как птица...» // Югра. — 2007. — № 11.

человеком. Кроме рыбацкого дела, он владел редким для сургутянина ремеслом плотника и столяра², это, наряду с родством, также сближало его с рабочим Мрачковским. В 1907 г. А.Я. Баталин был делегирован гражданами Сургута в качестве выборщика на Тобольское губернское избирательское собрание по выборам членов Государственной думы.

Об его сыне Владимире Алексеевиче в советские годы в Сургуте почти никто не знал, о нем вспомнили лишь в 4–5 домах, да и то только шепотом. Так уж сложилась его судьба. Здесь нельзя не упомянуть о сургутянине, чье документальное наследие легло первым кирпичиком в воссоздаваемую биографию В.А. Баталина — журналисте и краеведе Николае Ивановиче Ездакове. Наделенный незаурядным даром внимания к людям и страстью исследователя, он и сделал первоначальный шаг к тому, чтобы вывести нашего героя из тени на свет.

Важные подробности биографии В.А. Баталина были получены Ездаковым в конце 1975 года через посредство бывшего сургутянина А.М. Кайдалова, работавшего директором завода «Карболит» в г. Орехово-Зуеве Московской области³. Окончив в 1917 г. училище в Сургуте, Баталин, спустя некоторое время, уехал в Омск. В письме к дотошному Ездакову, имевшему обычно много вопросов к своим корреспондентам, Кайдалов привел следующую обширную цитату из письма к нему Бата-

² Подбельский Ю.Н. Культурное наследие Сургутской политической ссылки // Тобольский Север глазами политических ссыльных XIX—начала XX века. — Екатеринбург, 1998. — С. 395, 423.

³ Кайдалов Александр Матвеевич (1906—после 1987). Родился в Томске в многодетной семье рабочего-геолога. В 1911 г. Кайдаловы переехали в Сургут. В 1922 г. направлен в Тюмень в губернскую совпартшколу, по окончании которой работал в г. Ишиме зав. политпросветом уездного комитета комсомола. В августе 1925 г. принят в члены ВКП(б), работал в Уральском областном комитете ВЛКСМ. После окончания с отличием Уральского политехнического института в г. Свердловске в 1934 г. назначен заместителем декана химического факультета института. Когда открылся Восточный научно-исследовательский углехимический институт, был приглашен в него научным сотрудником.

В 1942 г. А.М. Кайдалов утвержден парторгом ЦК ВКП(б) одного из военных заводов Урала, а в 1945-м — директором военного завода. В 1951 г. он приехал в Подмоскovie, семь лет работал директором Рошальского химического комбината. В 1958 г. принял должность директора завода «Карболит» в г. Орехово-Зуеве Московской области, которую занимал 14 лет. 17 ноября 1987 г. ему присвоено звание «Почетный гражданин города Орехово-Зуева».

<http://www.bogorodsk-noginsk.ru/o-z/rodina.html>

лина: «После Тобольска я жил в Омске и там окончил рабфак. Жил в семье Мрачковских. Это семья известного революционера 70-х годов прошлого века. Старик Мрачковский Виталий Яковлевич⁴ — один из основателей и активных деятелей одесского «Южнороссийского союза рабочих» (зачаточная организация РСДРП). Он был сослан на вечное поселение к нам в Сургут и там женился на дочери тоже ссыльного поселенца Синельникова Семена Васильевича⁵, родной сестре моей матери. Вот в 1922 году я и попал в семейство этого старика Виталия Яковлевича Мрачковского в г. Омске. Это было многочисленное семейство (дети «Старца В.Я.» — все идейные коммунисты. У них я стал свидетелем очень принципиально-чистой жизни «по коммунизму». Они были энтузиасты-бессребренники, жившие по мерке «простого рабочего», несмотря на их высочайшее общественное положение. Ни роскоши в пище, ни роскошных одежд, ни вина, ни сборищ — аскетическая жизнь идейных тружеников! Прожил я у них два года. Затем учился в Пермском медицинском институте, но с 3-го курса переехал в Лен[инградский] гос[ударственный] университет по истор[ико]-филол[огическому] факультету. Преподавал лит[ерату]ру и рус. язык в ряде школ и почти закончил аспирантуру в ЛИЛЯзе. Но в годы культа все рухнуло. Пребывание в семействе С.В. Мрачковского⁶ стоило жизни всем ближайшим родственни-

⁴ Мрачковский Виталий Яковлевич. Род. ок. 1855 г. В середине 1870-х годов работал в Одессе в железнодорожных мастерских. Участвовал в собраниях «Южно-российского союза рабочих»; зимой 1875 г. был депутатом от слесарной мастерской железной дороги, распространял запрещенные книги. Арестован 19 декабря 1875 г. в Одессе. Судился в 1877 г., признан виновным и приговорен к лишению всех прав состояния и поселению в менее отдаленные места Сибири. В первой половине 1880-х годов жил в Сургуте, занимался кузнечным ремеслом. Умер в 1923 г., по другим данным — в 1924 г.

⁵ Выше этот же человек на основании другого источника назван Сидельниковым.

⁶ Мрачковский Сергей Витальевич (15 (27) июня 1888 г.р., г. Курган Тобольской губернии—24 августа 1936), революционер, советский военачальник. В 1905 г. на Уфалейском заводе вступил в РСДРП. Неоднократно арестовывался. С февраля 1918 г. участвовал в Гражданской войне. С января 1919 г. командовал Особым Северным экспедиционным отрядом. В 1920 г. — командующий войсками Приуральского военного округа, в 1922 — Западно-Сибирского военного округа, в 1923 — Приволжского военного округа, затем командовал Кронштадтской крепостью. Награжден двумя орденами и именован золотым оружием. С 1925 г. на хозяйственной работе: возглавлял трест «Уралзолото» и другие организации. В общепартийной

кам его (старик-отец, к счастью, умер в 1923 году). У меня тоже начались тяжелые «мои университеты» на Колыме...».

О годах студенчества В.А. Баталина известно очень мало. В цитированном письме он указывает, что учился в Пермском медицинском институте, в то же время, согласно документу Государственного архива Пермского края, в 1927 г. он был студентом педагогического факультета Пермского университета⁷. Учился одновременно по двум специальностям? Или это был короткий промежуточный этап? Мотивы переезда в Ленинград и подробности столичной жизни также неизвестны. Судя по отрывочным сведениям, в эти годы студент Баталин жил интенсивной духовной жизнью. Здесь он продолжал писать стихи.

*В безоглядную даль Оби
Опрокинулся тихий город.
Там пугливо мерцают огни,
Словно ждут кровожадного врага.
То Сургут мой, сонный Сургут,
Где дремотно проходят дни,
И не знаешь, зачем берегут
Эти люди свои огни...*

Эти строки, по словам автора, он написал летом 1918 года 15-летним подростком, уже испытав на себе, как можно заметить, влияние Александра Блока.

«Летом 1928 г. я, бывши на каникулах в Сургуте, читал... ряд других моих стихов в Народном доме, — писал в 1975 г. В.А. Баталин А.М. Кайдалову. — Было много молодежи (но коренных сургутян я и тогда уже мало кого там встретил). Приняли горячо. По возвращении в Ленинград я показал свою поэму Н.А. Клюеву. Он, сам северянин и горячо любивший все северное, одобрительно отнесся к моим стихам. Дал мне очень ценные советы. И взял стихи с целью напечатать где-нибудь в Ленинграде. Но вскоре круговерть жизни завертела нас так

дискуссии был на стороне противников Сталина, за что в сентябре 1927 г. исключен из партии. В январе 1935 г. арестован, в августе 1936-го приговорен к расстрелу по делу «объединенного троцкистско-зиновьевского террористического центра». Реабилитирован посмертно. (Уральская историческая энциклопедия. — Екатеринбург, 1998. — С. 342).

⁷ Гос. архив Пермского края. Ф. Р-180. Оп. 4. Д. 206.

обоих, что мы никогда с ним больше не встретились»⁸. Написанную в студенческие годы поэму «Сургут» Баталин посвятил Н.А. Клюеву.

«Жаль, конечно, что не сохранился полностью список поэмы «Сургут», — сетовал Баталин в ноябре 1975 г. в письме к Н.И. Ездакову, — а то, что осталось в памяти, — жалкий отрывок. И снова я думаю: куда же делся список (более полный, ведь это было в конце 50-х гг., когда моя память хранила в себе значительно больше) тех моих стихов, которые по моему поручению передала в редакцию Вашей газеты моя племянница?».

Среди тех, кто принадлежал к ленинградскому кругу общения В.А. Баталина, его внучатый племянник Г.П. Тимофеев называет, помимо Н.А. Клюева, А.А. Ахматову, литературоведа И.Л. Андроникова⁹, с которым учился на одном факультете. В собрании покойного ленинградского коллекционера М.С. Лесмана¹⁰ хранятся записанные по его просьбе в 1963 г. воспоминания Баталина о Клюеве (беловой автограф в 16 листов) и записанные в 1966 г. его же воспоминания об антропологе и этнографе В.В. Передольском¹¹, читавшем в 1927—1928 учебном году в Ленинградском университете курс лекций «Антропология». Тот же Г.П. Тимофеев

⁸ Клюев Николай Алексеевич (1887, по другому источнику — 1884—1937), русский поэт, автор сборников «Сосен перезвон» (1912), «Песнослов» (1919), «Изба и поле» (1928). 2 февраля 1934 г. арестован в своей московской квартире и выслан в г. Колпашево, откуда в октябре 1934 г. переведен в Томск. 5 июня 1937 г. арестован по сфабрикованному делу о «союзе спасения России» и в конце октября 1937 г. расстрелян.

⁹ Андроников (Андроникашвили) Ираклий Луарсабович (1908—?), писатель, литературовед, мастер устного рассказа, исследователь творчества М.Ю. Лермонтова. Лауреат Государственной (1967) и Ленинской (1976) премий.

¹⁰ Лесман Моисей Семенович (1902—1985), ленинградский коллекционер, собиратель книг и рукописей русских писателей XVIII—начала XX в., по профессии пианист. В 1989 г. издательством «Книга» выпущен в Москве том «Книги и рукописи в собрании М.С. Лесмана», в составе которого аннотированный каталог, публикации, каталог изобразительных материалов, справочный аппарат.

¹¹ Передольский Владимир Васильевич (1869—1936), антрополог, этнограф. Окончил Санкт-Петербургский университет и преподавал в нем. Состоял в должности директора гимназии Русского собрания. Автор свыше 40 научных работ на русском, французском и немецком языках, в том числе книг «На заре человечества», «инородцы Сибири», «Антропология, наука о человеке», «По Енисею». Подвергался репрессиям и арестам. В 1934 г. арестован как «враг народа» и выслан в «Дальлаг», где и скончался.

сообщает, что в последние десятилетия своей жизни Владимир Алексеевич неоднократно приезжал в Ленинград для встреч с друзьями.

Окончив университет, Баталин преподавал русский язык и литературу в учебных заведениях Ленинграда. По документам архива петербургского центра «Мемориал», 22 сентября 1933 г. он, преподаватель топографического техникума, был арестован, обвинен по 58-й статье (пункт 10) и приговорен к пяти годам исправительно-трудовых лагерей. Близость ли к Мрачковским тому причиной (не исключено, что Баталин пользовался их материальной поддержкой в студенческие годы) или участие в разговорах питерской интеллигенции на вольные темы, или то и другое плюс еще что-то — сегодня это неизвестно, но при настойчивом поиске может со временем выясниться.

Наказание В.А. Баталин отбывал в колымских лагерях. Много лет спустя он, бывший лагерный фельдшер и писарь-учетчик, регистрировавший смерти заключенных, рассказывал внуку, как пять лет, на которые он был осужден, обернулись двумя десятками. Вот прошло уже 10 лет. Он освобожден, идет на вокзал, покупает билет, ждет посадки. Вдруг видит: идут трое. Все похолодело внутри: неужели опять? Подходят, берут под руки и — обратно. Снова «враг народа». От наказания Владимир Яковлевич был освобожден только после смерти Сталина.

Определенно тяготевший к литературе и искусству, к культурно-творческой деятельности, В.А. Баталин на два десятилетия был «изъят» из российской культурной жизни. Но благодаря счастливому свойству своей натуры он и в лагерных условиях искал и находил если не желанную среду, то отдельных, близких по душе личностей. Еще, по-видимому, в пути на Колыму в начале 1934 г. на станции Сковородино Читинской области судьба свела его со священником и ученым П.А. Флоренским¹². Об этой встрече Баталин рассказал в 1970 г. в письме к М.С. Лесману, оно хранится в упомянутой коллекции последнего.

Но особое значение имело для Владимира Алексеевича общение в последние годы лагерной жизни со священником Иоанном Крестьянкиным¹³.

¹² Флоренский Павел Александрович (1892—1943), русский религиозный философ, ученый, инженер. Автор сочинения «Столп и утверждение истины», трудов по математике, физике и др., предвосхитил многие идеи семиотики.

¹³ Архимандрит Иоанн (Крестьянкин) (1910—2006) родился в г. Орле в мещанской семье. После окончания средней школы и бухгалтерских курсов

Под его влиянием Баталин укрепился в православной вере. «Перевоспитанный» лагерным трудом бывший зэк отправился не на стройку коммунизма, а в небольшой городок Псковской области Печоры — в Псково-Печерский монастырь, где принял монашество. Случилось это в 1953 или 1954 году при наместнике архимандрите Пимене, впоследствии патриархе Московском и Всея Руси¹⁴. А в 1955 г. туда же приехал освобожденный от заключения отец Иоанн Крестьянкин и был определен в причт псковского Троицкого собора. Биограф архимандрита Иоанна пишет, что в ту пору здесь служили «отец Всеволод (Баталин), сам отец Иоанн и староста, тоже Иоанн — все трое только что вернулись из заключения. По душе пришлось псковичам энергичные и любвеобильные священники. Без усталости работая

переехал в Москву, где работал по специальности. В 1945 г. рукоположен в дьяконы. В сан священника его рукоположил патриарх Алексей I. В 1950 г. арестован и отправлен на семь лет в лагерь. После досрочного освобождения в 1955 г. служил в Псковской и Рязанской епархиях. В 1966 г. принял монашество, с 1967 г. стал монахом Свято-Успенской Псково-Печерской обители. В 1973 г. возведен в сан архимандрита, присваиваемый настоятелям крупных мужских монастырей, ректорам духовных семинарий, начальникам духовных миссий и некоторым священнослужителям-монахам за особые заслуги перед Церковью.

Архимандрит Иоанн был одним из самых авторитетных старцев Русской православной церкви. Архимандрит Тихон (Шевкунов) назвал своего духовного отца Иоанна «идеалом православного христианина, монаха, любящего и взыскательного отца-священника». «Сборник его писем, — сказал он, — лучшее, что написано в области духовно-нравственной литературы в России за последние лет 50».

Руководитель пресс-службы Московской патриархии священник Владимир Вигилянский так отзывался об Иоанне Крестьянке: «Благодаря дару любви и рассуждению он очень многих людей привел к истине, к Богу. Некоторые из тысяч приходивших к нему за советом не покидали его по многу лет».

<http://www.klikov.ru/db/msg/5177>

¹⁴ Пимен (Извеков Сергей Михайлович) (1910—1990) — патриарх Московский и Всея Руси. В 1927 г. принял монашество, в 1931 г. рукоположен в иеромонахи. Служил в храмах Москвы, Муроме, в Одесской и Ростовской епархиях. С 1949 г. — наместник Псково-Печерского монастыря, с 1954 г. — Троице-Сергиевой лавры. В 1957 г. возведен в епископский сан. С 1960 г. — управляющий делами Московской патриархии. С 1961 г. — митрополит Крутицкий и Коломенский. В 1971 г. на поместном соборе Русской православной церкви избран патриархом.

сами, они собрали вокруг себя помощников, поновляя не только собор, но и души своих прихожан. К сожалению, это бросалось в глаза не только доброжелателям <...>. И в одночасье отцу Всеволоду и отцу Иоанну пришлось уехать. Даже объяснить прихожанам причину столь поспешного бегства было нельзя¹⁵.

О жизни отца Всеволода (Владимира Алексеевича Баталина) мне несколько часов рассказывал вечером 12 июля 2008 г. в своей маленькой квартирке в г. Радужном внук его родной сестры Геннадий Петрович Тимофеев, коренной сургутянин, врач, почетный гражданин Радужного, близко знавший деда. По его словам, участие в судьбе о. Всеволода принимал патриарх Пимен, высоко его ценивший. Несколько раз он представлял его к епископству, но получал «сверху» отказы из-за прошлой судимости Баталина.

После монастыря и псковского Троицкого собора Баталин служил в Ставрополе секретарем епархиального управления в сане архимандрита, занимался делами духовной семинарии и был правой рукой митрополита Антония. Летом 1959 г. Владимир Алексеевич поехал в Сургут повидаться после 30-летней разлуки с родиной, попроведать больного брата и других родственников. По возвращении в Ставрополь он пережил большую неприятность — отстранение от службы. За ним все еще тянулся след репрессированного. Выручил епископ Иона, позвав к себе в Астрахань. Оттуда о. Всеволод попал в Челябинскую епархию к епископу Клименту и здесь тоже занимал высокую должность. Но под воздействием уральского климата застарелая пневмония перешла в бронхиальную астму — пришлось оставить службу, выйти за штат.

Болезнь, полученная, видимо, еще в лагере, долгие годы мучила Владимира Алексеевича; по словам племянницы Т.П. Медведевой, он не раз пытался вернуться в Псково-Печерский монастырь и провести там остаток жизни, так как жизнь в обители особенно влекла его, но местный климат порождал обострение болезни, и приходилось искать новое место жительства.

Г.П. Тимофеев рассказывает: «Будучи одиноким и больным, он хотел соединиться с кем-нибудь из родственников и стал присматриваться ко мне. С начала 1960-х годов мы регулярно общались: либо в Крыму, куда он приезжал проводить отпуск, либо в Ленинграде и в городах, где он

¹⁵ <http://www.pravoslavie.ru/put/4341.htm>

служил. Когда я, демобилизовавшись из армии, захотел поступить в медицинский институт, он дал денег на дорогу от Ашхабада до Ленинграда, а потом облегчил мне студенческую жизнь денежными переводами. По окончании ординатуры у меня появилась заманчивая перспектива поехать в Антарктиду в качестве врача и научного сотрудника. В то время я занимался электроэнцефалогическими исследованиями в Институте мозга Академии наук, которым руководила академик Наталья Петровна Бехтерева, экспедиция открывала мне путь в науку. Кроме того, она давала возможность заработать на кооперативную квартиру и сразу после возвращения в Ленинград получить ее. Звоню на радостях дедушке, но кто-то из его друзей, ответивших на мой звонок, возразил: «Что ты, Геннадий, дедушка умрет без тебя». И я отрезвел: действительно, нельзя мне ехать, ведь я так многим обязан ему. Мне удалось получить направление в расположенную в Крыму, близ Ялты, военную организацию, которой нужен был врач с моим нейрофизиологическим уклоном для наблюдения за морями-подводниками. В 1972 г. прописался в Ялте, в 1975 г. получил квартиру, где и жили три года вдвоем с дедушкой».

Об этой перемене в своей жизни В.А. Баталин так писал А.М. Кайдалову: «Теперь мне доходит 73-й год. Сейчас на пенсии. Семьи своей не было. Живу с внучатым племянником-врачом. Он еще не женат (окончил недавно вуз). Он давно осиротел. Я помогал ему материально во время учебы. Теперь он мне — и врач, и друг. Добрый человек, неплохой врач, много работает над собой. В Ялте я оказался из-за астмы. Здесь мне значительно легче переносить эту тяжелую болезнь. Из-за меня и внук приехал работать сюда, в Ялту».

Г.П. Тимофеев продолжает: «Дед покорила меня сразу и окончательно. Чем? Своими обширными познаниями, тактом, терпением, душевными качествами близких ему людей. Он держал себя со мной так, как будто мы ровня. Я не замечал моментов, когда мне лучше было бы промолчать, уступить. Он давал высказаться, где-то поправлял, но ненавязчиво. Такими же терпеливыми были и его друзья».

Геннадию Петровичу не забыть бесед с дедом о русской поэзии, романсе, шедеврах киноискусства, медицине. Он мастерски читал наизусть стихи Есенина, «Реквием» Ахматовой и еще многое. Имел переписку с патриархом Пименом, архиепископом Лукой (Войно-Ясенецким), который просил Владимира Алексеевича переписать его запре-

щенную книгу «Тело, душа, дух» («..по-моему, дедушка это сделал, у него обыски были») ¹⁶, общался в Ялте с сестрами Яновыми, близкими в прошлом к семье А.П. Чехова. По просьбе деда Геннадий помогал старушкам по хозяйству во время учебы в Ялтинском медучилище. «В лагерях деду пришлось фельдшерить, — вспоминает Геннадий Петрович. — Он рассказывал, как лечили в тех условиях, я сравнивал его медицинский опыт с современным. Наши беседы, конечно, нас объединяли. В чем-то мы с ним совпали, и он поддерживал мои тенденции».

Много лет Владимир Алексеевич не по своей воле был оторван от родного Сургута. Посетив его в 1928 г. во время студенческих каникул, в следующий (последний) раз он смог приехать только в 1959 г. по случаю тяжелой болезни брата. Т.П. Медведева, племянница, вспоминает:

— Дядя Володя был лишен права переписки, и папу таскали все время в милицию. Мы боялись, что его посадят, иконы в доме убрали.

¹⁶ Архиепископ Лука (Войно-Ясенецкий Валентин Феликсович) (1877—1961), священнослужитель, хирург. Окончил гимназию и одновременно художественную школу в Киеве, а в 1903 г. — медицинский факультет Киевского университета. В качестве военного врача участвовал в Русско-японской войне, затем более десяти лет служил земским врачом. В 1921 г., во время начала массовых репрессий против духовенства, принял сан иерея, а в 1923 г. — обет монашества. С 1923 по 1937 г. трижды арестовывался и находился в ссылках и всюду, куда бы ни забрасывала его судьба, он в самых невероятных условиях врачевал и скальпелем, и словом Божьим. В первый же год Великой Отечественной войны Войно-Ясенецкий был отозван из красноярской ссылки, чтобы возглавить крупнейший в тылу эвакогоспиталь на 10 тысяч коек. В 1943 г. он закончил свою деятельность в Красноярском госпитале в связи с назначением его архиепископом Тамбовским и Мичуринским. В 1944 г. награжден Сталинской премией первой степени за фундаментальный труд «Очерки гнойной хирургии» и книгу «Поздние резекции при огнестрельных ранениях», в 1945 г. — медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.». В 1945 г. его переводят в Крым архиепископом Крымским и Симферопольским. Здесь Войно-Ясенецкий написал богословскую работу «Тело, душа, дух», которую ставил выше собственных трудов по хирургии. «Книга не была опубликована ни при жизни, ни после кончины архиепископа, — пишет его биограф. — Она долго оставалась памятником первых шагов церковного самиздата, многократно перепечатывалась, переписывалась от руки и послужила основой целой библиотеки опирающихся на нее текстов». (Воробьев С.Л. В.Ф. Войно-Ясенецкий, врач, телесный и духовный (1877—1961) // Человек. — 1991. — № 6. — С. 105).

Семья была большая, 10 человек, а он один кормилец. Тридцать лет брат с братом не виделись, и вот дядя Володя сообщил: 10 августа буду у вас. А сам в Тобольске задержался по церковным делам. Папа заволновался, сердце большое было, и 12 августа умер, не дождавшись брата. Дядя Володя его отпел. Когда отпевал на кладбище, мужики, как дети, давай камешками кидать да кричать. Вот какая дикость-то! Он часто говорил: «Меня спасла только вера. Мне часто икона Божьей Матери являлась». Он, уезжая, благословил нас иконой Божией Матери.

Несмотря на длительную разлуку, Владимир Алексеевич сумел сохранить связь с некоторыми сургутянами. Письма от него, по словам Т.П. Медведевой, получали в Сургуте П.А. Тверитина (Кручинина), учителя А.И. Кайдалова и А.С. Знаменский. «Когда дядя Володя приезжал на похороны папы, — говорит она, — целые ночи он проводил у Аркадия Степановича». Не эти ли встречи навеяли А.С. Знаменскому думы о монастырской жизни, нашедшие место в его «Летающих мыслях»?

У Тамары Петровны сохранилось несколько писем В.А. Баталина — простых, по-родственному доверительных и участливых. С ее разрешения публикуем одно из них — к ее сестре Анне.

Ялта, 29 марта 1976 г.

Дорогая Анюта!

Спасибо тебе, родная, за письмо (а даты на письме и даже штампа на конверте почему-то нет)! Спасибо, и не сердись, дорогая! Нынче весна в Ялте затянулась: еще ничто не цветет, а в былые годы уже в феврале отцветал розовый миндаль и всякие «мелочи» в траве: подснежники, синие «первоцветики» и прочее. Все пасмурно и прохладно, а поэтому, должно быть, грустно и пасмурно в моей стариковской душе. Поэтому и писательского «стимула» нет. Часто прибалываю, хандрю. Да и одиночество тяготит. Гена с 15/III в Ленинграде на усовершенствовании. Пробудет там, возможно, до июня. Я пока, слава богу, обхожусь без астматических приступов и без обострения хронической пневмонии, а значит, обхожусь и без «скорой помощи» моего маленького доктора. Но и он, чувствуется, без меня скучает и тревожится обо мне: звонит два раза в неделю. И я без него скучаю. Хотя ночевать ко мне приходит его друг Володя. Вся беда, что в наших новых домах еще нет телефона и, должно быть, скоро еще и не

обещают. Так что, в случае нужды, и нет возможности вызвать «скорую помощь». Гена в Ленинграде, говорит, очень много занят, и некогда ему даже сходить с визитами к друзьям и в театры. Жаль его. Ты, Анюта, обязательно приезжай с Тamarой, как вам будет можно, но не раньше июня, т.к. и Гены до июня здесь не будет, и я, если не будет мне хуже, думаю 15 апреля вылететь к нему в Ленинград, чтобы в сопровождении Гены посетить мне мои любимые Печоры и провести там страстную (с 18-го по 25-е апреля) и Пасху — 25/IV. Очень оба мечтали об этой поездке. И у Г. возможен в эти две недели перерыв — отпуск.

А вам хорошо бы ваши отпуска приурочить к сентябрю-октябрю — самые благодатные здесь месяцы: и нет «безумной» жары, и схлынет с курорта молодежь (учащиеся уедут учиться), и будет здесь просторнее. И всяких фруктов много. А жить будете у нас: у нас есть два балкончика (по-здешнему, лоджии) крытые и на них — диваны... Только уточните свой приезд и обязательно сообщите за месяц нам, чтобы не «сгрудились» на одно и то же время и вы, и еще кто-нибудь из Москвы или откуда-нибудь, чтобы нам «спланировать» ваше пребывание у нас <...>.

Спасибо за новости сургутские! Да, Аркадий Степанович что-то «завирает» насчет своего «столетия»: он 1898 г. рождения — ровесник вашего отца, ему нынче 76 лет, а мне доходит 73-й (1903 г.р.), если доживу до 6/VII (дня рождения), будет 73. Много, понятно, но все же не 100! Думаю, он шутит. А Ант[онина] Ил[ьинична] старше меня на 8 лет: ей в марте исполнился 81 год! Судя по ее редким письмам, ее донимает гипертония, а так, она пишет, чувствует себя бодро и еще, говорит, купила себе «шубку цвета спелой малины» с песцовым воротником. Я рад такому ее жизнелюбию и в письмах приветствую ее в этих «затях». Надо жить до конца, а не прозябать, ведь жизнь — прекрасный Дар Божий, который дается нам однажды и которым надо дорожить. Жаль бедную Павлу Ал[ександ]ровну. Какой она интересный человек и какая у нее чудесная память. Она очень-очень хорошо помнит наш старый Сургут и историю нашего скромного, когда-то зеленого, тихого городка.

Мне несколько раз писал сюда журналист вашей газеты «К победе коммунизма» Ник[олай] Ив[анович] Ездаков. Его интересовали мои стихи и тоже прошлое Сургута, особенно судьба погибшего Вани Кайдалова — моего ровесника и соученика по Сургутскому муж[скому]

училищу. Я ему написал, что помнил, и послал свои (тогдашние!) стихи. Интересно, нашел ли он применение им? Не слышали что-нибудь об этом? В последнем его письме он мне пишет, что кто-то из моих родственников сообщил ему, что я св[ященни]к. Не знаю, кому это понадобилось сообщать? Хотя, конечно, мне это скрывать ни к чему: это мои глубокие убеждения, которыми я жил и которыми надеюсь спастись сам и других спасти для жизни вечной. В этом — основа моей жизни, и убеждения мои росли во мне вместе со мной с раннего детства всю жизнь. Вера моя помогла мне прожить мою долгую и трудную жизнь. Она укрепляла меня в бедах и украшала мою жизнь. Слава Богу за все!

Передай, пожалуйста, мои сердечные приветствия т[ёте] Дуне с дочерью, д[яде] Сене с семьей, Ан[тонине] Ил[ьиничне] и Павл[е] А[лександровне]. Ну, а вас всех, моих кровных родных, я прижимаю крепко к моему стариковскому сердцу и благословляю на вашу дальнейшую жизнь. Храни вас Бог! От Гены сердечный привет.

Ваш д[ядя] Володя.

Закончу эту подборку материалов о жизни Владимира Алексеевича Баталина словами Г.П. Тимофеева, сказанными через 30 лет после того, как он похоронил в Ялте дорогого ему человека: «Мне очень его не хватает. Я даже на исповеди не могу сказать всего того, что сказал бы ему или отцу Иоанну Крестьянкину».

Материалы собрал и прокомментировал
В.К. Белобородов

Источник

Одна из причин экономического истощения туземцев Крайнего Севера Сибири

После доклада в Красноярском исполкоме руководителя Гыданской экспедиции Академии наук Б.Н. Городкова о целях и задачах предстоящего путешествия местный комитет содействия народностям северных окраин обратился с просьбой попутно с основными задачами экспедиции обследовать в посещаемых районах дело снабжения населения предметами первой необходимости. В соответствии с этим комитет указал на ряд заданий, а именно: выявить работу торгово-заготовительных организаций, выяснить, достаточно ли данный район снабжен товарами, орудиями промысла и т.п., ознакомиться с вопросом о необходимости постоянных факторий или достаточно экспедиционного снабжения и т.д.

Таким образом, то, о чем здесь говорится, не было основным заданием поездки, не является результатом особых изысканий и исследований, добытых на основании официальных мандатов, а представляет собой собрание материалов, быть может, и неполных, иногда отрывочных, но выхваченных непосредственно из жизни Крайнего Севера.

Выехав из Красноярска в начале января 1927 г., экспедиция прибыла в с. Монастырское, переименованное в Н. Туруханск, в первых числах февраля. Оттуда через фактории Янов стан, Кет-пар на р. Турухане и Сидоровскую на р. Таз направились в факторию на Хельмерседе, находящуюся в устье р. Таза. Из этого района мимо озера Хасейн снова вернулись в Туруханский край, выйдя на факторию Дерябино, расположенную на протоке Енисея против Бреховских островов. Выехав из Дерябино в конце мая, в продолжение лета продвинулись к Гыданскому заливу на реку Юрибей, а оттуда, переехав в половине декабря Тазовскую губу у фактории Обьгреста, на Ямбур-сале мимо поселков Ныды и Норы через селение Хе у устья Надыма в феврале 1928 г. добрались до Обдорска.

Таким образом, собранный материал относится к 1927 г. и началу 1928 г. и, охватывая район от Енисея до Оби, принадлежит в равных долях как Туруханскому, так и Обдорскому краю.

Вопрос о снабжении населения Крайнего Севера Сибири хлебом надо считать самым основным.

Кочевники-оленеводы, вынужденные жить во временных переносных жилищах, т.е. чумах, если бы даже и научились готовить хлеб, то не в состоянии его выпекать за отсутствием печей. Кроме того, в тундре туземец испытывает нужду даже и в топливе.

В Хальмер-седе, где находится фактория Обьтреста, неудовлетворительная постановка хлебоснабжения достигла своего предела. До организации Обьтрестом факторий Хальмер-седе, по-русски — «Холм покойников», известен был среди самоедов своими старинными кладбищами, теперь он прославился выпечкой хлеба. Весьма низкое качество хальмерседского хлеба известно на всем пространстве от Оби до Енисея. Туземцы этого огромного района утверждают, что обьтрестовский хлеб часто даже собаки не едят. Однако незначительные запасы хлеба на фактории, отсутствие хотя бы чего-нибудь, что могло заменить его, и голод заставляют население покупать и потреблять заведомо негодный продукт. Мало того, во время пребывания экспедиции в Хальмер-седе фактория, учитывая небольшие запасы муки и значительный спрос на хлеб, выдавала его самоедам в таких дозах, что скорее хлеб можно отнести к лакомству, а не к продуктам основного питания.

Из расспросов выяснилось следующее: прежние торговцы пушной, боясь реквизиций в Тобольском и Обдорском районах, все залежи муки направили в свои дальние фактории. Таким образом, в Хальмер-седе старых запасов муки от прежних хозяев оставалось тысяч двадцать пудов. От небрежной перевозки и неумелого хранения значительная часть ее испортилась. В 1925 г. заброшено было около 10 тысяч пудов. Присланная мука была тоже невысокого качества. Составлять акты и списывать в убыток в практике факторий не принято, наоборот, все пускается в дело. В 1926 г. в этот район заброшено около шести тысяч пудов муки, причем почти вся она поступила на фактории в Ямбуре и Ивай-сале, находящиеся в ведении хальмерседской агентуры.

Между тем, в Тазовском районе в прошлом году был значительный выход песка, и туземцы набросились на продовольствие. Видя приток

пушнины, заведующий решил с наличным количеством основных товаров заготовить значительно большее число песцовых единиц, уменьшая выдачу продуктов питания и пуская в оборот всю ту заваль, которая, словно осадок, отслаивается ежегодно в лавках и при учете заготовок во внимание не принимается. Приняв эту систему, заведующий под конец начал прижимать запоздавших туземцев.

Каково качество хальмерседской первосортной муки пришлось испытать и экспедиции. Наш завхоз, боясь лишних расходов за провоз, заготовил в Хальмер-седе 20 или 30 пудов сухарей. Мы их съели, скорее, волею судеб принуждены были съесть, но так и не решили, из какой муки они приготовлены: одни говорили, что это первач, другие утверждали, что это простой размол, третьи уверяли, что есть примесь овсяной муки и т.д. и т.д. Попытка выяснить в беседе с пекарем причины неудовлетворительной выпечки хлеба может быть передана так.

Желание заготовить наибольшее количество песцов настолько охватило заведующего, что он потерял способность учитывать последствия своих увлечений. Недаром приезжавший в Хальмер-седе член президиума Обдорского исполкома т. Ного настаивал забронировать за рыбаками на лето тысячи пудов муки. Между тем, когда экспедиция была в Хальмер-седе, муки оставалось пудов 400, и о какой бы то ни было броне до прихода парохода, т.е. до июля-августа, не было и речи. Хвастливые замечания заведующего о том, что он заготовил больше песцовых единиц, чем ему поручено, приходилось слышать всем встречавшимся с ним, но он не мог понять, что на этот вопрос можно смотреть и с точки зрения заготовителя пушнины, и с точки зрения потребителей продуктов питания.

Поневоле возьмешь, когда есть нечего. Если самоед соглашается на уменьшенное количество муки, то надеется как-нибудь дотянуть до конца зимы и, пораньше подойдя к Енисею, т.е. к противоположному концу района кочевания, там получить хлеб, без которого ни он, ни его семья обойтись не могут. Но как обойдутся те бедняки, существование которых основано не на пушном, а на рыбном промысле? Для них именно представитель Обдорского исполкома хотел забронировать муку.

В ведении хальмерседской агентуры, как уже указывалось, находятся две фактории: в Ивай-сале, находящемся от Хальмер-седе у устья Пура, и в Ямбур-сале на протоке Пякоюн, впадающей в Тазовскую губу. По словам сотрудников фактории, 3000 заготовительных единиц, а со-

ответственно этому и товары распределяются так: Ямбур — 1500 шт., Хальмер-седе — 1000 и Ивай-сале — 500 шт. Около Ямбургской фактории кочует преимущественно бедняцкое и среднезажиточное население. Экспедиция была в Хальмер-седе в конце марта, а заведующий Ямбургской факторией уже расторгнулся и с пушниной укатил в Тобольск; счетовод находился в Хальмер-седе и подводил итоги удачной торговли. В Ямбуре оставался только сторож, охранявший замок, повешенный на дверях пустой лавки.

Таким образом, самоеды, выходящие на Ямбуровскую факторию, уже с половины марта принуждены были искать продовольствие или в селениях Ныда, Норе и Хе у устья Надыма, или на Енисее. Выехав с грузом из Ямбура 20 декабря прямым рейсом на Хе и идя ускоренным аллюром, экспедиция прибыла в селение только 18 января, следовательно, от Ямбура до Хе для грузовых санок надо до 28 дней, а от Ямбура до Енисея путь еще более продолжителен. Все это говорит за то, что бедняцкое население, окружающее Ямбур, вследствие обильного выхода песка находилось в плачевном состоянии. Про них так же, как про хальмерседских рыбаков, и была здесь речь.

Из вышесказанного напрашивается несколько парадоксальное заключение такого рода. Значительный выход песка повел к тому, что в таких местах, как Хальмер-седе, где муки отпущено, как и везде, по числу заготовительных единиц и где заведующие с тем же наличием товара решили заготовить значительно большее количество пушнины, неминуем для части населения голод. При этом до прихода парохода, т.е. до августа, будет голодать безоленная беднота, добывающая ничтожное количество песка и существующая преимущественно летним промыслом рыбы.

В Обдорске удалось ознакомиться с заявлением, поданным 18 апреля 1927 г. Обдорскому исполнительному комитету членом президиума райисполкома И.Ф. Ного, который между прочим пишет: «Кроме того, самоеды говорят, что они получают крайне скверный хлеб, который есть совершенно невозможно. Мною данный факт был проверен. Действительно, мука перед выпечкой не просеивалась, благодаря чему в испеченном хлебе попадались мучные комки с плесенью и разные мочалки и веревочки; к тому же хлеб на зимовках в Хальмер-седе и Пууровской на вид и вкус представлял как овсяной хлеб и вдобавок сырой».

В другом месте читаем: «Благодаря халатности Тазовского отделения испорчено 200 пудов муки; весенними буранами мучной склад был занесен с горной стороны снегом, а во время распутицы 1926 г. снег никто не отгреб, и снежной водой было потоплено 1½ ряда мешков, и мука лежала в воде в течение 1½ месяца... В пекарне грязь...».

Вот место в докладе, говорящее о приемах торговли: «...Кроме того, многие инородцы жаловались мне на Обьгрест, что таковой по отношению к беднейшему населению ведет жестокую политику относительно снабжения продовольствием и товаром в кредит под улов рыбы и при продаже товаров за наличный расчет; хотя беднейшее население является аккуратным плательщиком этого кредита, когда бывают времена средства и у бедняцкого населения, но не всегда... Не продают то, что ему необходимо, несмотря на то, что товары бывают, и при нем же отпускают другим... По отношению же к имущему населению политика у Обьгреста совершенно иная. Имущие лица получают в кредит, хотя в этом кредите не нуждаются, и для них в кредит и за наличный расчет отпускается все, что им желательно получить».

Заканчивает свое заявление т. Ного следующим: «Все вышеприведенные ненормальные явления в работе Тазовского отделения Обьгреста, граничащие с преступностью, необходимо срочно изжить и виновных привлечь к законной ответственности».

С факториями Обьгреста в Ямбуре и Хе познакомились на обратном пути, т.е. в 1928 г., поэтому сведения о них самые последние.

В Ямбуре мы встретили, как водится в Обьгресте, весь новый штат. Здесь узнали, что и в Хальмер-седе весь штат обновлен. Новый заведующий прямо сказал: «Если на нас туземцы и могут жаловаться, то только за хлеб, потому что пекарня у нас плохая. Внутри все стены обмерзли, а какие стоят морозы — сами знаете».

Из беседы с пекарями оказалось, что трудно работать с полученной мукой.

«Везли ее на пароходе, на палубе, прикрыта она не была, и много мешков оказались порядочно подмоченными. Откроешь мешок, высыпашь муку, а оттуда валяются комья, разобьешь комки, так и обдаст тебя запахом мочи, потому что мука горелая. Возни с ней, пока приведешь в надлежащий вид, страсть сколько. Оно, конечно, хлеб из нее выходит неважный, но в убыток мы ее все-таки не списываем, зато и припеку от такой муки немного».

Что же получает туземец при такой постановке дела? То, что он получает, не имеет обычного вида и формы хлеба, а представляет собой самых разнообразных форм и очертаний куски теста, побывавшие в печи. На вкус они представляют сырое, довольно неприятного вкуса тесто, и только мороз, а затем отогревание над костром, где эти бесформенные массы отпотевают, не дают им возможности высохнуть и превратиться в каменные глыбы.

По приезде в Обдорск на пленарном заседании исполкома снова пришлось увидеть все тот же хлеб. Съехали на выборы делегаты от самоедов и остяков. На повестке дня вопрос о самообложении и текущие дела, а на столе куски хлеба, привезенного с Ямальского полуострова. Местные аборигены, взяв со стола буровато-серые куски, щупают, нюхают, пожимают плечами. Смотрит и удивляется обыватель, а на членов президиума, выезжавших на места, этот хлеб, по-видимому, не производит впечатления. Народный судья, только вернувшийся из поездки по тундре, рассматривает его уже как спец, тихо качая головой и как бы закрепляя какую-то думу.

«Порченная мука. Эка штука», — заявляет кто-то в толпе.

«Да, у нас в Норе лежит ее несколько сот пудов, только это собственность кооператива, и потому только она еще не пущена в оборот и не съедена самоедами». Кооператив составил акты и отказывается от такой муки, а Северосоюз думает, что кооператоры капризничают, поэтому не верит актам и требует присылки в Тобольск образцов порченной муки.

Заканчивая вопрос о снабжении хлебом, можно сказать: стремление факторий дать как можно меньше синдицированных, т.е. невыгодных для них товаров, повело к тому, что завоз муки значительно меньше спроса. Выпекаемый хлеб очень плохого качества. Сильно недопечен, кислый, очень грязно приготовлен и нередко сделан из лежалой муки.

С вопросом о снабжении хлебом непосредственно связан и другой вопрос. Есть ли хлеб всегда в готовом виде?

В больших факториях осенью, как только наступили первые морозы, уже начинается усиленная выпечка хлеба. Однако малая пропускная способность печей, ограниченный штат и отсутствие соответствующих хранилищ не дают, вероятно, возможности делать значительных запасов. В результате, когда самоеды, возвращаясь с летних кочевков, подходят к своим зимним стоянкам и появляются в факториях, то у

последних не хватает хлеба, и опоздавшим приходится слышать неизбежное: приезжайте в следующий раз, тогда и получите.

Между тем, около факторий нет подходящих для оленей пастбищ, следовательно, нет и зимних стоянок. Все приезжающие являются в факторию налегке, оставив свои чумы за десятки, сотни верст. Зимой самоед, в противоположность лету, долго не стоит на одном месте. Чем больше стадо, тем меньше он может предаваться отдыху. Обыкновенно меняют места через 3–5 дней. Чем ближе к фактории, тем больше народа бывало в этой местности и тем скуднее пастбища, не говоря уже о том, что здесь, в местах скопления оленей, и волки встречаются чаще. Вот почему оленный самоед стремится как можно дальше остановиться от фактории и как можно скорее уйти от нее. Мало того, приехав на факторию, он одинаково нуждается и в хлебе, и в масле, и в чае, и проч. Получив масло, чай, сахар и другие ему необходимые продукты, плюс уменьшенная порция хлеба и, отдав за все это песцов, он потерял покупательную способность, но хлеба недополучил, причем этот недобор заменен ненужными ему вещами. Для новой порции хлеба надо добыть новых песцов. Ждать с имеющимися песцами выпечки хлеба, значит подвергать стадо риску, задерживать выполнение плана кочевания, и он предпочитает взять сейчас что можно, заменить, если дают, хлеб мукой, но идти дальше с тем, что если будет удача на охоте, то лучше перехватить где-нибудь по дороге, занять или обменять у соседа-богача, или, наконец, захватить или послать кого-нибудь на следующую факторию. Сравнительно недалеко от факторий держатся только малооленные, утрачивающие возможность свободно передвигаться по дедовской земле. Вот эти-то могут заезжать на одну и ту же факторию в течение зимы не раз и не два. Все остальные при нормальных условиях бывают на каждой фактории, лежащей по пути их кочевания, только один-два раза в году.

После хлеба следующими мучными продуктами питания на Крайнем Севере Сибири являются сухари и сушки. Участникам экспедиции пришлось почти весь год питаться белыми сухарями и сушками. Туземцы опытнее нас и реже прибегают к сухарям. Приготовленные в Красноярске, они в продолжение нескольких месяцев лежат на складах, пока не попадут в рваных, грязных мешках на пароходы. Последние развезут их по факториям. В местах прибытия мука, сухари и другие товары неделима лежат на берегу не прикрытые, прежде чем попадут на склады.

То нет людей, то непогода, то нет денег и т.д.

Затем агентства пересортируют товары и на катерах, на лодках или, дождавшись санного пути, на оленях, на собаках переправят эти сухари в свои отделения. Сухарь из белого делается все темнее и темнее, а мешок покрывается все большим и большим количеством дыр. Хорошо, если в отделении они попадут сразу в соответствующий сухой склад. Сухарь зимой не пойдет. Своевременно замороженный хлеб свободно лежит полгода и даже более, а оттаяв у костра, свеж, как только что испеченный. Поэтому сухарь терпим лишь как неизбежное зло, когда летом хлеб черствеет или просто его не хватает, а добраться через реки на оленях до факторий нельзя. Выпекать в безлесном районе на тальнике «леску» довольно трудно. Кроме того, сухарь портативнее, что иногда, при недостаточности средств передвижения, имеет большое значение.

Сушки более стойки к атмосферным влияниям. Приготовленные зимой и замороженные, они так же, как и хлеб, прекрасно сохраняют свою свежесть, но они так же, как и сухари, требуют и очень хорошей тары, и очень бережного хранения, чего факториям почти не удается.

Казалось бы, что все торгово-заготовительные организации, стремясь получить от туземцев как можно больше пушнины, рыбы и проч., не должны уподобляться упомянутым нерадивым туземцам из Дудинки и со своей стороны должны принимать все меры к тому, чтобы обеспечить туземцам удачную добычу. Как же справилась с этой задачей та организация, от имени которой говорил докладчик?

Если «ставку на промысловое хозяйство» отнести к рыбным промыслам, то, по словам докладчика, «пряжа, конопля, уды хотя и получены, но доставлены несвоевременно и не в достаточном количестве».

Обыгрест, эксплуатирующий пушные и рыбные промыслы на Тобольском Севере, держится довольно неустойчивой политики в деле ведения своего рыбного хозяйства и тем самым причиняет немало неприятностей туземцам. До 1925 года он имел на Тазу своих засольщиков, принимая от самоедов свежую рыбу. Рыболовные снасти давал артелям в кредит; лодки, являясь движимым инвентарем факторий, давались артелям во временное пользование. В течение лета, а иногда и до лова артельщикам отпускались в кредит хлеб и другие необходимые им предметы, по окончании промысла производился подсчет по расчетным заборным книжкам. Одни получали разницу деньгами, другие пе-

реносили свою задолженность на следующий год. После 1925 г. засольные пункты упразднены. Затем снова начинают возвращаться к старому, сократив лишь размеры кредитов.

Задолженность до 1923 г. на факториях Обьтреста была отнесена к сомнительным и списана. Однако в тех случаях, когда у туземца есть с чего списывать, в первую голову погашают новые долги, а затем, не говоря об этом туземцу, чтобы не было лишних споров и разговоров, втихомолку покрывают долги, списанные как безнадежные. И вот туземец никак не поймет: неудачный год — ничего нет, удачный лов — опять ничего нет. В прошлом году было плохо, все равны, все ни с чем остались — голодали. В этом году лов хорош, одни из участников артели не учли уроков прошлого года и по-прежнему много брали в кредит; другие приняли во внимание пережитое и старались брать в долг как можно меньше с тем, чтобы при расчете хотя что-нибудь осталось на зиму, а когда стали выдавать расчет, оказалось — ни первые, ни вторые ничего не получили. Загадка объясняется просто — у первых погасили задолженность текущего года, а у последних было с чего взять и погасили не только долг текущего года, но и то, что было списано как безнадежное.

Но вернемся к рыбному промыслу. В 1926 году как будто снова была приемка рыбы, засольные пункты на Тазу работали.

В 1927 году, обменяв все товары и, в частности, рыболовные снасти на пушнину как на более выгодный товар, хальмерседская агентура Обьтреста с ее отделениями на р. Таз, конечно, летом не занималась приемкой от туземцев рыбы, а следовательно, и не снабжала не только продовольствием, но и снастями тех, кто только и существует на доходы от рыбного промысла. Помимо того заведующий, рассчитывая на катер, не забросил зимой на засольные пункты соль. Перед нашим приездом механик катера застрелился, а вызванный новый прибыл в Хальмерседе с большим опозданием, да месяц провозился с мотором, не зная, как пустить его в ход. В результате туземцы-рыболовы не только не снабжались в 1927 г. орудиями лова и продовольствием, но к ним не была своевременно заброшена соль и не было предложено заготавливать рыбу с тем, чтобы расчет за нее произвести по прибытии парохода с товарами.

Прежние купцы вели здесь большие операции с заготовкой рыбы, имея свои засольные пункты. Торговые организации и тресты, оперируя с ограниченными средствами и гоняясь за валютным товаром, уби-

ли рыбный промысел. Туземцы, не добывшие пушнины, принуждены влачить жалкое существование, тогда как раньше в случае зимней неудачи они летом хотя немного поправляли свои дела. Помимо того, имеющиеся у туземцев снасти за это время так изнашивались, что не дают возможности владельцу даже прокормить себя и свое семейство. Бывают случаи, когда вследствие отсутствия мереж и прядева прибегают к орудиям каменного века и изготовляют сети из корней и луба тальника. И это как раз среди тех самоедов, которые были знакомы с фильдекосовыми сетями, получавшимися из Японии, и предпочитали их как более стойкие к гниению.

«Тяжело и трудно жить беднейшему рыбацкому населению. С него и при сдаче рыбы, и юрка удерживают на утечку от 5 до 15 фунтов с каждого пуда рыбы, в особенности юрка», — так пишет в своем заявлении в исполком цитированный ранее член президиума Обдорского райисполкома И. Ф. Ного. Далее он отмечает: «Относительно больших скидок на утечку заявление инородцев считаю правильным, так как в нынешнее лето Обьтрестом было сгноено больше 200 пудов юрка, между тем при сдаче на пароход недостачи не оказалось».

О том, как плохо приходится самоедским артелям, поставляющим рыбу Обьтресту, пришлось слышать и в Хе, где некоторые из самоедов по окончании сезона в окончательный расчет осенью 1927 г. получили по 50 коп., но были и такие, которым пришлось нести своим семьям летний заработок в 9 коп., причем Обьтрест не оказал им никакой помощи.

В деле снабжения туземцев Тазовского района рыболовными снастями не надо забывать, что раньше сюда привозились из Тобольска даже такие вещи, как грузила, так как здесь нет камня. Кроме того, выдавая только часть просимой туземцем мережи, вы уменьшаете размеры его невода и тем заставляете ловить рыбу все ближе и ближе к берегу, что не может не отразиться на улове, заставляете ловить рыбу не в реке, а в озерах. Наконец, принуждаете изменять способы лова, заставляя переходить вследствие отсутствия орудия от более совершенных способов к более примитивным.

Не видев своими глазами, трудно представить, как нерасчетливый, по мнению русских, туземец дорожит самым маленьким кусочком сетной нитки, какими обрывками он чинит свою сеть. (Жалобы на прелую пряжу, на полное отсутствие прялок раздаются и среди русских на Ени-

сее). В голодные годы все кули, все мешки распустили на нитки: самодеды все, что было у баб, поснимали с бабьих санок и пустили на невода.

Кооперация первичная, ближе всего стоящая к потребителю и производителю, не может еще здесь парализовать или смягчить все дефекты, так как находится почти в эмбриональном состоянии, зажата в крепких тисках не только случайного административного усмотрения, но и объединяющих высших кооперативных организаций. Так, Хенский интеграл, находящийся в тысячах верст от Тобольска и Тюмени и пытающийся наладить рыболовное хозяйство, принужден по договору с Северосоюзом сдавать рыбу не у себя за Полярным кругом, не в Тобольске, где находятся склады и правление союза, а в Тюмени. Конечно, союзу выгодно получать товар у линии железной дороги, но при ненадлежащем хранении является спорным вопрос: кто виноват в порче рыбы — туземные артели или нерадивые служащие центральной кооперации, а страдает все тот же первичный кооператив, т.е. туземец, как это было в 1927 г. Несвоевременной заброской соли болеют все, забывая, что на Таз пароход приходит только один раз в году, и то в середине лета.

Не лучше дело обстоит и с охотничьим снаряжением. Ассортимент ружей везде невелик. Только в Обдорске в лавках Обьгреста и Охотсоюза мы встретили разнообразный и значительный выбор ружей, но в Обдорске теперь почти не бывает кочевников. Почему упомянутые организации не пускают этих ружей в Хальмер-седе, Ямбур, Хе и т.д. — непонятно.

Что касается капканов, то (на Енисее) как будто с ними и благополучно, за исключением случаев, уже сказанных выше. В качественном отношении они удовлетворяют самоедов, так как кованые и тяжелые, но дороги: цена тех, диаметр которых равняется 20 см, достигает 7 руб., что и задерживает их широкое распространение. На некоторых факториях есть капканы с большим диаметром, и они, как неупотребительные, конечно, лежат без движения. Не то в Обдорском крае. В Хальмер-седе, как уже говорилось, к апрелю 1927 г. не оставалось ни одного капкана, нет их в 1928 г. и в Хе не только в лавке Обьгреста, но и в кооперации. Таким образом, население здесь лишено возможности промышленно горностая. В Ямбуре вместо трех сортов, значащихся в фактурах, прислано два сорта, по внешнему виду ничем не отличающихся друг от друга, но с разной расценкой. Поэтому они соединены вместе и продаются по цене около 3 рублей, но легкие, как будто штампованные; пружины у них перекалены

и скоро лопаются. Нужна запасная пружина. Этот товар покупателей не удовлетворяет, и если берут, то только по необходимости.

Вообще добыча пушного зверя на Крайнем Севере производится пока преимущественно деревянными пастями и лишь отчасти капканами. Последний отвоевывает себе должное положение в охотничьем хозяйстве туземца как более портативный, но бедняк, к сожалению, до сих пор должен довольствоваться примитивной деревянной пастью, так как капкан по цене ему недоступен.

Одними из самых необходимых предметов туземного хозяйства являются также топоры и ножи. Однако от Красноярска до Обдорска нам нигде не встретилось хорошего топора. Все жалуются, что они очень мягкие, а о ножах и говорить не приходится. Недаром самоеды почти не покупают их. Выручает туземца его умение сделать себе нож из напильника, и он по-прежнему вынужден для себя и для всех членов своей семьи, как и в старину, выковывать ножи из этого рода предметов.

Надо помнить, что все туземцы севера Сибири, вплоть до Тихого океана, помимо прочности, требуют от лезвия ножа известной толщины, так как точат его так же, как и топор, с одной стороны, и часто пользуются им как рубанком. Простые, с тонким лезвием железные ножи, которыми так обильно снабжены все фактории, никогда не получают широкого распространения, так как в туземном хозяйстве при восьмимесячной зиме таким ножом нечего делать. Между тем, помимо общих, необходимых в хозяйстве ножей, у каждого члена семьи, начиная с четырех-пяти лет, должен быть свой нож. У женщин с широким лезвием, у мужчин — с узким. Вот почему фактории имеют повышенный спрос на напильники. Последние, впрочем, применяются в хозяйстве туземца и в качестве точила.

Вопрос, заданный самоедам: отчего же вы не попросите в фактории, чтобы заведующий выписал на следующий год точильные бруски, и тогда вам не придется портить напильниками ножи, топоры, рубанки и проч., вызвал дружный взрыв хохота.

«Какой ты странный. Думаешь, что без тебя и не говорили. Много говорили. И не первый год говорили, какие вещи нам нужны, да ни на Енисее, ни на Оби нас никогда не слушали».

Для туземцев Севера после хлеба и орудий промысла следующими предметами первой необходимости являются масло и чай.

Масло встречалось везде, за исключением Хальмер-седе с его отделениями, о чем уже говорилось. Преобладает так называемое «экспортное» и несоленое, топленого значительно меньше. Туземцы предпочитают последнее, но высокая цена заставляет заменять его экспортным. Что касается качества масла, то в большинстве случаев оно удовлетворительное. Несоленое попадает плохо отжатое и, будучи растопленным, к великому удивлению самоедов, дает слой воды.

Наблюдения быта богачей и бедняков, оленеводов и рыболовов, равно как личный опыт жизни в условиях полярной зимы, дают право утверждать в крайней физиологической потребности в жирах при питании одной только рыбой. Вот почему бедняк-рыболов повышает свои требования на масло иногда в ущерб возможности приобрести хлеб. А отсутствие песцов и высокая цена на масло заставляют туземца удовлетворять свою потребность в жирах особо приготовленным рыбьим жиром, смешанным с вываренными остатками рыбьих брюшков и называемым русскими «варкой» (самоедами — пурса). За отсутствием подходящей посуды варка складывается в снятую с налима шкуру или в брюшину оленя. При обмене рыбаков с оленеводами брюшина важеньки с варкой равняется живой важеньке, брюшина теленка — живому теленку и т.д. Приготовлением этой варки и сушеной рыбы поглощен весь весенний и летний день туземной женщины. Вот почему, когда им рассказывают о том, что у нас, кроме коровьего масла, есть много других жиров, которые можно есть, они восклицают: «Почему же нам их не дают? Мы бы покупали и рыбий жир, и свиное сало, и подсолнечное, и другое какое масло, но к нам их не привозят».

О том, что кроме экспортного масла нам ничего другого не дают, говорит и русское население как по трактам, так и за Полярным кругом, например, в Хе, Норе и т.д.

— Да мы с радостью покупали бы подсолнечное масло, так оно для жарения рыбы очень годится.

Ввоз на Север в дополнение к коровьему маслу постных, т.е. растительных масел, как более дешевых, без сомнения, отразился бы на форме питания населения, хотя бы русского, постепенно приучив его потреблять рыбу жареной, а не сырой, что отражается на заболеваниях разного рода глистами. У самоедов грех есть сырыми щуку и налима. Русские в этом греха не видят и многие из них, по словам встречавшихся фельдшеров, страдают кишечными заболеваниями.

Дорого стоящее коровье масло можно было бы заменить не только растительными маслами, но и свиным салом. В прежнее время в глухих местах, к каковым относится и Хальмер-седе, купцы держали в значительном количестве свиней. Обьтрест здесь получил в наследство до 30 свиней, но приблизительно в 1925 г., признав, что свиноводство является неуместным, заведующий в одну ночь расстрелял все 30 штук. Теперь лишь некоторые из служащих привозят с собой поросят, выкармливают их и колют весной, когда в факториях наступает масляный кризис.

Что касается кирпичного чая, то его всегда на Севере не хватает, а меж тем бедняку без него не обойтись.

В 1927 г. на Енисее чай был, но в Обдорском районе уже зимой его не хватило. Не было чая в самом Обдорске и в феврале 1928 г. По крайней мере, в лавке Обьтреста отказывали остякам в продаже чая за деньги, приберегая, очевидно, его незначительное количество для тех туземцев, которые расплачиваются не деньгами, а пушниной.

Имеющая в нашем питании большое значение соль, по-видимому, не играет такой роли в жизни туземцев. К ней прибегают как к лакомству только при употреблении сырой рыбы и свободно обходятся без нее при питании вареной рыбой, равно как и при употреблении сырого или вареного мяса.

Сахар для самоедов не является предметом первой необходимости и потребляется ими в ограниченном количестве, но все же его не хватает. В Хальмер-седе приблизительно на 400 п. масла, 1500 кирпичей чая завоз сахара равен 60 пудам.

Многого не хватает в факториях.

В голодные годы при выдаче нормы познакомили самоеда с рядом продуктов, с которыми он ранее не был знаком и которые бедняку, питающемуся не мясом, а только рыбой, пришлось по вкусу.

— Хлеб плохой, да и дают его мало, купил бы рису, да нет его нигде — ни на Енисее, ни на р. Таз. Сначала, когда в голодные годы стали давать рис на Енисее вместо муки, мы не знали, что с ним делать и не хотели брать. Потом русские рассказали, как его варить, и нам очень он понравился, а главное — рис не мука, его немного идет на пропитание и легче таскать на санках.

Научные исследования последних лет говорят за то, что цинга быстро прекращается, как только к обычной пище начинают прибавлять

картофель. Среди значительного количества служащих факторий каждую весну наблюдаются цинготные заболевания. Между тем ни на одной из них не имеется картофеля. Казалось бы, что при малых забросках муки и неудачном снабжении хлебом предложение туземцам сушеного картофеля напрашивается само собой. Тем более что картофель и другие овощи могут быть выращиваемы в таких селениях, как Хе, Нора и т.д., надо лишь поощрить к этому русское население.

Впоследствии мы много раз могли убедиться в том, что заявление о широком снабжении неимущих туземцев оленным сырьем немного преувеличено. Тем не менее приходится отметить, что этого рода снабжение является одной из выгоднейших операций заготовительных организаций края: приобретая в оленных районах олени постели в среднем рубля по три и уплачивая на них товарами, купленное сырье направляли к енисейцам и другим безоленным туземцам, крайне нуждающимся в зимней одежде, и получали за постель 5—6 белок, оцениваемых по 1 р. 25 к. за штуку, т.е. наживали рубль на рубль.

Иногда крайняя нужда заставляет бедняков переплачивать факториям за постели до 400%. Так, 14 постелей, оставшихся в Ямбургской фактории Обьтреста от прошлого операционного года и оцениваемых всего в 6 р., продавались в 1928 г. по пяти рублей штука. Продажи эти имели место до получения извещений о новом повышении цен на сырье. Постели, оставшиеся непроданным после февраля, без сомнения, будут проданы беднякам с еще большим барышом.

Что касается снабжения малоимущих или неимущих туземцев готовой меховой одеждой, то это до сих пор носит характер чисто случайный или, по крайней мере, находится в зачаточном состоянии. Снабжение это выражается в приобретении от малоимущих старых, подержанных вещей для перепродажи их более нуждающимся. Обыкновенно бедняк-работник, рассчитываясь от богача-туземца, за свою годовую службу получает одежду. Вот эта «зароботная плата» и обменивается бедняком на товары, необходимые для членов его семьи и его самого. А фактории, в свою очередь, обменивают приобретенную одежду безоленным туземцам на пушнину. Иногда в лавках попадается в очень ограниченном количестве одежда, очевидно, нарочито пошитая для сдачи на фактории. Эти одежды хотя и покровены по туземному образцу, но сшиты русскими, так как туземка не будет шить для своих мехо-

вую одежду нитками вместо жил. Кроме того, она сшита не из недавно выделанных новых постелей, а чаще всего из тех, которые уже находились в чуме в качестве постелей. Волос на них изменил свой цвет от копоты и начинает сыпаться.

В последнее время в газетах промелькнули сообщения об организации в Обдорском крае пошивных артелей, ставящих задачей изготовление меховых одежд из оленного сырья. Будем надеяться, что, быть может, они сумеют наладить это нужное для Севера дело. Работа таких артелей нам представляется, конечно, при обязательном участии в них туземной женщины.

Может пойти здесь и летняя кожаная обувь, особенно бродни, если на этот товар обратят внимание и будут доставлять не только хорошего качества, но и соответствующих размеров.

Не может туземец обойтись и без листового табаку, который он обрабатывает особым способом и кладет на нижнюю губу, что заменяет ему курение. На Енисее запасы табака хотя и ограниченные, но все-таки были, на Тазу уже в марте 1927 г. его не оказалось, не было его и в кооперативе Янова стана, так как 200 п. лежалого цвелога табака, от которого самоеды отказались, в счет не идут.

Переходя от предметов первой необходимости к предметам, нужным в хозяйстве кочевника Крайнего Севера, следует отметить неудовлетворительное снабжение сырыми кожами, идущими на изготовление упряжи и других мелких поделок. Кожа нередко доставляется горелая, лежалая и при употреблении быстро приходит в полную негодность.

Влияние культуры и соседство русских сказалось на туземцах, и свои жировые лампы они стремятся заменить керосиновыми. Кроме того, ни в одной фактории на Енисее и на р. Таз не имеется жестяной или железной посуды для керосина. Если бы не пароходы, оставляющие клиентам своих буфетов пивные бутылки, у самоедов не было бы посуды под керосин. Только винные и пивные бутылки их вырывают, но в такую посуду много не запасешь.

Таким образом, искусственно ограничиваемый спрос дает возможность факториям керосин, который нужно продавать по твердой цене, запасать лишь в ограниченном количестве. Вообще же бедняки принуждены для освещения своих чумов прибегать к обрывкам старых се-

тей, скрученным в жгуты и пропитанным рыбьим жиром. Такой жгут горит довольно медленно, но дает очень слабый свет. Богачи и те из туземцев, которые могут себе позволить роскошь скрашивать светом длинные вечера полярной ночи, принуждены покупать свечи.

Самоед любит чай и пьет его из маленьких чашек. Чашка должна быть обыкновенного крестьянского типа с блюдцем. Размер ее по объему не должен превышать половины стакана. В условиях Севера чай быстро стынет, поэтому население предпочитает пить из маленьких чашек и чаще наливать. Желательно, чтобы чашка и блюдце были с толстыми стенками. Между тем, на факториях немало тонкостенных сервизных чашек — широких и низких. Самоеды, приобретшие такую посуду, недолго ею пользовались, и она вся перешла к детям в виде черепков. Алюминиевые кружки, которых сейчас немало в лавках, неприемлемы в условиях Севера: они обжигают губы и с мороза к ним невозможно прикоснуться. Не подходит и эмалированная посуда, так как вследствие сильных морозов эмаль быстро трескается и отлетает. У богатых не раз приходилось видеть большие железные рваные тазы и кастрюли, которые некогда были эмалированными. Итак, в условиях северного кочевого хозяйства пригодны только толстостенная фарфоровая посуда и такая же плотная и крепкая медная посуда. Легковесная, тонкая медная также непригодна, как проникающая сейчас жестяная и железная. Все это быстро мнется, ломается и вызывает у туземца только обиду по поводу того, что его опять обманули.

Излюбленной посудой самоеда являются медные клепаные котлы и такие же толстостенные чайники. Кстати сказать, в продолжение многих десятков лет русские снабжают туземцев медной луженой посудой. От полуды уже давно не осталось и следов; меж тем нигде не налажена починка и полуда посуды, равно как и прием старой красной меди. Проводимое сейчас внедрение в толщу населения изделий из желтой меди (латуни) не может не отразиться на здоровье туземцев, так как они не представляют себе, каким сильным ядом является красивая зеленая окись меди.

Советание, собравшееся на выборы тузсовета в Хальмер-седе, постановляет, что олень оценивается в 25 р., самоеды это постановление не оспаривают и принимают как закон при расчетах с русскими. Но при своих взаимных расчетах у них есть своя установленная неизблемая

расценка. Олень равен песцу, равен ягушке (женской одежде), равен санке в тундре, равен 100 рыбам одного сорта, равен 40 рыбам другого сорта и т.д., и здесь тоже споров быть не может. Это тоже — закон. Но если эти два закона сопоставить с нашей русской точки зрения, то получится, что 25 р.=50 р. И все же в туземной практике эти два закона свободно уживаются. Но, повторяю, не о них здесь речь. В 1920–1923 гг. можно было получить песца всего за ... 2 ф. табака.

Ни одна организация не заботится о снабжении населения, именно населения, безразлично — русское ли оно или туземное, но все стремятся выкачать из населения как можно больше песцовых или беличьих единиц, дав как можно меньше синдицированных товаров, т.е. продуктов питания. Это не снабжение продуктами первой необходимости, а ставка на экспортный валютный товар, но ставка иногда с негодными средствами.

К вопросу о товарообменных операциях непосредственно примыкает вопрос об отношении туземцев и факторий к существующей у нас денежной системе. И здесь мы приходим к неожиданному выводу. Не инородцы не берут денег, хотя у них очень много аннулированных денежных знаков, а организации не признают червонцев, требуя от туземцев вместо денег пушнину.

Этот случай не единственный. Он как бы воскрешает старый способ бывших частников расплачиваться с рабочими и покупателями товарами, на которых наживаешь. Что фактории не принимают денег, имея твердое задание превратить полученные товары в определенное количество единиц пушнины, а не распродать товары и снабдить ими население, это понятно.

Как же мыслит туземец о желательности товарообмена с ним. Неизменно везде от совершенно не знающих русского языка, равно как и от тех, которые им владеют, приходилось слышать один ответ: «Так, как раньше делали купцы. Я приносил ему пушнину и раскладывал перед ним каждую шкурку отдельно. Он осматривал ее и на каждую клал деньги. Тогда я смотрел на шкурку и считал деньги. Если цена подходящая, я, отодвинув шкурку ему, брал деньги в руки и говорил: дай за эти деньги хлеба столько, муки столько и т.д. Получив товар по первой сделке, переходил ко второй и т.д. Сейчас заберет заведующий всех принесенных мной песцов, пересмотрит их и начнет щелкать на счетах.

Затем спрашивает меня, а то и не спрашивает, а просто говорит: хлеба столько-то дам, муки столько-то, масла столько, чая столько, остальное — чего хочешь. Тогда только начинаю говорить я, чего хочу остального. Я отвечаю, тогда он еще больше защелкает на счетах. Гоняет костяшки туда, сюда, а я смотрю, ничего не понимая в этом, и жду. Кончил гонять их, что-то написал у себя на бумажке и говорит, что еще можно взять спичек или еще чего-нибудь не шибко дорогого, или говорит, что того-то даст меньше. Спорить с ним не могу, потому что сосчитать всего не могу. Получишь весь товар, смотришь на него и видишь, что песцов отдал много, а товара мало. И того не хватит до следующего промысла, и другого, а проверить мы никак не можем».

Помимо постоянных факторий, существует так называемый экспедиционный способ снабжения. Цель таких экспедиций — снабжение безоленных, не могущих выехать на фактории.

С одной из таких экспедиций нам пришлось познакомиться довольно хорошо. Как же она организуется? Кооператив Янова стана, решив отправить экспедицию в глубь лесотундры, нанял кулачка-самоеда на следующих условиях. Кооператив отпускает по выбору самоеда товаров на две тысячи рублей, на каковую нанятый должен привезти соответствующее количество песцов. Продавать он должен по ценам, указанным уже в приведенной таблице, но по какой цене фактически продает, конечно, никто проверить не может. За это он получает по 5 р. с пуда, так сказать, за провоз груза и жалованья по 75 р. в месяц, на какой срок — не выяснено. Очевидно, за зиму, так как эта была зимняя экспедиция. Заключив сделку и забрав муку, сушки, масло, чай, сахар и махорку, самоед вывез весь груз к месту своей зимовки и там, оповестив соседей через своих многочисленных родственников о прибытии товаров, у своего чума открыл торговлю. Почем покупались песцы и продавались товары оборотистым купцом, сумел ли несколько раз обернуть неожиданно полученный им капитал, прежде чем сдать кооперативу отчет, сказать затруднительно, но что он не всегда полностью оплачивал сдаваемых бедняками песцов, это утверждать вполне возможно. По дороге встречались бедняки, которые, очевидно, считали его своим отцом-благодетелем, постоянным давальцем и кормильцем. От таких он принимал товар не смотря, перебрасывая связку с песцами в руки сидевшей сзади жены, которая и упрятывала их в мешок. Иногда из любо-

пытства сынишка, приучаясь к делу, осматривал их, поглаживая и потряхивая шкурку за шкуркой, а папаша важно расспрашивал владельца о всем том, что никакого отношения к сданной пушнине не имеет. Лишь только тогда, когда гость-покупатель собирался уходить домой, хозяин приказывал сынишке выдать масла столько-то, муки столько-то и т.д., но все это в таких дозах, которые явно не покрывали сданный товар. Очевидно, окончательный расчет будет тогда, когда они встретятся летом во время рыбной ловли, а быть может, благодетель засчитал часть старых долгов. Бедняк только благодарил и покорно брал выдаваемое.

Второй вид экспедиционного снабжения населения, как это имело место в предыдущие годы, выражается в том, что агент Хе или Ныды, или кооператива Янова стана с товарами едет в Хальмер-седе или на другую факторию и по дороге, если ему попадутся чумы, обменивает у них песцов. Главным же образом, такие агенты снабжают служащих такими товарами, которых и в факториях не имеется.

Наконец, примером третьего вида экспедиционного снабжения может служить ставшая около трех тысяч рублей экспедиция акц. о-ва «Сырь»», посланная из Толстого Носа на р. Пилятку, где проходят самоеды,двигающиеся с Таза на Енисей, с целью перехватить должников факторий Толстого Носа, Караула и Дерябино. Такая экспедиция, обменивая пушнину на товары без наценки на провоз, стремится не только перехватить пушнину, но и наказать своих конкурентов, снабдив чужих должников необходимыми им товарами и не допустив их до факторий.

К этого рода экспедициям относится часть тех, о которых пришлось читать в газете «Красноярский рабочий» от 10 июля 1927 г. № 156 в заметке под названием «Экспедиции на Север». В этой заметке напечатано: «Окрвнторг организует в этом году ряд исследовательско-заготовительных экспедиций в необслуживаемые факториями Сибторга и Госторга районы Севера... Пока намечено пять экспедиций, между ними с Кот-пара в низовья Таза и с Толстого Носа на Гыду». Поэтому каждой экспедиции желательно не накормить ненасытных бедняков ценой уменьшения пушных единиц, а перехватить при случае богатенького клиента и, закредитовав, сделать его должником своей фактории.

Со своей стороны добавим, что эта фраза относится не только к Обьтресту, а ко всем организациям. Не раз приходилось слышать рассказы богачей, клиентов Таза, как им предлагали тысячные кредиты на

Енисее и наоборот — енисейским на Тазу, равно как акц. о-ва «Сырье» и Сибторг клиентам Госторга и обратно.

В то же время в таких местах, как селение Хе, агентаура Обьтреста говорит, что кредиты правлением запрещены, и отказывается помочь своим беднякам-рыболовам, попавшим вследствие неудачного лова в беду. Одновременно с этим фактория той же организации в Ямбуре заявляет, что вопрос о кредитовании предоставлен на усмотрение заведующего. В бытность экспедиции на фактории можно было наблюдать многочисленные зеленые ордера, установленные для выдачи в кредит, и заведующий объяснил, что он проводит таковой, требуя возвращения или погашения через две недели. При этом, судя по ассортименту товаров, нетрудно убедиться, что это не экстренная помощь нуждающимся, а простое кредитование товарами. Например, по ордеру отпущены на две недели пуд сахара и два пуда масла на сумму 75 рублей. Вот такие отпуска и дают возможность сказать, как это упоминал докладчик, что кредитование в среднем равняется 100 руб.

Работа торгово-заготовительных организаций зависит не только от подбора товаров, но и от подбора служащих и условий, в которые ставят их организации.

Л. Костиков

* * *

Об авторе. Год назад, когда в Государственном архиве г. Тобольска был найден этот исключительно интересный текст (ф. 695, оп. 1, д. 111), мы ничего не знали об авторе, кроме того, что он участник Гыданской экспедиции, работавшей на севере нынешнего Ямало-Ненецкого автономного округа под руководством Б.Н. Городкова в 1927— начале 1928 г. В книге профессора Тюменского университета В.В. Козина «К верховьям неведомых рек: жизнь и путешествия Б.Н. Городкова» (М., 1981) упоминается только, что Л.В. Костиков входил в состав экспедиции в качестве этнографа.

Позднее удалось узнать, что Леонид Васильевич Костиков (1869–1941), искусствовед, этнограф, коллекционер, окончил Археологический институт и естественное отделение физико-математического факультета Петербургского университета. В 1910 г. собрал для этнографического отдела Русского музея 17 коллекций, характеризующих культуру русского и карельского населения Архангельской губернии. В 1924–1930 гг. — штатный сотрудник Русского музея. В 1945 г. уникальное собрание Л.В. Костикова — более 2000 игрушек со всей территории расселения русского народа — было приобретено музеем.

В марте–мае 2006 г. на выставке «Путешествие во времени и пространстве. Образцы Российской империи. 1890–1910-е», проходившей в Московском музее современного искусства и представленной Российским этнографическим музеем (г. Санкт-Петербург), среди прочих экспонировались и фотографии Л.В. Костикова.

Литература

- Костиков Л.В. Боговы олени в религиозных верованиях хасово // Сов. этнография. — 1930. — № 1/2. — С. 118.
- Костиков Л.В. Законы тундры // Труды Полярной комиссии АН СССР. — 1930. — Вып. 3.

Эпистолярный

«Ни о ком так не думается, как о тебе»

«Подорожник» уже в пятый раз обращается к теме жизни и деятельности членов семьи Скалозубовых. Кроме того, большая статья о Н.Л. Скалозубове напечатана в № 5 и 6 журнала «Югра» в 2007 г. (библиография дана в конце публикации). Причина нашего интереса — в том ярком следе, который оставили Скалозубовы как подвижники сельскохозяйственной науки и культуры Западной Сибири конца XIX—XX веков.

Николай Лукич Скалозубов (1861–1915) был первым губернским агрономом, общественным деятелем, музейным работником Западной Сибири. Его жизнь и творчество в течение двадцати лет были связаны с Тобольской губернией.

Ариадна Васильевна Скалозубова-Максимова с детских лет увлекалась изобразительным искусством (она была дочерью известного русского художника-передвижника второй половины XIX в. В.М. Максимова). Первым ее учителем в изобразительном искусстве стал отец. Позднее брала уроки рисования в Обществе поощрения художеств у И.Е. Репина. Окончила педагогические курсы. Преподавала рисование в женской прогимназии в Красноуфимске.

В 1892 г. вышла замуж за Николая Лукича Скалозубова. С 1894 по 1906 год жила в Тобольске, потом в Костроме, воспитывала детей, пока Николай Лукич работал во II и III Госдумах. С 1913 по 1915 год Ариадна Васильевна находилась в с. Петровском под Курганом, после вернулась в Кострому. Жила в Москве. В 1930-е гг. посетила в Якутии свою дочь Анну Николаевну. Позднее, с 1939 по начало 1950-х годов жила в Ханты-Мансийске у своей дочери А.Н. Скалозубовой-Голяновской, работала библиотекарем опорного пункта.

Любовь к живописи она пронесла через всю жизнь. Не имея профессионального образования, она никогда не расставалась с кистью

и карандашом. Уже в преклонном возрасте в Самарово с увлечением занималась живописью: писала пейзажи, портреты.

Ариадна Николаевна Голяновская родилась в 1897 г. В годы Первой мировой войны работала сестрой милосердия Западно-Сибирского врачебного полевого отряда.

В 1921–1922 гг. училась в Москве на Высших сельскохозяйственных курсах; с 1922 по 1927 год — в сельхозакадемии им. К.А. Тимирязева, после окончания которой работала практиканткой на опытном поле сельхозакадемии. В 1930–1932 гг. стала ассистентом Зернового института, а в 1932–1939 гг. — старшим научным сотрудником Всесоюзного научно-исследовательского института удобрений и агропочвоведения (ВИУА).

В начале 1930-х годов в Ханты-Мансийском (тогда Остяко-Вогульском) национальном округе начали развивать сельское хозяйство, в том числе земледелие. Открыли 28 марта 1933 года Остяко-Вогульский опорный сельскохозяйственный пункт, расположенный вблизи старинного Самарова на берегу Иртыша.

В 1937 г. по направлению ВИУА с заданием «выяснить причины низкого плодородия на Остяко-Вогульском опытном пункте» Ариадна Николаевна из Москвы переезжает в Остяко-Вогульск. Вместе с ней едет и ее мать Ариадна Васильевна Скалозубова. До сентября 1941 г. Ариадна Николаевна работала заведующей отделом полеводства, а с начала Отечественной войны стала директором опорного пункта.

Уже в 1941 г. пункт пережил суровые испытания. Наводнение на реках Сибири в этот год было необычайно высоким и длительным. Сена для скота почти не заготовили, а впереди была долгая таежная зима. Чтобы спасти скот, Ариадна Николаевна организовала специальный обоз, который рубил тальник в пойме Иртыша, с него снимали кору и ею кормили скот. На этой работе были заняты взрослые и дети. поголовье скота было спасено. Ариадна Николаевна заботилась о коллективе научных сотрудников, рабочих и их детях. Ею была создана молочная ферма при опорном пункте и заложен участок плодово-ягодных культур.

В годы войны Ариадну Николаевну не миновали потери. Ее муж Карл Карлович Голяновский находился в трудовой армии, в 1944 г.

возвращался домой и умер на пристани в Тюмени от аппендицита. Погиб младший сын Гайавата...

Ариадна Николаевна была духовно близким человеком для своей матери, которая писала ей письма до самой своей кончины, вникая во все подробности профессиональной и личной жизни дочери.

Агрономом была еще одна дочь Ариадны Васильевны Скалозубовой — Анна Николаевна (1902–1970). Она родилась в Тобольске, в 1906 г. уехала с семьей в Кострому, где училась в школе толстовца П.И. Бирюкова. В 1912 году Н.Л. Скалозубов переехал в Курган. Дочерей — Надежду, Анну и Людмилу — он устроил учиться в Тюменское коммерческое училище Колокольниковых. Девочки жили в доме учительница Анны Петровны Шалашниковой в Затюменке. В 1920 г. Анна уехала из Тюмени в Кострому к матери, так и не окончив коммерческое училище, которое закрылось осенью 1919 г. Она поступила в Москве на Высшие сельскохозяйственные курсы, а потом в сельскохозяйственную академию, где специализировалась по селекции гороха у одного из первых селекционеров России С.И. Жегалова.

Незадолго до окончания академии Анна вышла замуж за студента-мелиоратора В.Н. Порядина, родом из Якутии, и уехала с ним туда на работу. Она была одним из организаторов в Якутии сельскохозяйственной опытной станции в селе Покровском под Якутском и пионером селекции зерновых хлебов в этой республике. За годы работы Анны Николаевны в Якутии посевы пшеницы увеличились в двадцать раз.

В Якутии у Анны Николаевны родилось трое детей: Лев, Том и Ким. В 1940 г., после смерти мужа, директора опытной станции, Анна Николаевна уехала в Москву. Ее направили в Рязанскую область на Спасский сортоиспытательный участок. Здесь в возрасте семи лет умер Ким.

Началась война, и осенью 1941 г. Анну Николаевну отправили в г. Тулун Иркутской области на опытную станцию, созданную в 1913 г. известным селекционером В.Е. Писаревым. На Тулунской опытной станции А.Н. Скалозубова занималась селекцией и семеноводством яровой пшеницы. В 1949 г. со своим вторым мужем И.С. Шелухиным она уезжает в Челябинск, а оттуда — на Курганскую опытную станцию, которую открыли возле Шадринска на опытном поле, созданном по идее ее отца Н.Л. Скалозубова в 1912 г.

В начале 1950-х годов Ариадна Васильевна Скалозубова переехала к своей дочери Анне Николаевне на опытную станции в г. Шадринск (с. Оленево), где и умерла в июне 1955 г. в возрасте 85 лет. Похоронена на местном кладбище.

В последние годы жизни Ариадна Васильевна работала над мемуарами о своей молодости, отце, его друзьях-художниках, о Николае Лукиче Скалозубове. Ее знакомый В.Д. Бонч-Бруевич, известный революционер и соратник В.И. Ленина, обещал помочь в издании мемуаров, но умер. Пока рукопись возвращалась в Шадринск, умерла и Ариадна Васильевна, на сорок лет пережив своего мужа...

«Питательной средой» для публикации в сегодняшнем «Подорожнике», как и в предыдущем десятом, стал фонд Скалозубовых в Государственном музее Природы и Человека в Ханты-Мансийске, образованный недавно благодаря поступлению большого количества документов от жителя Тверской области Евгения Ильича Пискунова, родственника Скалозубовых. Мы воспроизводим часть переписки между А.В. Скалозубовой и А.Н. Голяновской. Период 1946–1951 гг. представлен письмами только А.А. Голяновской, а 1953–1954 — только А.В. Скалозубовой. В этом диалоге раскрываются разные стороны общественной и частной жизни, характерные для послевоенного времени с его напряженным трудом, скудостью питания, недостатком теплой одежды и обуви, заботами о заработке, возврате долгов, лечении, отоплении квартир и пр. В письмах также содержатся важные для биографа сведения о членах семьи и лицах из ее близкого окружения, о сотрудниках Ханты-Мансийского опорного пункта.

А.Н. Голяновская писала матери в дни длительных командировок из Москвы либо из санаториев, где проводила отпуска, а А.В. Скалозубова — из Курганской области.

В упомянутом фонде хранятся также письма дочерей А.В. и Н.Л. Скалозубовых Надежды, Анны и Людмилы. У редакции был замысел представить переписку матери с дочерьми во всей возможной полноте, но этого сделать не удалось из-за ограниченности времени на подготовку настоящего выпуска. Надеемся, что это станет возможным позднее.

А.Н. Голяновская — А.В. Скалозубовой

1946 г., 1 сентября

г. Сочи

Дорогая мама! Как живете — не представляю. Не знаю, успела ли уехать на экзамены в техникум Таня?¹

Я в Сочи отдыхаю и лечусь. Условия хорошие, только питание почти без жиров, сугубо овощное, но вкусное. Если бы были деньги, нужно бы было масла подкупить, но их нет и не знаю, когда получу. В крайнем случае на днях продам юбку.

У Виктора² прожила месяц, все время были в командировке, так что мало виделись. Об Антоне³ расскажу, когда приеду. Он очень сильно изменился к худшему. По существу он беспризорен, а детсад плохой. Очень недисциплинирован, упрям, капризен. Питается дома без всякой системы. Малышу создали маломальские условия, а Антону, как взрослым, что достанется.

Если бы я представляла, что делается у нас? Живет ли Дуся?⁴ Как [1 *нрзб.*] осталась ли Ольга Венедиктовна?⁵ Как твое здоровье? Я бы привезла его [Антон] обратно, но им надо серьезно заниматься, чтобы исправить и направить его. В комнате угловой зимой не бывает выше 7°, а на полу мерзнет вода, фундамент отошел и треснул... Денег в обрез у них, пайка Виктора до конца месяца на семью не хватает, жиров мало. Овощей я в Москве не видала на столе вдоволь. Картофель покупали от 15 р. до 7 р. за кило, огурцы 15 р., помидоры от 45 до 25 руб., мясо 70—120 кило, масло 200 р., коробка консервов 80 р. (как у нас давали), яблоки 3—6 р. штука, вот и покушай фруктов. Здесь, в Сочи, продукты также дороги, но фрукты дешевые: яблоки 7—15 р., груши 15 р., виноград 25 р., арбуз 5—10 р.

¹ Кузнецова Татьяна Георгиевна (1929–2005), приемная дочь А.Н. Голяновской. Училась в Тюменском сельскохозяйственном техникуме.

² Голяновский Виктор Карлович, сын Ариадны Николаевны и Карла Карловича Голяновских. Участник Великой Отечественной войны. В послевоенные годы получил ученую степень кандидата военных наук, преподавал в одной из военных академий в Москве.

³ Сын Н.В. и В.К. Голяновских, внук А.Н. Голяновской. Некоторое время жил в Ханты-Мансийске.

⁴ По-видимому, домработница А.Н. Голяновской.

⁵ Возможно, сотрудница Ханты-Мансийского опорного пункта.

Об Антоне договорюсь с Виктором после возвращения из Сочи. Надя⁶ у них пожила неделю, поссорилась с Ниной⁷ и совсем испортила отношения с ними, бог знает, что наговорила. Разве можно ей было с ее характером превратиться в домохозяйку в доме, где всего в обрез и даже не хватает. Я, например, тоже не могла бы жить, не работая, бес- сильная что-то изменить и помочь <...>.

Сомнение у меня в том, что меня хотели опять отозвать на зиму для подготовки диссертации, однако я, пожалуй, откажусь из-за здо- ровья. Что-то неладно у меня с центральной нервной системой. Яв- ление двоения предметов, оказывается, не из-за болезни глаз, а свя- зано с мозговыми явлениями. В Москве невропатолог, проверявший меня по требованию поликлиники для получения путевки, неожи- данно для меня обратил на это внимание и сказал, чтобы ехала в Сочи, полечилась, а после зашла к нему на заключение о состоянии здоровья и совет, как работать. Может быть, говорит, еще вопрос о временной инвалидности возникнет. Об этом ты не говори на пунк- те, на меня это очень подействовало, и я часто возвращаюсь к этому новому для меня вопросу.

Ехать в Москву я не имею желания, очень нервная обстановка в учреждениях и везде, мне не под силу в нее включаться, на пункте я привыкла и будет легче работать, и питание будет более нормальным, чем в Москве.

Из одежды мне ничего не удастся приобрести, если не пришлют до- статочно денег <...>. Если получишь письмо до 25/IX, сообрази послать рублей 500, я закуплю тогда все, что нужно. Если нельзя, не придавай этому значения, как-нибудь обойдемся. Мне очень дорого стоило про- питаться в Москве, пришлось покупать на рынке и пользоваться ком- мерческими столовыми и закулочными, чтобы не потерять сил.

⁶ Скалзубова Надежда Николаевна (1899—ок. 1991), дочь А.В. и Н.Л. Скал- зубовых. По профессии — библиотекарь. Жила в Москве. Некоторое вре- мя работала в Детгиздате, с 1947 г. несколько десятилетий — в научной библиотеке Московского государственного университета.

⁷ Голяновская (урож. Фаворова) Нина Владимировна, жена В.К. Голяновско- го. По свидетельству Е.И. Пискунова, работала в одном из московских НИИ, в военные 1940-е годы находилась в одном из партизанских отря- дов, по-видимому, в должности медсестры.

Я была у Маргар[иты] Владим[ировны]⁸, она мне давала советы насчет морской капусты и бессмертников, привезу тебе. По делам пойду после Сочи. Не представляю себе, какие возможности есть к твоему переезду, по-моему, невозможно одной жить, с Надей еще мучительнее, а у Виктора нечего и думать. Поживем с тобой еще годик в моих любимых Хантах, а там будет видно. Ну пока, целую. Будь аккуратнее со своим здоровьем. На будущий год, может быть, вместе выедем на какой-нибудь курорт. Я собираюсь с последними пароходами выезжать на курортное лечение. Теперь уж придется себя поддерживать, пока еще не поздно.

Целую.

Арюша.

А.Н. Голяновская — А.В. Скалозубовой

1946 г., 26 ноября

[г. Москва]

Дорогая мама!

Очень прошу тебя продержаться без меня с честью. Береги здоровье ради всех нас. Я постараюсь поставленную перед собою задачу — защиту диссертации — выполнить во что бы то ни стало. Это нужно и материально, и морально.

Никто мне не пишет, стало быть, забыли. Скоро, скоро же это случилось. А здесь собираются со мною вернуться старые работники. Новое оборудование будет закуплено очень ценное. Только бы все остались здоровы. Таня заболела цингой. Я ее начала поддерживать. Напиши подробнее хоть ты, что делается и чем живет пункт.

Целую.

Ариадна.

Всем не забывшим меня привет.

⁸ Рокотова-Ямщикова Маргарита Владимировна (1872–1959), детская писательница и мемуаристка, публиковавшая свои сочинения под псевдонимом «Ал. Алтаев», подруга А.В. Скалозубовой, с которой училась в рисовальной школе Общества поощрения художеств в Петербурге.

«Ни о ком так не думается, как о тебе»

А.Н. Голяновская — А.В. Скалозубовой

1946 г., 5 декабря

Дорогая моя старушка-мать!

Как живете с Дусей? Не балуете меня письмами. Что делается на опорном? Все молчат. Я работаю в фундаментальной библиотеке. Тебе кланяются Александра Павловна, Александра Ивановна Кузьмина. Ну, если бы ты была там, у меня бы на 10%, по крайней мере, сократились затраты времени. Долго копаюсь по каталогам, а библиотекари сейчас нас, читателей, не балуют. Жить трудно, сижу в долгах, но работаю упорно, стараюсь не останавливать внимание на своих невзгодах. Целую.

Ариадна.

Всем привет.

А.Н. Голяновская — А.В. Скалозубовой

1946 г., 19 декабря

г. Москва

Дорогая мама!

Очень беспокоилась о тебе, пока не получила письмо. Все молчат, и ты молчишь, стала думать, что с тобою что-нибудь случилось. Завтра постараюсь увидеть Замошкина⁹, и придется попросить денежную помощь для тебя. Я категорически протестую против твоей службы. Нельзя выходить из дома тебе в морозы. Марг[арита] Влад[имировна] вышла в кино и заболела воспалением легких, сейчас еще не поправилась. Шутить с огнем нельзя в твои годы.

Прочитала твои письма Марг[арите] Влад[имировне]. Не знаю, насколько ты объективно написала там об обстановке на опорном. Знаю, что тебя она волнует, но ничего не могу быстро помочь, чтоб как-нибудь ее изменить отсюда. Напрасно ты присутствуешь на собраниях, только себя расстраиваешь. Я близко к сердцу не хочу принимать то, о чем ты пишешь, т.к. этого человека знаю и не уважаю. От него можно ожидать все что угодно,

⁹ Замошкин Александр Иванович (1899–1977), искусствовед, художник, заслуженный деятель искусств РСФСР, член-корреспондент Академии художеств СССР. С 1931 г. работал в Третьяковской галерее, в 1941–1951 гг. — ее директор. Был начальником эшелона, на котором отправлялись в начале войны в Новосибирск экспонаты всех московских музеев. В 1954–1961 гг. — директор музея изобразительных искусств им. Пушкина.

этим он и питает свою жизнь, свою душу и ум. Черт с ним, как-нибудь я распутаюсь, не буду работать под его «руководством». В крайнем случае придется расстаться с пунктом, что мне будет очень тяжело, но не все зависит ведь от наших желаний. Пока давай не будем об этом думать. Ты сохрани свое здоровье для себя, для нас, я подквалифицируюсь, тем улучшится и материальное положение, и авторитет. Вот так и договоримся. Русские мы женщины, а я еще к тому же и сибирячка, упрямая и настойчивая. Не люблю оставлять дело на полдороге. Зоя Ив.¹⁰ опять собирается к нам вернуться и возглавить элитное хозяйство. Шувалов¹¹ тоже, но его не хочет Парфенов¹², а ждать моего возвращения он не сможет.

Картофель и овощи понемногу продавайте, чтобы не нуждаться в деньгах, пока тебе не переведут ссуду. Вообще я рада, что к весне мы будем с картофелем, надо будет и Зою Ивановну обеспечить и питанием, и на посадку. Мне хотелось бы поросенка завести вместе с З. Ив. Поговори с Дусей, посоветуйся, как это сделать. Она хоть эту скотинку не любит, но пусть уж для меня потерпит. Я не могу без мяса — горе ведь со мною. Здесь за эти месяцы я сильно истощаю, как в Самарове говорят. Посоветуйтесь с Черепановым¹³ или Текутьевым¹⁴, как это животное достать.

¹⁰ Сосновская Зоя Ивановна (1905—после 1973), агроном. С 1940 г. работала на Ханты-Мансийском опорном пункте Наркомзема, в военные годы проводила опытные работы в колхозах Микояновского района, позднее завела элитно-семеноводческим хозяйством опорного пункта.

¹¹ Шувалов Виктор Максимович (1899—после 1974), агроном. Начиная с 1934 г. более 20 лет проработал в Остяко-Вогульске (Ханты-Мансийске) научным сотрудником опорного пункта, главным агрономом Самаровского района, старшим научным сотрудником опытной сельскохозяйственной станции. Проводил исследования в области овощеводства.

¹² Парфенов Иван Дмитриевич (1904—?), зоотехник. В 1936–1941 гг. — главный зоотехник Остяко-Вогульского окружного земельного управления, в 1941–43 гг. — зав. Ларьякским райзо, в 1943–1944-м — инструктор окружка ВКП(б), в 1944–1946 гг. — зам. заведующего отделом животноводства Тюменского обкома партии. В августе 1946—апреле 1947-го — директор опорного пункта в Ханты-Мансийске.

¹³ П.Г. Черепанов заведовал хозяйством Ханты-Мансийского опорного пункта.

¹⁴ Текутьев Александр Яковлевич (1925—?), агроном. С 1950 г. — научный сотрудник Ханты-Мансийской опытной сельскохозяйственной станции, затем — Кондинского опорного пункта. Исследовал возможности выращивания плодово-ягодных культур на Севере, популяризировал садоводство.

Интересно, сколько стоит картофель на базаре, здесь я покупаю по 10 руб. за кило, мясо — 70—90 руб. кило — кусается. Растительное масло 140 р. кило, топленое — 180—190, сливочное — 200—220 р. В кармане вошь на аркане, и не только у меня.

<...>

Мама, я прошу выслать мне кое-какие вещи для диссертации, спроси Анну Вас[ильевну]¹⁵, послала ли она. Если ей Парфенов не разрешил, то дай мне об этом телеграмму. Узнай также у Муцинек¹⁶ про мои финансовые дела, я не получала зарплату за сентябрь даже, и почему-то мне выслали только 1606 руб., а я уже заняла на прожиток за это время 3000 руб. у разных лиц. Пришлось купить галоши за 300 руб., за ремонт, вернее, перекладку печи заплатить 600 рублей, печку-антрацитку купила за 150 руб., может быть, достану антрациту и улучшу дело с отоплением. Прожиточный минимум очень велик здесь, если нет запасов, а их нет ни у меня, ни у Виктора.

Что там опорный со мною мудрит, какие-нибудь начеты на меня сделали, узнай, я попрошу директора института, чтобы, пока я здесь, с меня не вычитали. Узнай поспокойнее у Муцинек и напиши тотчас же или лучше даже телеграфируй. Перевод 1606 р. я тоже еще не получила, искажена фамилия. Об этом я сообщила опорному, а до меня почта сообщила — и никакого эффекта. Вот спокойные люди, только за себя.

Я очень тужу об отсутствии валенок, мерзну в квартире, кричусь на улице. Хорошо бы их выслать сюда, но они лежат в комодe, а ключ я не помню куда девала. Ломать замок не надо, может быть, подберете, попросите Черепанова помочь в этом деле. Шубу не посылай — громоздко, а черное драповое пальто желательно переслать. Если не будет okazji в Москву, то попроси Черепанова через окрsvязь посылку устроить, это можно как исключение. Неплохо бы скатать новые валенки из нашей шерсти, а то мои старые-то уж на пятках тонкие стали, не выдержат здесь в поездках. Опять же попроси в этом содействия у Черепанова.

¹⁵ Корепанова Анна Васильевна (род. 1921), агроном. С 1944 г. в течение нескольких десятилетий — научный сотрудник Ханты-Мансийской опытной станции, была зам. директора по научной работе. Вывела сорт картофеля «Ханты-Мансийский», районированный по округу в 1962 г. Исследовала возможности тепличного овощеводства. Заслуженный агроном РСФСР, почетный житель г. Ханты-Мансийска.

¹⁶ Муценек Мария Карловна, бухгалтер Ханты-Мансийского опорного пункта.

Телеграфируй, получаешь ли мою литерную карточку, а то ни я, ни ты если не получаем, то жалко, что она пропадает. Когда будет телиться корова? Кормите нашу кормилицу получше. Если ты будешь здорова, то я Антона привезу с собою, он собирается. Разболтался он здесь — сил нет. Нина не умеет воспитывать, а Полина Серг.¹⁷ еще хуже. Ты его просто не узнаешь. Антона придется в раскопках прежнего искать, придется опять над ним потрудиться. Я уж на тебя надеюсь, что поможешь мне в этом. Жалко мальчишку, больно уж хороший был. Он и читать-то почти разучился, писать и не принимается никогда, болтается с «колеском» да в домино дуется с соседним парнишкой.

Тебе купила очки по твоему рецепту, краски подбираю, полотно со старых всяких этюдов привезу. Ты еще раз напиши, какие краски нужны тебе, я потеряла твою записку и покупаю наобум. Тюбик большой стоит 10 рублей.

Пишу, ожидаю Виктора, уже 2 часа ночи, нужно кончать. Мама, что это никто из сотрудников мне не отвечает на письма? Неужели я уж всем так насолила? Как стоит стол Лещенко¹⁸? Узнайте, как его продать, он просит поскорее, ему нужны деньги. Не портит ли его жилец? Шубу береги, я ее приобретаю себе и не люблю, чтобы ее надевали всякие люди, особенно [большой] Большаков¹⁹. Пусть казенные носят.

Целую.

Твоя Ариадна.

Мама, ты поаккуратнее, с Парфеновым не ссорься, как можно больше корректности проявляй, а что тебе нужно, обращай к нему, не стесняйся.

¹⁷ Теща В.К. Голяновского.

¹⁸ Лещенко Федор Киприянович (1905–?), кандидат сельскохозяйственных наук. С сентября 1939 г. до начала Великой Отечественной войны заведовал опорным пунктом в Остяко-Вогульске.

¹⁹ Большаков Сергей Иванович (1897–1958), агроном, кандидат сельскохозяйственных наук. С сентября 1942 по август 1947 г. — старший научный сотрудник НИИ полярного земледелия, животноводства и промыслового хозяйства в с. Самарово. С апреля 1956 по октябрь 1957 г. — зам. директора Ханты-Мансийской опытной станции по научной части.

А.Н. Голяновская — А.В. Скалозубовой

1946 г., 22 декабря

[г. Москва]

Дорогая мама!

Все еще я не могла тебе написать, не придавая значения этим мелочам. Но они тебя волнуют, поэтому специально решила сесть и черкнуть ответ.

Настольная лампа электр. принадлежит опорному пункту. Репродуктор-радио с заплаткой — мой собственный, его мне подарила Оносова Ида Ник. Провода от приемника мои, белянские шнуры и две штепсельные вилки. О каком выключателе идет речь, не понимаю. Лампа-молния лещенковская, я написала об этом Парфенову.

Тулуп принадлежит мне, стол его. Никакие поручения их принять за долги он и не думал делать. Он не понял назначение присланных ему денег, думал, что я ему переслала долг. Просила Марию Карловну точно выяснить, сколько ему выслано, и переведу на себя эти деньги. Ему посылали 2000 руб., а он получил только одну тысячу. Ну, это мы выясним. Ты не волнуйся.

Берегите с Дусей картофель от мороза. Что это делается у вас с квартирой? Обязательно достаньте железную печку. Попросите Черепанова помочь вам. Где же Текутьев? Только не волнуйся. Всеми мерами береги свое здоровье от простуды. Я надеюсь на Дусю, как на свою крепость.

У Замошкина еще не была, но вот-вот пойду. Ты предупреди соседа своего Кнутарева²⁰, что пользоваться настольной лампой нельзя (я ведь не пользовалась, так, для красоты она стояла), потому что монтер Гриша отвод для этой лампы сделал проводами для радио без изоляции, поэтому может их ток пробить и рискованно из-за пожара. Предупреди лучше Черепанова, а он пусть сам скажет. Вообще-то вы с Дусей будьте погостеприимнее к своему соседу-одиночке, холостяку. Мало ли что он про меня болтает, он ведь не знает меня, а настраивает-то его, наверное, Ив. Дим., взбалмошный человек. Сибиряки должны быть гостеприимными во всех случаях жизни, и я, как основная хозяйка дома — сибир-

²⁰ Кнутарев Иван Иванович (1900—?), агроном. В октябре 1946—сентябре 1947 г. — старший научный сотрудник Ханты-Мансийского опорного пункта, затем по 1949 г. — старший научный сотрудник опорного пункта в с. Леуши Кондинского района, где разработал агрокомплекс культуры лука.

рячка и прошу уважать мою просьбу, не ссориться и позаботиться о нем, как о своем госте. Как-нибудь уж исправьтесь с Дусей. Хочется приехать, чтобы люди улыбались, а не смотрели буками. Если он деловой человек, то общий язык, несомненно, мы найдем. Если неделовой, то ему и делать на опорном нечего. Кто его будет держать? Не сегодня, так завтра куда-нибудь переведут. Ну, конечно, это я пишу для тебя, ты не распространяйся об этом.

Ну, до свидания. Дусе привет.

Ариадна.

Что это случилось с нашей квартирой? Почему так холодно.

А.Н. Голяновская — А.В. Скалзубовой

1947 г., 14 января

[г. Москва]

Дорогая мама!

Давно не получала от тебя писем, очень беспокоюсь за твое здоровье. Пожалуйста, пиши, не дожидаясь моих писем.

Я здорова, устала порядочно. Питаюсь неважно, хотя и дорого все мне обходится. Картофель 10–12 рублей кило уже покупать приходится. Как-нибудь дотянуть хочется. Вероятно, на днях мне присвоят звание старшего научного сотрудника, значит, освободят от испытания аспирантских экзаменов.

Могла бы получить literное питание. Если можно обойтись без моей literной карточки, то сдай ее и пришли мне с теми, кто поедет на конференцию (лучше с Вашкевичем²¹), справку официальную от торгового отдела, что я не пользуюсь literным снабжением. Я получу здесь, когда буду в Ленинграде... Мама, ты занимай молоко в том количестве, чтобы тебе хватило как следует питаться, потом отдадим, когда корова отелится. Вообще продай что-нибудь, если деньги понадобятся. Я еще не смогла тебе достать денежное пособие, потому что Замошкин уехал в

²¹ Вашкевич Федор Владимирович (1906—после 1948), зоотехник. В 1927—1934 гг. работал в Обдорске. В 1934—1936 гг. заведовал зооветпунктом Казымской культбазы, изучал особенности таежного оленеводства. В 1936—1942 гг. и после демобилизации из армии по 1948 г. — старший научный сотрудник Ханты-Мансийского опорного пункта. Занимался улучшением помесного и чистопородного холмогорского скота, изучал возможности повышения урожайности естественных лугов.

Вену. На днях буду пытаться увидеть Леонова²². Неужели мы с тобой не пробьемся как-нибудь? Уж ты, пожалуйста, постарайся сохранить здоровье. Кроватку Антона, конечно, продай. Продавайте понемножку овощи, а то они испортятся до весны, картошку — столько, чтобы купить себе жиры и сахар.

Надя опять ушла с работы, ходит часто ко мне подкормиться. Просится в Самарово, но я ее не обнадеживаю. Я не могу, мама, с ней жить. У меня все же нервишки стали никуда, и ее психопатическое состояние действует на меня очень сильно. После некоторых ее посещений я совершенно разбитый человек. Я ей ничего не говорю, но ее бесконечные нападки и пересуды на все лады невыносимы, я терплю, ее жалея, но это просто какой-то ад с ней жить. Человек не понимает, что люди, ее окружающие, уже не те здоровые и спокойные, а пережившие тяжелые травмы. Нужно бы ей хорошо это уяснить себе и резко перемениться, ведь впереди у нее старость, значит, нужно с кем-то кооперироваться. Кто же будет этот обреченный человек? Молю Бога, чтобы меня миновала эта судьба. Не могу, мама. Устала я уравнивать других людей, что-то надтреснутое у меня в душе, хочется самой найти где-то покой, а пока не видно, где голову придется приклонить. У Виктора семья, с Ниной мы люди все же чужие, и жить я не предполагаю вместе, разные мы. Не хочется разладов, их и нет, пока живем отдельно. С Виктором я близка и хочу эту теплоту сохранить. Мы друг друга без слов хорошо понимаем. Пока будем коротать жизнь, мама, с тобой, береги себя. Хочется иметь возможность с Нюсей²³ поближе быть. Не знаю, имеет ли она такое желание. Людмилу²⁴ жалею, но жить с ней тоже не могу, что-то мешает.

²² Леонов Алексей Иванович, искусствовед. В 1950-е годы работал в редакции журнала «Искусство». А.В. Скалозубова передавала ему этюды отца в период его работы над творческой биографией В.М. Максимова.

²³ Скалозубова Анна Николаевна (1902—1970), дочь А.В. и Н.Л. Скалозубовых. Заслуженный агроном РСФСР, селекционер, автор многих сортов яровых пшениц. Работала в Якутии, Курганской и Новосибирской областях. Автор книг «Хлебные злаки Якутского округа» (Л., 1930), и (в соавторстве с И.С. Шелухиным) «Особенности земледелия в северной Кулунде» (Новосибирск, 1971).

²⁴ Багаева Людмила Николаевна (1906—после 1983), дочь А.В. и Н.Л. Скалозубовых. Окончила Ленинградский университет, биолог. В 1942—1948 гг. работала техником по овощеводству и младшим научным сотрудником Ханты-Мансийского опорного пункта. Преподавала биологию и химию в

Очень дорожу дружбой с Зоей Ивановной, она мне просто очень дорога, и мы друг к другу привязаны. Обе очень скупы на излияния и объяснения друг другу в чувствах. Но без слов чувствуем, что близки, настоящие друзья, хотя и разные по типу люди. Сейчас, когда она приедет (если все случится так, как мы предполагаем), нужно ей помочь встать на ноги. Так что при расчете на картошку считайте с Дусей, что прибавится в нашей семье З. Ив., Антон (вероятно) и, может быть, еще кое-кто.

Ты интересовалась, где я живу. В комнате Ам. Карл. Отопление в основном — керосинка. Голова болит от нее. На полу мерзнет вода, когда на улице ниже минус 15 градусов.

Марг. Влад. еще продолжает болеть, больше к ней не хожу, т.к. Людм. Андреевна²⁵ очень нервно настроена и не любит посещений. «Памятные встречи»²⁶ вышли сигнальным номером. Привезу тебе, если достану.

Мама, ты будь спокойнее и не ввязывайся в разные разговоры по служебным вопросам на опорном [пункте]. Все успокоится, когда начнем работать. Все устроится, несомненно, неплохо, или мы с тобой уедем в другое место, в ту же Москву. Тебе, наверное, этот вариант наиболее привлекателен кажется. Антон тебе написал письмо, собирается со мною ехать, не знаю, отпустят ли его родители. Думаю, что на лето отпустят.

Неужели у вас взяли печку-железку? Потому и холодно, нужно достать железку обязательно.

Ты не удивляйся, что мысли опять возвращаются к вашему житью. На меня ужасное впечатление произвело письмо к Марг. Влад., где ты пишешь, что температура в вашей квартире 8 градусов. Примите меры с Дусей, чтобы этого не было.

Дусе мое низжайшее почтение. Пусть пишет, меня очень успокаивают ее каракульки.

Дочь Ариадна.

Послала ли Анна Васильевна отчеты и метеосведения, которые я запросила у нее? Пусть пошлет обязательно авиапочтой.

Рукописный отчет за 1932 год.

школах Москвы, Калининской и Вологодской областей, Тюмени, Нижневартовска, Сургута, Нижней Туры Свердловской области.

²⁵ Дочь М.В. Рокотовой-Ямщиковой.

²⁶ Алтаев Ал. *Памятные встречи.* — М., 1957. — 421 с. (Серия литературных мемуаров).

Машинописный за 1940.

Метеорологические таблицы за 1939, 1940, 1941, 42, 43, 44 и 45 годы и дневник записи наблюдений по динамике созревания зерна за 1945 год. Пожалуйста, попроси ее выполнить мою просьбу...

А.Н. Голяновская — А.В. Скалозубовой

1947 г., 24 января

[г. Москва]

Дорогая мама!

Что же ты молчишь? Я беспокоюсь, не заболела ли ты. Берегись получше. Скоро опять будем вместе жить. Я соскучилась по нашему совместному житью, поустила заниматься кабинетной работой. Скоро кончу диссертацию. От экзаменов меня освободили, это уже большое достижение в моем деле. Целую тебя и Дусю.

Ариадна.

А.Н. Голяновская — А.В. Скалозубовой

1947 г., 27 января

[г. Москва]

Дорогая мама!

Как здоровье? Сообщай время от времени. У меня самое горячее время наступило. Устаю изрядно, но не унываю. Надо достичь поставленной задачи, как бы она трудна ни была. Зоя Ивановна придет раньше меня, тебе будет уже повеселей. Виктора Максимовича просила к тебе забегать почаще.

У меня еще стряслась беда — украли деньги 200 руб., паспорт, командировочное удостоверение в трамвае, когда везла бумагу для опорного. Жулья здесь — пруд пруди. Расстегнули [*нрзб.*] и вытащили так, что я и не заметила. Теперь еще приходится тратить время на оформление нового паспорта. Что поделаешь? Сейчас не имею ни копейки, хотелось послать тебе лимонов. Может быть, послезавтра достану и пошлю тебе этот подарок. Или уж с Зоей Ивановной.

Надя еще до сих пор не работает, изредка приходит ко мне подкормиться и за деньгами. От Людмилы получаю какие-то нечленораздельные письма, не могу понять ее намерений. Куда-то собирается переселиться. Нюся в Челябинске в каком-то Бикшиле. От Тани давно нет

писем, ей несладко живется, а помочь пока не могу. Виктор сейчас в лагерях, мы одни женщины в квартире. Была у Леонова, он хочет послать в окрисполком письмо, чтобы тебе уделили внимание, очень любезен. Марг. Влад., кажется, поправляется. Ходить к ним боюсь. Людм. Андр., как ведьма, сердится, не любит приходящих к матери. По телефону нельзя узнать, тоже их беспокоят звонки.

Ну, пока, до скорого свидания. Дусе привет, жду от нее письма.

Ариадна.

А.Н. Голяновская — А.В. Скалозубовой

1949 г., 10 марта

г. Москва

Дорогая мама!

Немного я прихворнула, приходится отсидеться дома, вот и расписалась, нарушая свои сквернейшие привычки. Болею гриппом с ангиной, дань Москве отдаю. Здесь температура на улице все около нуля, зимы почти и не видали москвичи. Но уж гриппа насмотрелись вдвоём, ну и сибирякам достается.

По твоим поручениям сходить еще не успела никуда. Только отдала в окантовку твои этюды, но денег нет их выкупить. У Нади была в тот день, когда к ней собрались ее сослуживцы, выпили, поговорили. Они мне очень понравились <...> Надя перевыполняет нормы, но иногда с ней бывают взбрыки, но пока ее терпят. Видимо, терпимые случаи. Сейчас она носится с новой болезнью — аскариды у нее. В общем, хорошо, что она в библиотеке, ее там переделают. Она занимается политграммой.

Были мы с Антоном в Третьяковской галерее, не успели все посмотреть толком, Антон устал, и ему стало все неинтересно. Я довольно хорошо припомнила, посмотрев старых художников, а по новым прошла поверх глазами. Произвела впечатление картина большая — смерть героя. Я не нахожу, что новые картины плохи, хотя не могу и утверждать другое, потому что пробежала эти залы. Но как-то странно в музыке и живописи: то признается больше из сюжетов, что привлекается из дымки далеких времен. Не может же быть, чтобы все многочисленные художники современные были шкурники и писали тенденциозные вещи, я не допускаю такого плохого мнения о людях, тем более одаренных. Может быть, и есть такие, вот и надо посмот-

реть, где они в этих залах, а не наоборот, как теперь принято у некоторых людей делать.

Виктор из-за меня не поехал в дом отдыха, а проводит отпуск дома. У них болел Женя²⁷ скарлатиной с осложнениями — воспалением среднего уха обеих ушей. Недавно только выписался из больницы, сначала был прямо какой-то ненормальный. Сейчас уже все в порядке, носится, шалит, шумит. Антон учится хорошо. Посерьезнел. Нина работает неплохо. В общем, в семье у них стало лучше. Мать с ними не живет. Держат они домработницу, девочку 16 лет, довольно бестолковую, но, во всяком случае, все у них спокойнее получается. Материально только концы с концами сводят, жизнь дорогая, хотя все есть.

В министерстве в коридоре встретила Шелухина И.С.²⁸, голова забинтована, без воротничка и галстука, с расстегнутой верхней пуговицей рубашки. Только что приехал, болен экземой, в поликлинике его забинтовали, но почему без воротничка и галстука он очутился, мне так и непонятно. Показался мне каким-то ненормальным немножко. Спросила, как у них дела. Оказывается, были нападки на него за зажим самокритики, пропечатали его в челябинской областной газете в подвале. Как-то он несерьезно об этом говорил, не поймешь, в чем дело. Да и времени у меня не было, чтобы потолковать с ним, спешила домой, как раз затемпературила сильно и нужно было лежать. Поняла, что экзема у него нервного происхождения, ехал он в Пятигорск. В общем, он каждый год на курорте, а Нюсе все не попадает случай хоть раз себя подремонтировать после стольких лет тяжелой работы. Не нравится мне этот Шелухин. Но вот ведь притча, сказал бы Черепанов: выбирают-то жены, а не кто-нибудь. Поэтому надо ретироваться.

Проверь, мама, если не послали деньги Тане, то попроси ей перевести 250 рублей поскорее. Тюмень, ул. Республики, 7, сельхозтехникум, студентке 2-го курса Кузнецовой Т.Г. Вот так. Как моя компаньонка по плодовому саду? Пусть учит лучше плодоводство. Я понакупила много

²⁷ Голяновский Евгений Викторович, сын Н.В. и В.К. Голяновских, внук А.Н. Голяновской.

²⁸ Шелухин Иван Спиридонович, научный сотрудник Курганской опытной сельскохозяйственной станции, муж Анны Николаевны Скалозубовой. Автор книг «Николай Лукич Скалозубов» (Новосибирск, 1961) и «Анна Скалозубова: Жизнь и деятельность сибирского селекционера» (Новосибирск, 1976). Заслуженный агроном РСФСР.

новых книг для библиотеки по цветоводству и плодоводству. Я не отступлюсь от этого.

Я все деньги истратила, купила себе обуви и кое-что из одежды и сию, как дуреха, без денег, да еще больная. Буквально без копейки. Ну ничего, это немного сэкономит мои средства. Когда это письмо дойдет, ты получишь телеграмму, что я здорова, поэтому я и распоясалась, расписываю, что хвораю. Обидно, что не могу посетить многие интересные места из-за этой хвори...

Привет Дусе.

Арюша.

А.Н. Голяновская — А.В. Скалзубовой

1949 г., 20 августа

Дорогая мама!

Почему не сообщаем о здоровье? Вероятно, не очень-то хорошо себя чувствуешь после поездки. Такие впечатления не остаются бесследными, хотя и кажется, что на них энергия не затрачивается.

Письмо Горюнову с биографией послала. Смогу ли его увидеть, не знаю. Времени у меня будет очень мало быть в Москве.

Здоровье мое было расстроено до некуда. Трудно поправляться. Сердце улучшилось, но нервная система по-прежнему еще далека до нормы. Плохо сплю, нужно изменить условия, а это сейчас здесь трудно выполнить. Санатории переполнены, а курсовка — это коммерческое предприятие. Весь спрос на них был удовлетворен, в результате чего курсовочки размещены в каждой дыре, никто ими не интересуется, каждый предоставлен самому себе устраиваться. Взятки на каждом шагу. Ничего без денег не делается. Понаехало откуда-то мешанской буржуазии, что диву даешься, где же они размещаются в советском обществе. Тучные свиньи, их бы послать куда-нибудь на уборочную или копать каналы, чтобы уменьшить вес. А они ходят на горки, сидят в ваннах и получают разгрузочные дни, в которые лежат, и их жизнь поддерживают шестью стаканами обезжиренной простокваши. Кому надо лечиться, тот сюда с трудом попадает, а эти едут сюда со всеми семьями, грудой чемоданов без всяких путевок и устраиваются так, как им хочется. Откуда у них деньги — это известно только им. Из-за скопления такого народа мы, обыкновенные трудя-

«Ни о ком так не думается, как о тебе»

щиеся, теряемся, никто нас не замечает. На курсовочников смотрят, как на бездельников. Это, конечно, относится к месяцам июлю и августу. Так и говорят, что в эти месяцы можно нормально лечиться только в санаториях. А я опоздала, и мою путевку продали, дали курсовку. Вот мне и довелось познакомиться с такими типами, которых я в жизни не видела, а только на картинках в «Крокодиле».

Приеду не позднее 15 сентября.

Целую.

Ариадна.

А.Н. Голяновская — А.В. Скалозубовой

1951 г., 12 февраля

[г. Ленинград]

Дорогая мама!

Как себя чувствуешь? У меня дела складываются иначе, чем я намечала. Пока еще не в отпуске. В Ленинграде утрясаю дела со станцией. Завтра выезжаю в Москву.

Пока еще ничего не сделала с картинами Ив[ана] Мих[айловича]²⁹, кроме того, что сообщила о них Марг. Влад. Виделась с Иваном Спиридоновичем. Вместе с ним собираемся заняться этими картинами. Я жила половину у Нади, половину времени у Виктора.

Виктор, вероятно, будет работать в Москве. Сейчас он держит экзамены в адъюнктуру. В Ленинграде живу в самом институте, просто в кабинете у зам. директора. Нет мест в гостиницах.

Сегодня воскресенье, может быть, забегу к Михаилу Алексеевичу³⁰.

²⁹ Конев Иван Михайлович, художник, уроженец Ханты-Мансийского автономного округа. В предвоенные годы учился в Ленинграде в Академии художеств. Участник Великой Отечественной войны. В 1945–1946 гг. преподавал рисование в Ханты-Мансийском педагогическом училище. В 1954 г. окружным краеведческим музеем приобретены его работы «В новом доме», «Выкуп аманатов», «Далекое прошлое народов Севера» (ГА ХМАО. Ф. 174. Оп. 1 Д. 4а). В этом же году по итогам 2-й окружной выставки образительного и прикладного искусства получил первую премию за картины «После дымного чума в новом доме», «Прошлое народов ханты» и «Морозным утром». См. о нем ст. Н.В. Сухоруковой «Иван Конев — художник из Ханты-Мансийска» на стр. 189.

³⁰ Сергеев М.А., сибирский ученый, друг семьи Скалозубовых.

Вышла книга Замошкина о Максимове³¹, я тебе ее вышлю из Москвы. Леоновская³² выйдет только в мае или еще позже.

Сейчас собираюсь пойти в магазины совершать покупки по твоему и Ив[ана] М[ихайловича] заказу.

Живите дружно с Таней. Я страшно беспокоюсь об этом, и никто меня не успокоил еще в этом.

Целую.

Арюша.

Читаю сейчас дедову автобиографию в «Голосе минувшего»³³, поражаюсь его воле.

Самое-то главное забыла. ПАСК³⁴ можно достать в Москве. Вышли от врача обоснование, что тебе это лекарство показано.

А.Н. Голяновская — А.В. Скалозубовой

1951 г., 16 февраля

[г. Москва]

Дорогая мама!

Случилось неприятное. Мне не разрешили отпуск, предложили приготовить доклад для пленума комиссии Крайнего Севера, который будет 5–6 марта в Ленинграде, после пленума выехать в Ханты-Мансийск сдать дела новому директору. Как-то неладно у меня получается все с отдыхом.

Получила от тебя письмо. Живу я пока у Нади. Два дня прожила у Виктора, потом уехала в Ленинград. Вернувшись в Москву, поселилась у Нади. У Виктора жила в проходной комнате, очень неудобно, не могла спать совсем, перекочевала к Наде... Сейчас и у нее, как на иголках. Чувствую, что ей мешаю. Стесняюсь вообще в чужой квартире жить, у нее ведь плохие отношения с жильцами, того и гляди, что нарвешься на что-нибудь. В комнате душно, вспомнишь пятьдесят раз Ханты-Мансийск. Мне предложили поехать в дом отдыха, чтобы там и заниматься писанием доклада. Вероятно, так и сделаю, выбрав где-нибудь побли-

³¹ Замошкин А.И. В.М. Максимов. — М.: Изд-во Гос. Третьяковской галереи, 1950.

³² Леонов А.И. Василий Максимович Максимов. 1844–1911. — М., 1957.

³³ Максимов В.М. Автобиографические записки // Голос минувшего. — 1913. — № 4–7.

³⁴ Пароаминосалициловая кислота, средство против туберкулеза легких.

же, т.к. попутно начала чинить протез зубной. Придется ездить из-за города в поликлинику. Да еще пустят ли в дом отдыха с отчетом? Если не пустят, переселось опять к Виктору.

Вот как я не умею чувствовать себя непринужденно даже в доме у сына. Ты понимаешь, какая это трагедия у меня. Я почему-то думаю, что буду проще чувствовать себя у Тани, если, конечно, у нее не попадется кто-то непутевый. Мать Нины создает там обстановку, которая по своей грязи и беспорядку совершенно непереносима для усталого человека. Жаль Виктора и мальчишек, которые заросли грязью. Виктор выглядит неважно, постарел, похудел, терпеливо как-то выносит домашний беспорядок. Я еще с ним и не говорила ни о чем, негде, все время кто-нибудь снует мимо. Он держит экзамены в адьюнктуру. Вероятно, останется в Москве. Нина выглядит хорошо — она, как рыба в воде, в своем хаосе. Антон тоже неплохо выглядит, только больно уж чумазый и рассеянный. Почему Таня до сих пор не послала ему книги: «Робинзона» и Кожедуба «Служу Родине»? Пожалуйста, пошли, мама, их, он ждет. Женя болезненный, но развитый, хороший мальчик. Антон обещал написать письмо, но рисовать не умеет.

Надя работает там же, устает, нервная. Приделась, покрасила волосы. Она очень политически развилась, третий год работает в политкружке. Я просто диву далась, как она рассуждает, лучше моих слушателей.

У Маргариты Владимировны была два раза. Портрет твой у нее³⁵. Этуод не перенесли еще к ней. Леонов видел только портрет. Как художника одобрили работу, но как твой портрет — тип — не признали ни М.В., ни Люся, ни Леонов. Я еще не успела с ним по этому делу поговорить и показать этюд рыбака. М. Вл. советует снести все к Герасимову³⁶, что я и сделаю обязательно, только сейчас я очень занята. Но талант Ив[ана] Мих[айловича] признали безоговорочно. Поэтому, говорят, и предъявляем к нему строгие требования. Не фотографироваться надо, а передать главное — тип, сущность живого человека. Он хотел передать мудрость старого человека, его мечту, а получилось, что воспринимает-

³⁵ Речь идет о живописном портрете Ариадны Васильевны Скалозубовой работы И.М. Конева.

³⁶ Герасимов Александр Михайлович (1881–1963) либо Герасимов Сергей Васильевич (1885–1964), оба — живописцы, народные художники СССР, действительные члены Академии художеств СССР.

ся как усталость. А усталость человека, которого считают живым, мятущимся, неприемлема в портрете. Ведь, собственно, Ив. Мих. все об этом говорили, а он свое — мудрость хотел сотворить, но не сотворил. Правильно Люся рассуждает: «В Ар[иадне] Вас[ильевне] интересна не мудрость, а жизнь, бьющая ключом несмотря ни на что, даже на дряхлое тело, а он (т.е. Ив. М.) не увидел этого главного, а воспользовался натурой и выписывает морщины. Вот ты сумей в такой натуре найти способ выразить жизнь, ведь по письмам же знаем, что она по-прежнему живая, энергичная, а по портрету мы этого не видим». Так и просили передать, что талант признан, но портрет нужен другой.

Я прочитала дедовы автобиографические записки, ну, знаешь, и удивилась, что ему так трудно пришлось в жизни. Я читала их давно и все позабыла. Вот надо Ив. Мих. их бы показать. Очень поучительно бы было для него. Какая настойчивость и какая добросовестность в использовании времени на целеустремленную работу. Надо ему обязательно их достать. Это тебе не порхать да халтуру пописывать. Если он у тебя будет, приструни его построже.

Надя беспокоится достать тебе лекарство ПАСК. Все сделала, добилась, что тебе его предоставят, если будет показано твоим врачом. ПАСК послан в Тюменскую область в большом количестве, из которого и будет выделен и для тебя. Она сама напишет тебе об этом.

Видела Ивана Спиридоновича, собираемся с ним на экскурсию к Лепешинской³⁷. Ив[ан] Сп[иридонович] на курсах в Ленинских Горках.

Я себя чувствую в Москве и Ленинграде хуже, чем в Ханты-Мансийске, конечно, из-за непривычного режима. Как на вокзале.

Целую.

Арюша.

А.Н. Голяновская — А.В. Скалозубовой

1951 г., 20 марта

[г. Москва]

Дорогая мама!

Скоро выеду из Москвы домой. К Нюсе не удастся из-за времени. Так и не отдыхала. Отдых отложен на лето. Не чаю дня, когда вырвусь

³⁷ Вероятно, Лепешинская Ольга Борисовна (1871–1963), биолог, лауреат Государственной премии.

«Ни о ком так не думается, как о тебе»

отсюда из уз министерства. Ты обо мне не беспокойся, а береги себя. Может быть, летом сообразим и выедем вдвоем. Я кое-что купила для тебя, Тани и для Паши³⁸. Но платка для нее не нашла. Деньги тают здесь, как и снег. Много потратила на свое пребывание здесь.

Виктор экзамены в аспирантуру выдержал, сейчас уехал в Читинскую область увольняться оттуда. Ребята здоровы относительно. Видела Усольцевых, они очень-очень тебе кланяются. Надя немного прихворнула на днях, сейчас поправляется.

Как живете с Таней? Я очень за это дело боюсь. Ну, надеюсь, что наладила мир. Целую тебя.

Арюша.

P.S. От Нади привет. Живу у нее, к своим только изредка хожу, далеко, устаю.

А.В. Скалозубова — А.Н. Голяновской

12 ноября 1953 г.

Милая моя Арюшенька, не знаю, где ты, пишу на Витю с передачей. Удалось ли попасть в Сочи? О своем путешествии в Шадринск³⁹ я тебе писала: три дня промучились, а толку мало, обратно ехали вечером в комфортабельной 4-мест[ной] легковой с инженером-пропагандистом, летели, а не ехали. А он спешил на заседание в Курган, еще ему надо было 180 кил[ометров] лететь.

От этого пребывания в городе я до сих пор не могу отдышаться. В праздники я получила две телеграммы от Тани за подписью Светланы⁴⁰ и от Вильгельминовой⁴¹, чего я не ожидала. Если будешь в Ленинграде, зайди к

³⁸ Цуркан Прасковья Максимовна, работница опорного пункта. Ухаживала за больной матерью Ариадны Николаевны А.В. Скалозубовой, вела домашнее хозяйство. Находилась в добрых, почти родственных отношениях с той и другой. В 1969-м или 1970 г. проездом с родины из Приднестровья в Ханты-Мансийск по приглашению А.Н. Голяновской неделю гостила у нее в Москве.

³⁹ В начале 1950-х годов А.В. Скалозубова переехала из Ханты-Мансийска в Курганскую область к своей дочери Анне Николаевне Скалозубовой, работавшей на опытной сельскохозяйственной станции близ г. Кургана.

⁴⁰ Светлана — дочь Татьяны Георгиевны Кузнецовой, приемной дочери А.Н. Голяновской.

⁴¹ Ленинградская знакомая Скалозубовых и Максимовых.

ней. Я ей писала, просила ее написать жене Ювеналия⁴², послать его воспоминания об отце, это очень ценный материал. Я ей пишу в ответ на ее телеграмму и упоминаю о моем заявлении в Ленин[градский] обком КПСС об увековечивании памяти Максимова на родине, и о моем обещании дара 1–2 этюдов отца. Рассчитываю на имеющиеся у нее. Надо знать, на каких условиях мама их передала: в собственность или на хранение. Но мою «Рожь», во всяком случае, можно получить. Сергееву я послала свою рукопись об Ник[олае] Лук[иче]⁴³ и очерк о Х[анты]-М[ансийском] опор[ном] пункте на его просмотр и на его замечания, а я думаю, что этот очерк должна написать ты, просто как историю начала земледелия.

Здесь на станции, по инициативе Ив[ана] Спир[идоновича], Кобызев, старейший науч. сотрудник станции, автор «Искры», пишет историю станции, а не только об «Искре».

Теперь о Леонове. Не лучше ли будет этюды, которые ты передала ему для биографии, плюс этюд «Розы в вазе», находящийся у Виктора и который я подарила Тане, послать посылкой, чтобы себя освободить от лишнего груза при пересадках, а «Опять на родине» надо реставрировать, прежде чем посылать.

Наташе⁴⁴ я послала 200 р. и написала, что ты посылаешь теплую одежду, а я думаю, что она (как о том писала) еще в Москве у своей двоюродной] сестры Люси. Ну, делай как тебе удобнее и легче. У нас не совсем по-старому. Анна Ивановна⁴⁵ после праздников у нас не бывает. Нюся стирала мое белье, а я тоже подстирываю. Очевидно, она не хочет у нас работать. Возможно, не хочет ее муж, и приходится обходиться без посторонней помощи, да еще одна неприятность: столовая закрывается за некупаемость. Значит, все на плечи Нюси.

Я советую поступить так, как у вас на станции, но вопрос в человеке, которого нет, а мне неприятно, что у Нюси совсем нет времени на чтение: только служба и дом[ашнее] хоз[яйство]. Ив[ан] Сп[иридонович] помогает мало, даже не компенсирует того, что она тратит на него, но я

⁴² Максимов Ювеналий Васильевич, брат А.В. Скалозубовой.

⁴³ В 1953 г. А.В. Скалозубова закончила работу над воспоминаниями о муже, бывшем тобольском губернском агрономе и члене II и III Государственной думы Н.Л. Скалозубове.

⁴⁴ Близкая знакомая А.В. Скалозубовой, костромичанка.

⁴⁵ Работница опытной станции, помогавшая по хозяйству А.Н. Скалозубовой.

«Ни о ком так не думается, как о тебе»

не вмешиваюсь и ничего не советую. Только думаю, как бы поправиться настолько, чтобы легче было ей. Думаю, что при некотором усилии можно найти человека хоть на тяжелую работу: вода, дрова, полы, белье. Ни о каком ежедневном подтирании нечего и думать, я подметаю сырым веником, но ты не волнуйся за меня, я стараюсь не торопиться, не волноваться, вообще по методу Павлова. И даже начну писать портрет Н[иколая] Л[укича], подрамники готовы. А Ив. Спир. (каково внимание) наколотил холст на подрамник.

Сейчас идет на станции подготовка к с[ельско]х[озияйственной] районной выставке, и я буду диагр[аммы] рисовать.

<...>

Ну вот, пока. Устала. Целую тебя и желаю здоровья и полного отдыха. Пиши.

Любящая мама.

А.В. Скалзубова — А.Н. Голяновской

Октябрь 1953 г.

Милая моя, родная Арюшенька.

Сегодня получили посылку от тебя из Сочи, и я, наконец-то, узнала, что ты на курорте, а я как волновалась, три письма написала в Москву, думая, что праздник захочешь провести у Виктора. А я в праздники получила только две телеграммы — от Тани за подписью «Светлана» и от Вильгельминовой, чему я была очень удивлена, собираюсь ей ответить и буду просить ее написать жене Ювен[алия], чтобы она послала воспоминания Ю[веналия] об отце, это очень ценный материал.

Не получаю ни от кого писем, что меня тревожит, особенно Маргарита, которая подозревает у себя рак желудка. У нас положение с бытом немного лучше: Анна Ив[ановна] еще работает на станции, но не совсем отказывается от помощи, а как и раньше, два раза в нед[елью] — полы и белье с Нюси и Ив. Сп. А мне обещала — когда освободится от работы на станции. Но столовая закрыта, стряпаем дома.

Сейчас идет подготовка к район[ной] выставке в Батурино. Я нарисовала диаграмму урожая яр[овой] пшеницы с помощью Нюси. Трудно мне с катарактом. Правый глаз видит парал[ельные] вертикальные сходящиеся. Вижу одним левым, а правый мешает.

Я послала рецепты на рибофлавин и пенициллин в Москву Наде и перевела деньги на покупку лекарства и очков. Я тебе писала о некоторых изменениях на станции: у Ник. Сем. (дир. по науч. части) недоразумения с Ник. Ив., и он решил уйти в МТС. Теперь это место вакантное, временно выполняет И. Сп. Ник. Ив. предлагал Ив. Сп. занять это место, но И.С. уклоняется, но, может быть, решится согласиться, хотя место это не представляет никакой выгоды, кроме квартиры и поднятия авторитета, жалование только на 100 р. выше — 900 вместо 800 и некогда писать диссертацию. А квартира из трех комнат и кухни даже слишком большая, и пойдет больше дров, так что пока неизвестно. Сейчас он едет на совещание в Свердловск, и по вызову Ник. Ив. едут животновод Шувалов и картофелевод Титов.

Мое здоровье по-прежнему: темп[ература] нормал[ьная], редко поднимается до 37, но кашель и одышка прежние. Я написала Герасимовой (зав. тубд[испансером]), просила выписать фтвизид, еще ответа нет.

Я с ужасом думаю о предстоящей поездке в Шадринск за зуб[ным] протезом и для показа Нейбургу. Сейчас стоит теплая погода, но Нюсе нет времени из-за подготовки к выставке и, м[ожет] б[ыть], придется ехать на выставку, и опять начнутся морозы, а я в зимней одежде задыхаюсь при ходьбе, а такси один на весь город, а в автобус трудно попасть.

Начала углем портрет Ник[олая] Лук[ича], да надо приняться за воспоминания, дожидаюсь дополнительных сведений. Умирать-то пока некогда. Я похожа на того крестьянина в басне Крылова или Лафонтена, который не мог поднять дрова и сказал: «Хоть бы скорее смерть пришла», а она уже за спиной, спрашивает: «Зачем, старик, звал?» — «А вот, помоги поднять дрова». Живем все в надежде на лучшее будущее.

В № 10 ж[урнала] «Наука и жизнь» статья Токина, где он говорит о применении лечения легочных больных жидким раствором чеснока — через дых[ательное] горло обмывать легкие. Лечение под руков[одством] Виноградова — врач Емельянов, а я стараюсь дышать парами, но это действует на сердце, но думаю, что норм[альная] темп[ература] от применения чеснока. Кофе — менее активно. Я тебе писала, что был у меня фельдшер-старик из техникума (Ник. Ив. собирается его перетащить), советовал витамины, хл[ористого] кальция, боярышник (серд[ечные] средства) и женьшень. Я писала Наде, но его трудно достать.

Зина мне давно не писала, здорова ли, у нее плохо сердце. Жду не дождусь от тебя весточки. Теперь о просьбе Ив. Спир, просит прислать лавр[ового] листу. За посылку компота благодарю, только зачем так много, может испортиться, а апельсины доехали благополучно, один я съела. Да, еще забыла: кипарис[овой] смолы от ревматизма. Пиши мне, Арюшенька, твои письма лучше всяких лекарств. Где ты устроилась и хорошо ли чувствуешь себя? За меня не беспокойся. Нюся хорошо ухаживает. Скоро и она пойдет в отпуск.

Целую тебя и желаю побольше накопить сил. Жаль, что ты не рисуешь. Опиши осеннюю, вернее, зимнюю погоду в Сочи. Говорят, бури на море. Всего самого лучшего.

Любящая мама.

А.В. Скалозубова — А.Н. Голяновской

21 ноября 1953 г.

Милая моя, родная Арюшенька.

Сейчас получила твое письмо. Письмо шло шесть дней, если 15-го ты послала, на конверте штамп неразборчив, а у тебя помечено 15/XI. Получила ли ты мои письма, адресованные на Солом[енную] Сторожку 5 ноября два письма, — 12 и 19 ноября в Сочи на сан[аторий] с/х без указания комнаты?

Посылку получили и уже уничтожаем. Ты не пишешь, на сколько времени путевка и чем тебя лечат, почему стала спать с люм[иналом] или без него. Почему у тебя вид пакостный? Как проводишь время, какие зимние развлечения, есть ли интересная публика? Хотя лучше побольше природы. Верно, будут поездки. Когда окрепнешь, сообщи, мне все очень интересно.

Нюся сейчас выскочила из кухни и строго наказала не писать тебе ничего волнующего. Да, впрочем, оно так и есть. Она хорошо себя чувствует и ни о каком курорте не думает, а собирается к Аллочке⁴⁶ принимать внучка или внучку, очень довольна, что Тома ей аккуратно пишет. Сегодня отправим все экспонаты на выставку, я тоже помогала рисовать диаграмму, вспоминаю, как я это делала в Самарове.

⁴⁶ Дочь Анны Николаевны Скалозубовой Алла Викторовна Скалозубова, агроном. Род. ок. 1927 г. Окончила сельскохозяйственный институт в Омске в 1950 г. Кандидат наук. Работала в Новосибирске.

Про себя могу сказать, что веду себя удовлетворительно: темп[ература] все время норм[альная]. И кашель меньше. Принялась за портрет Ник[олая] Лук[ича], надо подыскать подходящую натуру по цвету кожи и волос. Конев с меня писал Крупскую. Накапливаю материалы к воспоминаниям об отце — Максимове.

Я сравниваю Самарово со станцией и удивляюсь, что здесь совсем нет фото со станции, только нашла маленькое фото с главного здания, ни клуба, ни школы, водокачки, не знаю, есть ли фото с полей. Не знаю почему, или нет такого любителя. Жаль, что я не в состоянии «порыться». У тебя же множество фото, рисующих жизнь в опорном пунк[те], а теперь станции. Хорошо бы все разместить в альбоме.

Зато здесь есть кино очень небольшое, но охотно посещается всеми, и кино оказалось жизнеспособнее столовой. От отсутствия столовой многие одиночки и не одиночки страдают.

Ну, накапливай здоровья, спи побольше и не волнуйся за нас. Нюся, по-моему, начала толстеть, она гораздо лучше выглядит, чем тогда, когда ты была. А я стала спокойнее и по вечерам читаю что-ниб[удь] интересное. Прочитала Репина «Далекое-близкое», а сейчас читаю Сергеева о Камчатке, обороне Петропавловска в 1854 г. Очень интересно, какой богатый исторический материал, предназначена для школьника, но полезна для каждого интересующегося историей Д[альнего] Востока. Его изложение не бьет на эффект, но он делает такие выводы, логически доказывает домогательства Америки и Англии еще в те отдаленные времена. Жаль, что его книжек нет в биб[лиотеке] станции (Самарова). Я давно не получала от него писем, и никто не пишет, что наводит иногда на грустные мысли. Пиши мне. Целую крепко. Нюся тоже, она очень хочет, чтоб ты поправилась.

Любящая тебя неизменно мама.

А.В. Скалозубова — А.Н. Голяновской

30 ноября 1953 г.

Моя милая, родная Арюшенька, хорошо ли ты отдохнула, наверное, надо было еще отдохнуть. Мне не хочется, чтобы ты после юга окунулась в беготню по разным делам, хотя ты и пишешь мне, не надо ли чего купить, но уже достаточно, если хоть часть выполнишь. Конечно, если бы я

даже тебе не поручала сходить к Леонову за папиными этюдами, ты бы это все равно сделала бы, я только напоминаю, и хорошо бы все это закупорить и послать, а не тащить с собой. Визит к Леонову самый громоздкий: ремонт этюда «Опять на родине» (если он не продан), укупорка и посылка. Визит к Маргарите — это уж как всегда, а сейчас в особенности: узнать о ее здоровье. Она мне ни на одно письмо не отвечает, чего никогда не было. Зина тоже что-то молчит, хорошо бы ей подарить книгу Леонова, а то я думала написать этюд, но мне очень трудно — я сейчас принялась за портрет Н[иколая] Л[укича], выходит похож, пишу по утрам, чтобы не утомлять глаза, да еще задумала одну вещь и обещала Аллочке раскрасить шкатулку для шитья (Нюся заказала столяру).

Я уж писала тебе, что Наде я послала 150 р. на покупку очков, лкарств и 2—3 красок (светлый кармин, голубую и ярко-красную) и 2—3 кисточки, коробку кнопок, да не будет ли какой книжки по технике живописи (перспектива, акварели, масл[яные] кр[аски], если не дороже 5 р. Или рубля за 3. Что еще? Еще к Сергееву, если будешь в Ленинграде, узнать, что он собирается делать с материалом. Я написала в Курганский архив, просила завед[ующего], если можно, послать мне для просмотра дневники Н[иколая] Л[укича], пока ответа нет, вряд ли пошлет из архива. Если найдешь время, то зайди к Вильгельминовой посмотреть этюды и, если даст, возьми мою «Рожь», я ей писала. Теперь, если ты надумаешь заезжать ко мне, то обязательно купи валенки себе, у нас начались морозы. Я боюсь за тебя, как бы мне ни хотелось повидаться, лучше уж не заезжать, больно у нас плохо с транспортом.

Завед[ующая] тубдиспансером Герасимова обещала дать фтивизид, по рецептам в аптеке нет, но она даст из запаса диспансера, надо только поехать за ним, а сейчас нет okazji. Это хорошо, надо попробовать, что выйдет, скажи об этом Нине.

Нюся ждет телеграммы от Аллочки, когда ожидает ребенка. Да еще 15 дек[абря] Нюся должна поехать на совещание в Омск, так что половину дек. Нюся будет в отлучке, еще не придумали, с кем я останусь, я уж хотела позвать Наташу, но все это требует денег, а с поездками Нюся денег выйдет много, так что обойдемся местными помощниками. Ну, кажется, все самое главное написала. Целую тебя крепко, моя дорогая. Желая не раскошелить все, что приобрела на юге.

Любящая тебя неизменно мама.

А.В. Скалзубова — А.Н. Голяновской

22 декабря 1953 г.

С Новым годом, моя милая, родная Арюшечка, с пожеланием, чтобы этот год принес силы и здоровье и облегчил тяжесть жизни. Конечно, это одни пожелания, а что даст действительность — неизвестно. Я в полном неведении, что делается в Москве, и не знаю, где ты, пишу задачу в Москву. Отвлекусь на время от болезней, под свежим впечатлением напишу об омском совещании. Сейчас вернулись Нюся и Ив[ан] Сп[иридонович]. Но Нюся завтра же едет в Свердловск к Аллочке, которая уже лежит в родильном. Совещание проходило под знаком: юбилей Сибнисхоза⁴⁷ (20 л[ет]) и 125 л[ет] опытной работы Сибири. На совещании делал доклад Белозоров⁴⁸. Общий вывод — обмен печатными работами, обмен семенным материалом, чтобы возможно шире использовать, механизация всех процессов селек[ционной] работы, обсуждалась система обработки почвы Мальцева⁴⁹, особенное внимание обращено на обмен опыта, о кормовых травах и т.д. Отчитывались всей станцией, всем давали время высказаться. Порядок был иной, чем при Высокой, когда слушали отчет одной передовой станции. Упор агротехники на кормовые травы: кукуруза, сорго и т.д. После совещания в заключение отмечался юбилей. Доклад делал Яхтенфельд⁵⁰. В своем докладе он дал яркую характеристику деятельности Ник[олая] Лукича и значение в истории агрономии. В докладе упомянул о Нюсе и ее селек-

⁴⁷ Сибирский научно-исследовательский институт сельского хозяйства (СибНИИСХ), г. Омск.

⁴⁸ Белозоров Алексей Тихонович (1902—после 1973), заслуженный агроном РСФСР. В 1930–1940-е годы работал в районах Крайнего Севера, в том числе на Березовской опытной станции и в Ханты-Мансийском опорном пункте. В 1950–1956 гг. руководил СибНИИСХ, в 1956–1973 гг. — Красноярским НИИСХ.

⁴⁹ Мальцев Терентий Семенович (1895–1994), организатор и руководитель Шадринской опытной станции при колхозе «Заветы Ильича» (1950–1994). Разрабатывал учение о безотвальном земледелии, занимался селекцией яровой пшеницы. В работах опытной станции участвовала Анна Николаевна Скалзубова.

⁵⁰ Яхтенфельд Павел Александрович (1903–1974), доктор сельскохозяйственных наук, профессор. Был заместителем директора СибНИИСХ по научной работе.

ц[ионной] работе. Нюсе пришлось выступать, хотя она и не готовилась. Вообще фамилия Скалозубовы явилась почетной.

И Нюсю, и Ив. Сп. предлагают на работу в Сибниسخозе. Ив. Сп. в качестве уч. секретаря. Нюсю в отд[ел] селекции, Ив. Спир. соблазняется перейти, но Нюся ответила уклончиво (это пока секрет, чтобы не дошло до Ник. Ив., тем более, что у Нюси есть перспективные сорта и хочет доработать в этих же условиях, ну а Ив. Сп. не так связан со станцией. Жалованье ему 1500 р., что, конечно, его устраивало бы. Ты ей не пиши, что знаешь от меня. Завтра Нюся снова едет к Аллочке и пробудет январь, а сегодня хлопочет около меня, положила спиртов[ый] компресс. Это совещание ее оживило, такая бодрая приехала. Посылаю две вырезки о Мальцеве, он тоже был на совещании. Нюся говорит, что в Ханты-Мансийск было послано приглашение, но был затем из Тюмени, кажется, Балашов. Ну вот, с/хоз. новости, не все же скрипеть о болезни. Передай Наде, что я ей буду писать, а сейчас устала, но разве могу я не поделиться с тобой обо всем. Завтра я получу посылку от Тани из Самарово, верно то, что я просила Пашу, а вот послала ли Паша Наташе, что ты оставила. В письме Паша не пишет, а пишет, что все побелила к твоему приезду и что Светлана бегаёт и кричит: «Баба, баба». Описала, сколько снято всяких овощей, а Оля про себя пишет, что хорошо учится, только трудно ей.

Все. Жду всяких известий. Главное, о Вите, которого крепко целую и желаю бодрости. Целую тебя и Надю, если увидишь.

Крепко любящая мама.

А.В. Скалозубова — А.Н. Голяновской

27 января 1954 г.

Арюшенька моя, вчера послала письмо на гл[авную] почт[у], а теперь буду писать на ул. Ракова⁵¹. Письмо получи. Повторять не буду. Сегодня получила от Вильгельминовой. Она много знает о жизни отца и матери, пишет о том, что передала Леонову письма к отцу и матери от Юв[еналия], Лидии⁵², Ник[олая] Лук[ича], дала ему на просмотр и воз-

⁵¹ На улице Ракова в доме № 17 в Ленинграде находился Институт полярного земледелия, животноводства и промыслового хозяйства, в состав которого входила Ханты-Мансийская опытная станция.

⁵² Лидия — сестра А.В. Скалозубовой.

вращение ей. На все письма ее Леонову — молчание. Уже это факт, что он уволен из редакций «Искусство», за что? Марг[арита] пишет, что про него ходят недобрые слухи. Если за это время ты будешь в Москве, сходи к нему, надо получить от него этюды и письма, переданные Вильгельминовой. Мне они очень нужны для моих воспоминаний. Я попробую ему написать. Неприятная история. Был так высоко поставлен, вошел в премиальный фонд. Трудно верится такой перемене. Если будешь у Вильгельминовой (она больна ревматизмом), возьми «Рожь», а мож[ет] быть, и все отдаст или фотогр[афии] с них.

От Наташи письмо. Она благодарит тебя за посылку, собирается ко мне, хотя у нее сейчас квартиранты-студенты. Комнату, конечно, надо оставить за собой. Был сегодня фельдшер. Нашел очень большое улучшение в легких, но сердце плохо. Вильгельминова советует попробовать гомеоп[атические] средства. Она лечится у гомеопатов, и значительное улучшение.

Целую тебя и желаю найти подходящее помещение.

Любящая мама.

А.В. Скалозубова — А.Н. Голяновской

12 февраля 1954 г.

Арюшенька, милая моя, я давно к тебе не писала и от тебя не получала. Томит неизвестность, где ты, что ты. От Сережи получила письмо, он тоже не знает, где ты. Он очень болел, вероятно, сердце. Только открытки не посылай, лучше коротенькое, но закрытое. Читают здесь на почте. Сейчас я опять одна, Нюсю вызвали в Курган по вопросам агротехники, сначала ездил Ив. Сп., отд. с[ельско]х[озия]ственной проп[аганды], составляет агроуказания. Ник. Ив. только что вернулся из Омска, где он написал диссертацию, но не защищал, сначала ему вернули написанное, пришлось переделывать, у него была своя машинистка со станции, теперь очередь за Ив. Сп. — он копается в архиве станции об урожаях за 40 лет, вероятно, будет интересная.

Я продолжаю переписку по делам рукописей об отце и Н[иколае] Л[укиче]. Написала наугад в Ладогоу в комит[ет] КПСС о воспитаннице отца и матери Леночке и, к удивлению, получила от[вет] на письмо. Ты помнишь ее? Она учит[ельни]ца биологии в ср[едней] школе Н[овой]

Лад[оги], 40 л[ет], удостоена орд[ена] Ленина. Она очень обрадовалась и обещала написать все, что помнит. Ты знаешь что-ниб[удь] про Леонова? Я ему написала и просила ответить, что с ним случилось, пока ответа нет, ты, наверное, к нему зайдешь за этюдами и узнаешь, просто не верится. От Марг[ариты] было письмо. Опять болеет, письмо унылое. От Аллочки благоприятное. Сережа (сын) прибавил в весе на целый килограмм. От Нади — унылое, хочет бросить службу и ехать к кому-ниб[удь] помогать, но знаешь ее, Нюся категорически отказывается, у Аллочки будет помогать мать мужа. Я написала ей, чтобы она не бросала, пока есть силы. Ее тяготит комната мрачная, но с обменом надо быть очень осторожной. Вот пока. Я продолжаю хворать с промежутками приличного поведения, не хочется о болезни писать. Сейчас я все думаю, как бы побольше материала собрать для рукописей. Еще я получила письмо от Кудиновой. Она так довольна, что учится в с/х институте, по-видимому, в матер[иальном] отношении не очень хорошо, но у нее остался запас от Самарова, его и проживает, тебя вспоминает добром, что ты «привила ей любовь к научной работе», состоит членом науч[ного] кружка, учится очень хорошо, все «4» и «5», трудно дается нем[ецкий] яз[ык]. Много отнимает времени общ[ественная] работа.

Нагибина отстала от учебы в связи с замужеством, но горюет. Ну а ты, моя Арюшечка, сидишь, не разгибая спины, не представляю, как живешь, хоть бы передышку сделать перед отъездом в Самарово. Что слышно о Вите? От Зины получила. Она так довольна подарком, читают всей семьей. Нюся очень поправилась, толстая стала.

Крепко целую дорогую Арюшеньку и жду пары слов.

Любящая всем сердцем и помыслами мама.

А.В. Скалзубова — А.Н. Голяновской

13 мая 1954 г.

Милая Арюшенька.

Пишу под впечатлением событий: Ив. Сп. совместно со своим помощником написал статью о сроках посева и разослал в МТС. В статье оказались упущения орган[изационного] порядка, и из области пришло распоряжение об увольнении. Было создано науч[но]-тех[ническое] совещание, на кот[ором] парт. частью вынесено о снятии с работы. В

защиту выступили первая Нюся и другие поддержали, но пост[ановление] обкома осталось в силе. Какие дальнейшие действия — неизвестно. Нюся, конечно же, останется. Теперь вопрос обо мне, а мы ждем уже сюда Наташу, помогать на время пол[евых] раб[от], но, верно, придется пользоваться ее помощью для переезда. Я не хочу тебя волновать этими событиями, но знать, по-моему, ты должна, а Нюся говорит «не пиши». Я-то переношу все спокойно, продолжая оканчивать рукопись о Максимове, чтобы передать в Трет[ьяковскую] гал[ерею] или Р[усский] музей, и начну вторую о Н[иколае] Л[укиче], но надо подумать, где я буду жить. Я думаю, не поехать ли в Кострому⁵³. Здесь я окрепла в условиях климата и светлой комнаты.

На Нюсе все это очень тяжело отражается, но она хочет здесь провести посевную и искать работу, и все из-за И.С., он бы мог и сам себя защитить, не без языка. Когда придет Наташа, обо всем обсудим. Хорошо бы в Москву, в дом инвалидов для художников вместе с Наташей, а если бы дали две комнаты — с тобой. Но это мечты, а у меня еще не иссякло желание работать кистью и пером. Рукопись вышла объемистая. Напишу Иогансону⁵⁴ (дир[ектору] Тр[етьяковской] г[алереи]), мой любимый художник. Целую крепко, ты не волнуйся. Обидно, конечно, за Нюсю.

Любящая мать.

А.В. Скалозубова — А.Н. Голяновской

5 июля 1954 г.

Дорогая ты моя Арюшенька. Ни об ком так не думается, как о тебе. Только ты гораздо лучше, чем на карточке, кот[орую] прислала. Уже налепила на стенку.

А у нас все слава богу. Проводила Наташу, я тебе написала, почему так вышло, а на другой день или третий получаю письмо от Люли из Тагая. Она уже не работает в школе, не пишет подробности, боясь меня расстро-

⁵³ В Костроме, родном городе Н.Л. Скалозубова, его семья жила в период, когда он работал в составе Государственной думы, и после его смерти в 1915 г.

⁵⁴ Иогансон Борис Владимирович (1893–1973), живописец, народный художник СССР, действительный член Академии художеств СССР.

ить. Все одно опять из-за дисциплины. По успехам «4» и «5», а дисциплина опять плохая. Пишет о нечуткости директора. Ее назначают в какой-то совсем медвежий угол, куда с трудом доберешься, и девочкам надо опять переучиваться на нем[ецкий], а был англ[ийский]. Нюся тоже взволновалась и сразу решила вызвать к себе, послала телеграмму: «Приезжай, работа найдется» — и письмо по авиа с разъяснением, чтобы она оставила Тагай и р[айон], куда назначили, что здесь можно найти работу. Теперь ждем сюда. Вот уж лето вышло все в приключениях. Аллочка с реб[енком] и с Левой⁵⁵ завтра уезжает в Свердловск, а теперь еще должен приехать Том⁵⁶. Хорошо еще, что Нюся не очень унывает, работает вовсю и с тела не спадает. От И.С. вчера письмо. Он хочет действовать через суд, написал об изменении приказа, чтобы «уволился по соб[ственному] жел[анию]». Ждет ответа. Бытовые условия тяжелые, все та же глиняная избушка без потолка, а здоровье неважное.

Единственно ободряющее я получила из архива Трет[ьяковской] гал[ереи] от завед[ующей] Щекотовой письмо, она приветствует мой лит[ературный] труд. Говорит, что приложит все старанье поместить в печать, ждет Иогансона, чтобы переговорить. Я вчера окончила рукопись. Сегодня еще делала исправления, в конце недели пошлю.

Мне надо теперь подготовить иллюстрации. Я тебе нарочно напишу на отд[ельном] листке, что надо. Возможно, из этого списка еще находится на руках у Леонова. Я еще не получала от него письма.

Когда я пошла рукопись — гора с плеч, примусь за Н[иколая] Л[ужича], надо побольше материала накопить. А м[ожет] б[ыть], ты, окончив свою диссертацию, займешься отцом? Сергеев пишет, что расхворался, а Азадовский⁵⁷ 8 мес[яцев] лежит в больнице. Зато Надя довольна Домом отдыха, а это так редко с ней бывает. Том пишет о своем знакомстве с Таней, он не ожидал встретить «даму», когда знакомил Виктор с ней: «Вот Таня, сестра». А Том ищет глазами, где Таня. Смеются: «Вот она».

Целую тебя. Жду отв[ета]. Всем привет.

Бесконечно любящая мать.

⁵⁵ Сын Анны Николаевны Скалозубовой.

⁵⁶ Сын Анны Николаевны Скалозубовой.

⁵⁷ Вероятно, Азадовский Марк Константинович (1888–1954), исследователь литературы, фольклора, быта Сибири.

Библиография

- Скалозубова А.В. История Ханты-Мансийского опорного пункта / Публ. Т.Г. Кузнецовой // Подорожник. — Ханты-Мансийск, 2002. — Вып. 2. — С. 99–115.
- Зубов Н.А. Ариадна, дочь Ариадны // Подорожник. — Тюмень, 2002. — Вып. 1. — С. 136–143.
- Скалозубов Н.Л. Письма к родным // Подорожник. — Екатеринбург, 2007. — Вып. 7. — С. 10–20.
- «Я так привык еженедельно получать от вас письма» (Письма Н.Л. Скалозубова к дочерям) // Подорожник. — Тюмень, 2009. — Вып. 10. — С. 109–129.
- Белобородов В. «Рядовой человек с более или менее развитой совестью» // Югра. — 2007. — № 5, 6.

Подготовили к печати Н.В. Сухорукова и В.К. Белобородов.

Публикация Е.И. Пискунова

Имена

Иван Конев — художник из Ханты-Мансийска

Послевоенная культурная жизнь старинного села Самарово, ставшего молодым городом Ханты-Мансийском — столицей округа, получила развитие благодаря творческим людям, жившим в то время. Одним из таких талантливых людей, рожденных на местной земле, в селе Коневе Самаровского района, был Иван Михайлович Конев. Родился он в 1916 году. Его прадед, дед и отец были рыбаками-охотниками.

И.М. Конев окончил начальную школу в родном селе, о котором в начале 1930-х годов писала местная газета «Остяко-Вогульская правда» (№ 7(49) 1932 г.), что комсомольцы Коневской ячейки, силою отбрав ключи от церкви, «вытащили поповское облачение, надели на себя и расхаживали в нем по церкви».

Семь классов Иван Конев заканчивал в Ханты-Мансийской начальной-средней школе в 1935 году, когда ему уже было девятнадцать лет. Вероятно, у него рано проявились способности к рисованию, иначе жизнь неумолимо втянула бы его в привычные занятия семьи. Как некогда талантливый мальчик из села Самарово Порфирий Терентьев, отправленный исправником Дзержинским учиться резьбе по кости у тобольского художника Михаила Знаменского, Иван Конев также получил поддержку и совет учиться живописи. Возможно, его дал кто-то из педагогов Ханты-Мансийской школы. Он едет в Омск и поступает в том же 1935 г. в Омское художественное училище, которое закончил в 1939 г. и получил квалификацию — художник-педагог. В Омском художественном училище всегда был сильный преподавательский коллектив. С большим теплом выпускники того времени вспоминали Тимофея Павловича Козлова, ставшего заслуженным художником России. Уже в те годы в Омске существовало отделение Союза художников и кооперативное товарищество «Художник». В городе систематически проводились выставки и дискуссии по проблемам творчества.

По окончании училища Иван Конев чувствует в себе силы идти дальше и заниматься профессиональным искусством. Попытка поступить в Ленинградскую Академию художеств в 1939 г. была успешной. Два года, подарившие радость учебы в стенах академии, возможность общения с выдающимися художниками, прогулки по Ленинграду, пролетели незаметно. Времени на личную жизнь, скорее всего, не было, ведь одновременно, чтобы прокормить себя, он работал в Ленинградском ИЗО-комбинате. Занимался, как все художники, наглядной агитацией. И грянула война...

Незадолго до начала войны, в апреле 1941 года, Иван Конев был призван в армию, служил чертежником в геодезическом отряде недалеко от Ленинграда. В сентябре 1941 года он был переведен в самое пекло сражений, — в 125-ю стрелковую дивизию 390-й отдельный минометный дивизион. Служил наводчиком минометного орудия. 29 апреля 1942 года был тяжело ранен в голову в боях под Ленинградом и после госпиталя, получив медаль «За оборону Ленинграда», 15 августа 1942 года был демобилизован.

Иван Конев едет домой к родным в село Конеево. В то время в селе, как и повсюду, была нехватка мужчин. С 5 января 1943 года по 1945 г. демобилизованный фронтовик, имевший хотя и творческое, но отличное образование, работал председателем Кондинского сельсовета. Было ли в это время место для творчества? Вряд ли...

После Победы Иван Михайлович принимает решение оставить административную карьеру и найти работу, которая позволила бы писать. Такой работой в то время могла быть только преподавательская. С 1945 г. он работал в Ханты-Мансийском национальном педучилище, в 1946–1947 гг. — в Тобольском дошкольном педучилище.

Год работы в Тобольске и затем возвращение в Ханты-Мансийск — загадка в биографии художника. Возможно, это было попыткой вступить в Союз художников. После войны в Тобольске жили приезжие профессиональные художники, оказавшиеся в городе разными путями, в основном — на поселении: А. Карлаш, А. Орлов, братья Вагнеры. Атмосфера в городе, где находилась переполненная в сталинское время тюрьма строгого режима, вряд ли была особенно радостной. Да и атмосфера в педучилище, где его предшественником был замечательный художник Пантелеймон Петрович Чукомин, расстрелянный по доносу

кого-то из коллег в 1938 г., могла быть очень холодной по отношению к не очень дисциплинированному в бумажных делах, приехавшему с севера учителю рисования.

Но то, что общение с художниками было — несомненно. Всего через год после отъезда И. Конева из Тобольска в городе создается художественная мастерская — отделение Тюменского художественного фонда, начинают проводиться художественные выставки. Да и как иначе — в городе с такой богатой художественной традицией! В краеведческом музее можно было увидеть произведения местных художников, богатые коллекции фарфора, каслинского литья, образцы художественной резьбы по кости, полотна И. Репина, братьев Маковских, В. Поленова, А. Саврасова, В. Серова, И. Айвазовского и других известных русских художников. Большинство этих произведений были привезены П.П. Чукоминим из Московского музейного фонда для открытия в Тобольске Музея изящных искусств.

В 1947 году Иван Михайлович Конев возвращается в Ханты-Мансийск и поступает на работу в педучилище, где трудится почти 10 лет. За хорошую постановку внеклассной работы (кружка рисования) Иван Михайлович был премирован грамотами обкома ВКП(б) и облисполкома в 1945 г. и окружного комитета ВКП(б) и окрисполкома в 1951 г. Готовить планы уроков он не любил, за что получал замечания от директора, иногда и опаздывал на уроки, ведь главным для него была живопись, которой он отдавал все свободное время. Но художник не может творить в полном одиночестве, его одолевают сомнения. В каком направлении идти в творчестве, для чего дан был ему этот дар? Ведь не только для того, чтобы написать портрет Сталина, который и поныне украшает историческую экспозицию Музея Природы и Человека, и не для дидактических картин, воспроизводящих убогий быт ханты до революции... С 1941 года, с момента оставления академии прошло несколько тяжелых лет. Не поздно ли заниматься искусством?

Неожиданно Иван Конев получил удивительную поддержку от брата по искусству. Им стала Ариадна Васильевна Скалозубова — художник-любитель, учившаяся у своего отца, известного художника-передвижника В.М. Максимова. Всю жизнь Ариадна Васильевна с увлечением занималась живописью: писала пейзажи, портреты. Несомненно, она оказала влияние на Ивана Конева, возможно — в выборе

сюжетов картин, а главное — в моральном осознании правильности своего пути. Писать нужно то, что хорошо знаешь и любишь. Героями Ивана Конева становятся земляки — коренные жители края. Да и сам он, несмотря на то, что в документах значится русским, имеет явные национальные хантыйские черты, доставшиеся от кого-то из предков.

А сколько у них было общих тем для разговоров о Тобольске, в котором несколько лет прожила Ариадна Васильевна, а ее муж, Николай Лукич Скалозубов, увлеченно организовывал художественный отдел в Тобольском губернском музее. И о Петербурге—Ленинграде много было воспоминаний, рассказов о знакомых художниках, любимых картинах в музеях.

В Музее Природы и Человека есть несколько произведений Ивана Михайловича Конева. Они относятся к 1950-м годам, ко времени общения с Ариадной Васильевной. Особенно удачным среди них является портрет отдыхающей девушки с сочной живописью, прекрасной академической композицией и по настоящему лирическим образом. Художник создал свою героиню, новую активную дочь Севера. Ей, как некогда и ему, открыто образование, но, может быть, уже не такими тяжелыми усилиями и самоотречением. Лицо девушки раскраснелось от огня очага, взгляд полон затаенной мечты. Поза расслаблена, но кажется, что в ней затаилась некая пружина. Будто через минуту девушка вскочит со шкуры, засмеется, закружится в хороводе дел.

В 1952 г. в Ханты-Мансийске была организована выставка И.М. Конева, после которой, вероятно, и поступил ряд работ художника в фонды краеведческого музея города. Музеем Природы и Человека, как теперь называется бывший краеведческий музей, сказочно повезло в наше меркантильное время. В 2008 г. Евгений Ильич Пискунов, живущий в Тверской области, — муж приемной дочери Ариадны Николаевны Скалозубовой-Голяновской, передал богатое эпистолярное и живописное наследие Ариадны Васильевны Скалозубовой, в котором находились два портрета Ариадны Васильевны кисти Ивана Михайловича Конева. Один из них уже был опубликован в журнале «Югра» вместе с письмами Ариадны Васильевны (2009. №1). Он носит этюдный характер. Мы же впервые представляем законченное произведение — образ русской интеллигентной женщины, сидящей у мольберта с кистью в руках. Этот портрет показывает еще одну грань дарования худож-

ника — создание тонкого психологического образа. Художнику дорога каждая деталь, каждая складка на утомленном болезнью лице. Но в глазах — воля к жизни и творчеству, ясный ум. В складках губбезмерная доброта и терпение. Это замечательный образ умудренного жизнью пожилого человека. Эта старость не безобразна, она сродни старикам Рембрандта. Портрет, написанный в 1950 году, был подарен художником Ариадне Васильевне, вероятно, после выставки.

В конце 1952 или в начале 1953 года Ариадна Васильевна Скалозубова переезжает к другой своей дочери — Анне Николаевне на опытную станцию в г. Шадринск, так как Ариадна Николаевна в 1953–1954 гг. была вызвана в длительную командировку в Москву и Ленинград. В письме Ариадны Васильевны от 21 ноября 1953 г. к дочери есть такая фраза: «Конев с меня писал Крупскую». Сама же она в это время пишет портрет своего покойного мужа Николая Лукича Скалозубова. Значит, связь художников не прервалась. Несмотря на учебный процесс, Иван Михайлович Конев находит возможность съездить к Ариадне Васильевне.

В 1955 г. Ариадна Васильевна умерла. А в 1956 г. Иван Михайлович Конев увольняется по собственному желанию из Ханты-Мансийского педучилища. Ему сорок лет. И здесь наши знания о судьбе этого талантливого художника, возможно, первого профессионального живописца — уроженца края, прерываются. Впереди исследования, поиски очевидцев, поиски работ художника. Помнит ли кто из старожилов Ханты-Мансийска Ивана Михайловича Конева, худощавого темноглазого художника, дед и прадед которого рыбачили и охотились в здешних местах?

Надежда Сухорукова

Стол находок

Драгоценная паутина

Мы хотим рассказать об одной находке, но начнем «издалека». Любители историй о кладах и сокровищах могут этого не читать. Речь пойдет совсем не о золоте-серебре и вообще не о чем-либо вещественно, предметно ценном, а о паутине человеческих связей. Эта зыбкая, незримая сеть находится в вечном движении и не знает границ, ее нити протягиваются как между людьми, связанными кровным родством, так и между теми, кто разделен океанами и континентами и никогда друг с другом не встречались. Для этих нитей нет преград между «тем» и «этим» светом, между прошлым и настоящим. Образование каждой новой нити внезапно актуализирует какую-то частицу локальной или мировой истории, культуры. Паутина человеческих связей дает нам возможность чувствовать живое дыхание истории.

Теперь начнем представлять участников «открытия». Прежде всего, это два старых партийца, участвовавших в 1920-е годы в делах Кондинского района нашего округа, — Н.Н. Накоряков и И.А. Искра.

Николай Никандрович Накоряков (11.10.1891–10.11.1970) родился и вырос в Тобольске. С 1899 года, когда был студентом, вовлекся в революционное движение, из-за чего имел неприятности: арестовывался, высылался. В 1911 г. эмигрировал в Америку, редактировал в Соединенных Штатах русскую социал-демократическую газету «Новый мир». В 1917 г., после Февральской революции, вернулся в Россию. Был заместителем комиссара Временного правительства в одной из армий, в 1919–1920 гг. служил в белой армии. В мирное время — один из руководителей советского книгоиздания, участвовал в организации издательства «Советская энциклопедия», был членом правления Госкомиздата, директором издательства «Международная книга», в 1930–1937 гг. заведовал Государственным издательством художественной литературы.

На Конде бывал по меньшей мере дважды: в 1897 году, еще юношей, в составе научной экспедиции финна Карьялайнена и в начале 1920-х как сотрудник и заведующий тюменской конторой Центросоюза в связи с заготовками топлива.

Иван Алексеевич Искра (Скрябинский) (1902—после 1974), уроженец Южного Урала, из семьи рабочего. В 1925 году Уральским обкомом партии был направлен в райцентр Кондинского района село Нахрачи заместителем председателя райисполкома. О нуждах района писал в тобольские, свердловские и московские газеты. С конца 1920-х годов работал в Восточной Сибири председателем ревизионной комиссии Бурят-Монгольского обкома партии, редактором газеты «Бурят-Монгольская правда». Затем репрессирован, 18 лет провел на Колыме и Чукотке. После реабилитации жил в Свердловской области, в Челябинске, участвовал в общественной жизни, сотрудничал с прессой.

В 1960-е годы И.А. Искра вел переписку как с Н.Н. Накоряковым, так и с завучем Кондинской средней школы Екатериной Васильевной Головкиной, возглавлявшей ученическую краеведческую работу. В результате этой переписки и дошла до поселка Кондинского (бывшее название Нахрачи) весть о герое нашего сообщения.

В письме к Искре из Москвы 10 ноября 1965 г. Накоряков вспоминал: «...в 1903 году мы, молодая группа большевиков Тобольска, направили в Болчары* юношу... Сергея Карцевского учителем в начальную школу, снабдив его несколькими брошюрами, полшубком, теплой шапкой и нашими наставлениями. Он работал там до конца 1904 года и вел там пропаганду. Судьба его замечательна. В 1905 году все-таки не вытерпел, уехал в Питер, где вступил в партию. Написал и напечатал первый свой рассказ о Конде по одобрению А.М. Горького в одном из первых сборников «Знания». Название «Ямкарка». В 1906/07 гг. во время реакции уехал в Швейцарию и стал там преподавателем русской литературы в каком-то институте. Но большевистская закуска сказалась, враждебным он не стал, сохраняя связь с нашей советской страной.

Спустя месяц, 9 декабря 1965 г., он, адресуясь к тому же И.А. Искре, уточнял: «Об авторе... могу сообщить, что после революции 1905–07 гг. он попал в эмиграцию, сначала в Прагу, а потом в тридцатых годах в Женеву, где был председателем общества советских граждан, умер в

* Село Кондинского района.

Женева в 1955 году <...> Жил он преподавательским трудом и соби-
рался возвратиться на родину».

Весной 2009 г. директор Кондинского краеведческого музея Надеж-
да Ивановна Богданова предложила опубликовать эти письма, храня-
щиеся в музейном фонде, в журнале «Югра». Так в редакции альманаха
узнали еще об одном, как представлялось, незаурядном тоболяке, по-
трудившемся в свои молодые годы на благо нашего Севера. Но что уз-
нали? Почти одно только имя. Необходимо было искать дальше. Обра-
тились за информацией к Интернету, с его помощью заказали второй
том книги С.И. Карцевского «Из лингвистического наследия» (М.,
2004), из которого узнали, что автор... — один из выдающихся лингви-
стов XX столетия!

Авторы вступительной статьи к этому тому И.И. Фужерон, Ж. Брей-
ар и Ж. Фужерон пишут: «Карцевский — это не просто ученый, который
разделяет те или иные взгляды или отмежевывается от них. Это ученый
самобытный, не поступившийся ничем ради своей карьеры. Нам могут
возразить, что его научная деятельность затрагивает не очень широкий
круг вопросов. Возможно, но они разработаны в тесном единстве с его
общей концепцией языка. Имя Карцевского, вероятно, по ряду причин
было отодвинуто в тень. Сегодня настало время вернуть Карцевскому
его заслуженное место в русской и мировой лингвистике».

Далее завязавшаяся сеть связей получила новый прирост. В июле
2009 г. в пос. Кондинский приехала на практику группа студентов-фи-
лологов Югорского университета. Руководитель практикантов канди-
дат филологических наук А.А. Пыхтеева встретила с директором кра-
еведческого музея Н.И. Богдановой, которая, конечно, не могла не спро-
сить о Карцевском. Оказалось, что для филологов это имя не ново, им
известно его научное наследие.

По возвращении в Ханты-Мансийск Алевтина Алексеевна познако-
мила нас с работой В.Г. Кузнецова «Женевская лингвистическая шко-
ла: от Соссюра к функционализму» (М., 2003), в которой публикуется
научная биография С.И. Карцевского. Ниже мы воспроизводим ее с
некоторыми сокращениями.

Ну а что это за рассказ о Конде с загадочным названием «Ямкарка»,
упомянутый Н.Н. Накоряковым, почему история югорской литерату-
ры о нем умалчивает? Как бы его найти? Есть шанс отыскать в журналь-

ном отделе Российской Национальной библиотеки, но получить командировку в Санкт-Петербург в нынешнее безденежное время... «Нет, это утопия», — приходим мы к выводу в телефонном разговоре с Н.И. Богдановой. Но Надежда Ивановна возражает:

— Так у меня же там дочь живет! Попрошу Ксюшу, она поищет.

И вскоре недавняя выпускница одного из петербургских вузов Ксения Богданова, журналистка и фотохудожница, отыскала «Ямкарку», сделала копию и привезла в Кондинский, а Н.И. Богданова передала ее нам для публикации в «Подорожнике». Знакомство с рассказом порождает у любознательного читателя новые вопросы, обозначатся новые линии поиска. Лежавшая втуне информация о жизни и деятельности нашего замечательного земляка Сергея Иосифовича Карцевского начинает приходить в активное состояние. А все упомянутые действующие лица обогатились драгоценным опытом совместного поиска, сотрудничества.

Стол находок

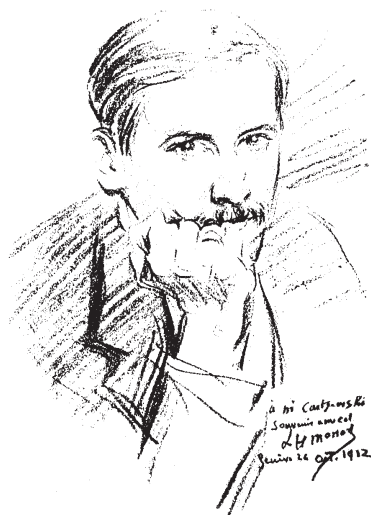
Сергей Иосифович Карцевский

(28 августа 1884—7 ноября 1955)

Сергей Иосифович Карцевский, русский по происхождению, родился в г. Тобольске. Получив в 1903 году диплом учителя, Карцевский в течение двух лет преподает в начальной школе в Нахратчи (Тобольская губерния). Затем заведовал городской библиотекой в Нижнем Новгороде, систематический каталог которой он опубликовал. В этот период Карцевский активно сотрудничает в различных журналах, много ездит по стране.

В 1906 году Карцевского арестовывают в Москве за политическую деятельность (он был членом социал-демократической партии). После года тюремного заключения он совершает побег и, подобно многим русским эмигрантам, находит убежище в Женеве.

Карцевский поступает на филологический факультет Женевского университета, который блестяще заканчивает в 1914 году. В Женевском университете он становится ревностным учеником Ф. де Соссюра, лекции которого по санскриту он посещал с 1911 по 1912 год, и получает основательную лингвистическую подготовку под руководством Ш. Балли, А. Сеше и Б. Бувье, которые, по словам С. Стеллинг-Мишо, «сразу же признали в нем большие дарования к занятиям лингвистикой».

В период пребывания в Женеве и позже литература привлекала Карцевского наряду с лингвистикой. После того как он становится лауреатом конкурса в Петербурге на лучшую новеллу, М. Горький приглашает молодого писателя сотрудничать в журнале «Знание». В этот период Карцевский переписывается с Р. Роланом. Предметом переписки был Л. Толстой, которому Карцевский посвятил ряд лекций, прочитанных в институте Ж.Ж. Руссо.

После свержения царского режима в марте 1917 года Карцевский вернулся в Москву. Здесь на заседании Московского лингвистического кружка при Диалектологической комиссии Академии наук и в Московском университете он выступает горячим пропагандистом идей Соссюра. В Москве Карцевский знакомится с учениками фортунатовской школы. Впоследствии он выступил с резкой критикой представителей этой школы — сторонников формального метода в грамматике. В Москве он знакомится также с А.М. Пешковским, с которым впоследствии сотрудничал и взгляды которого, по свидетельству самого Карцевского, были ему близки.

В течение двух лет Карцевский читал лекции по русскому языку в Днепропетровском университете и одновременно преподавал французский и английский языки, а также русскую литературу в педагогическом институте, проректором которого он являлся.

В 1920 году Карцевский эмигрирует за границу и работает в качестве университетского преподавателя в Страсбурге, здесь он занимается общим языкознанием под руководством А. Мейе и продолжает работать над начатой в Москве докторской диссертацией «Система русского глагола». Отдельные главы диссертации обсуждались в Москве в присутствии крупнейших отечественных языковедов, А.М. Пешковского, А.А. Буслаева, которые высоко оценили исследование Карцевского как первый опыт системного лингвистического описания морфологии русского языка.

В 1921—1922 гг. Карцевский публикует в русской парижской прессе статьи, посвященные изменениям лексики русского языка под влиянием внешних факторов — социально-политических событий («Русский язык и революция» и «Халтура»).

Через два года он переезжает в Прагу, где ведет большую преподавательскую работу. В 1923 году он основывает и становится редактором

журнала «Русская школа за рубежом», выходившего в течение шести лет и, по словам С. Стеллинг-Мишо, пользовавшегося большой популярностью. На его страницах Карцевский публикует ряд статей, посвященных вопросам лингвистики и методике обучения русскому языку.

В 1925 году Карцевский сделал опыт краткого изложения основ грамматики русского языка, положенный им позже в основу изданного в Москве «Повторительного курса русского языка». В этом учебном курсе Карцевский ставил задачей на материале русского языка дать в наиболее простой и лаконичной форме синхронное описание «логико-психологического механизма языка». В предисловии А.М. Пешковский отмечал «глубокую продуманность содержания, доведенную до изящества, строгость и цельность проводимой системы». По словам Н.С. Поспелова, «эту задачу Карцевский блестяще разрешил, сочетав в едином учебнике освещение основ общего языкознания (с точки зрения определенной лингвистической школы) и предельно сжатое изложение системы русского языка». Критикуя сторонников формально-грамматического направления за то, что они начинают изложение грамматики с фонетической системы, Карцевский строит свой курс совсем иначе. После изложения общелингвистических вопросов он переходит к фразе, отнеся вопросы фонетики в конец курса, считая, что «звуковая различительная единица — фонема — является дифференциальным знаком последней ступени».

С. Карцевский явился одним из инициаторов создания Пражского лингвистического кружка и был соавтором знаменитых «Тезисов» этого кружка, напечатанных к I съезду славистов. Через его посредство Н. Трубецкой и Р. Якобсон познакомились с лингвистическим учением Ф. де Соссюра. Карцевский был в гуще лингвистической жизни своего времени — принимал участие во многих международных лингвистических конгрессах, выступал с докладами в Копенгагене и Париже.

И все-таки, как справедливо отмечают Б. Трнка и другие чехословацкие языковеды, авторы коллективной статьи, «Карцевский принадлежал скорее к женевской, чем к пражской школе». В Женевском университете, где под влиянием Ф. де Соссюра, Ш. Балли и А. Сеше зародилось его призвание к лингвистике, Карцевский блестяще защищает в 1927 году докторскую диссертацию «Система русского глагола». Р. Якобсон, имея в виду эту работу и статью Карцевского «Вокруг про-

блемы морфологии», писал, что «Карцевский сосредоточил свое внимание на глаголе как на наиболее динамической части речи и, более того, на самом динамическом факторе в жизни языка — продуктивности грамматических категорий».

Сначала приват-доцент, а затем экстраординарный профессор, С. Карцевский возглавлял в Женевском университете кафедру русского языка и литературы, читал лекции и вел практические занятия по русскому языку и литературе. Преподавал русский язык в знаменитой Женевской школе переводчиков, основанной в 1941 году. Карцевский явился инициатором создания в 1940 году Женевского лингвистического общества, вице-председателем которого он был избран. Более четверти века продолжалась плодотворная научно-педагогическая деятельность С. Карцевского в Женевском университете.

По свидетельству С. Стеллинг-Мишо, все те, кому довелось учиться у С. Карцевского, работать с ним, были восхищены возвышенностью его мысли, его обширными познаниями не только в сфере лингвистики, но и в области литературы русской и славянской. Карцевский играл видную роль в пропаганде русской литературы за рубежом. Его перу принадлежит Антология русской литературы XIX—XX вв., предисловия ко многим произведениям русских писателей, изданных на французском языке в период с 1944-го по 1948 годы. Карцевский основал и руководил с 1929-го по 1935 г. Центром славянских языков и литератур. По свидетельству Р. Якобсона, Карцевский любил говорить: «В моей работе я движим одной любовью, и эта любовь — русский язык».

Значительны заслуги С. Карцевского в области изучения русского языка. Карцевский, по словам Р. Якобсона, первый из лингвистов сосюрловской школы предпринял систематическое описание такого типично «грамматического языка, как русский». «...наиболее детально, четко и убедительно, — писал В.В. Виноградов, — раскрыта система русского глагола в работах русистов, принадлежащих к так называемой «женевской школе». Классификация глаголов, разработанная Карцевским в работе «Система русского глагола», была использована в академической грамматике русского языка (Т. 1. Фонология и морфология. М., 1953). Ценный вклад Карцевский внес в изучение вида <...>.

В 1956 году посмертно был издан «Практический и теоретический курс русского языка» С. Карцевского. «Эта небольшая по объему рабо-

та, — писал в предисловии его сын И.С. Карцевский, — явилась результатом многолетней преподавательской и научной деятельности С. Карцевского и, как указывал сам автор, вовсе не представляет собой компиляцию традиционных грамматик, в которых увековечиваются отжившие понятия». Карцевским был задуман большой труд «Грамматика русского языка». Сохранились рукописные фрагменты этого незавершенного исследования.

Несомненной научной заслугой С. Карцевского является разработанное им учение о фразе. Задолго до разработки в советском языкознании вопроса об актуальном членении он фактически дал анализ этого явления, разработав процедуру членения фразы на составляющие элементы.

<...>

Мы закончим словами Р. Якобсона о С. Карцевском: «Для него прошлое и будущее легко сочетаются вместе, и, обращаясь к творчеству Карцевского, которое сейчас принадлежит прошлому, мы устремляем взгляд в будущее».

В.Г. Кузнецов

Столнаходок

С. Карцевский

Ямкарка

*Посвящаю светлой памяти друга моего
И.В. Земацкого*

I

На берегу ничего не было видно.

Сыпал снег. Сквозь белую движущуюся массу с трудом можно было различить какие-то смутные фигуры, которые без толку сновали туда и сюда, то пропадая, то внезапно появляясь, как китайские тени.

Из-за шума отваливавшего парохода и — как казалось — из-за снега, не было слышно ни одного человеческого голоса; и вдруг над самым ухом кто-то несоразмерно громко заговорил.

— Вы что, с пароходу будете?

Видно только черную бороду, голова закутана в какой-то колпак.

— Да, с парохода.

— Не псаломщик ли будете?

— Нет — учитель. Мне вот в Сатыгу надо...

— Сказывали, в Конде псаломщик помер будто бы, — закричал мужик, стараясь быть расслышанным сквозь свисток парохода, — так я думал, не на его ли, значит, место...

Мужик разом исчез, словно в землю провалился.

Сыплется, сыплется снег, заносит сундучок и коробок с бутылками. Ничего не видно и не слышно.

Но прошла минута, и из снега вынырнула та же мужицкая фигура, держа под уздцы лошадиную голову. Повозился мужик около коробка, потом говорит:

— Поедем, что ль. Подвезу до земской.

Поставили на дровни сундучок. Спереди стал мужик, позади при-
мостился учитель. Тронулись. Где-то мелькнули две-три мужицкие тени;

из-под лошади — откуда ни взялась — шархнула с визгом баба, и ее смеющееся лицо проплыло перед глазами.

Через мгновение все потонуло в движущемся белом пространстве.

Ехали долго ли, коротко ли...

Все время в лицо сыпался снег, и приходилось натягивать фуражку на глаза. Наконец, стало приметно, что едут вдоль какого-то бесконечного плетня. Мелькнула, как привидение, развалившаяся хибарка, а за ней зачастили плетни, огороды.

Снег редел. Становилось светлее. Теперь отчетливо было видно возницу, закутанного в старинный род одежды с колпаком на голове. Мужик стоял, широко расставив ноги, и кучки мягкого снега лежали у него на плечах. Снег засыпал и сундучок, и коробушку с бутылками и, белый, пушистый, набился в складки полушубка.

Свернули в переулочек. Поверх низких плетней видны были огороды, поодаль домишки, черные бани. Вдали за избами показались две-три погнутые ветлы.

Потом повернули еще куда-то, и почудилось, что поехали назад. Опять вдоль плетня, мимо неподвижных избышек. Снова сбоку показались тоскливые ветлы и, нагнувшись все в одну сторону, побежали, проскакивая между домами и стараясь не отставать от едущих.

Остановились в тихом закоулке против нового крылечка.

Лошадь мотнула головой и звякнула поводьями.

— Тпру! — прикрикнул мужик, соскочил с саней и направился к крылечку, отмеривая снег огромными следищами. Постучал в дверь и, выждав, заорал:

— Эй, кто там!

Обернулся мужик и откинул колпак, стряхивая снег, — лицо у него хмурое, в черной бороде до самых глаз.

— Вот тебе и земская.

Еще раз постучал мужик. Лошадь переступила ногами, и звякнули снова поводья. На минуту наступила такая тишина, что показалось, будто слышно, как запоздалая снежинка, покружившись в воздухе, упала на рукав.

В сенях заскрипели ступени, стукнула щеколда, и в темной раскрытой двери встала высокая простоволосая девушка.

— Семен Антипычу! — молвила она, кивая головой мужику и вскользь глянув на учителя.

— Принимай, сватья, пассажира вам привез.

Девушка перевела глаза на учителя; постояла в раздумье в дверях, как бы не решаясь ступить на чистый пухлый коврик снега на приступке; наконец, надумала, протянула ногу в маленьком бродне и направилась к саням.

Сундучок поставили в сенях. Девушка убежала куда-то. Мужик, не простившись, встал на дровни, стегнул лошадь и бесшумно уехал. Сквозь открытую дверь из сеней видны были на снегу следы ног и две широкие санные полосы.

С порога полутемной комнаты пахло сыростью и нежилым. Окна были закрыты, свет пробивался сквозь щели ставен. Маленькая старушонка, в стеганной жилетке и с платком на голове толкалась по комнате, поправляя ногой половики.

Учитель в сенях отряхнул снег с себя и поколотил ногой об ногу.

— Разболокайся, батюшка. Ишь снегу-то навалило. Студено none. Наши-то, как на грех, уехали, — не ждали пароходу-то. Никого дома мужиков нету, — заговорила эта крохотная старушонка, с изможденным бесцветным лицом. — Проходи, входи в горницу-то. Не топлено. Не ждали, батюшка, никого об эту пору.

Голос у старухи был скрипучий, болезненный. То и дело она кашляла, прижимая морщинистую руку к горлу, а потом принималась скрипеть еще жалостнее.

— Истопить бы печку-то, — начала она, пока учитель снимал полушубок. — Эй! Дарья, а Дарья! — закричала старуха в сени. — Провалились все. — Хотела она еще что-то сказать, но закашлялась и беспомощно махнула рукой.

Середина горницы была пуста; между двух окон стоял стол, другой — в углу под образами, и на нем лежала длинная, узкая книжка, вдоль стен несколько стульев, ближе к двери — печка «голландка». Все сумрачно и неприветно.

Снаружи за стеной кто-то завозился, что-то скрипнуло за окном, и следом бесшумно открылась одна ставня. В окно был виден двор, сарайшюшка, пуком составленные жерди — все запущенное снегом. Внизу под окном стояла та же простоволосая смуглая девушка. Запрокинув голову, держа варежки в губах, она укрепляла ставню покрасневшими руками. Некоторое время она не замечала смотревшего на нее учителя, по-

том внезапно вскинула глаза, но, встретив чужой взгляд, отвела их в сторону. Учитель отошел от окна.

Постепенно пооткрывались другие ставни, и в окна глянула пара чумазных избушек, стоявших через улицу.

За перегородкой, в пустой комнатке с бревенчатыми стенами, учитель нашел медный позеленелый умывальник и, умывшись, попросил у старухи чаю.

Оставшись один, он прошелся несколько раз по горнице, устланной холщевыми половиками; потянулся. Во всем теле чувствовалась напряженность и усталость. Вероятно, это было следствие долгого путешествия, сказывались новые впечатления, воздух, снег. Все было странно и чудно вокруг... Новые места, далеко отовсюду, такие края, о существовании которых никогда и не думалось. Все было необыкновенно — деревня, мужик с черной бородой, старуха в жилетке и эта простовологая, стройная девушка. Затем — снег, всюду белый, чистый снежок. Когда он уезжал из города, там на улицах была грязь, на деревьях трепетали мокрые, желтые листья, с вечера шел дождь и надоедливо бился в окна. Здесь же — стояла прочная зима, лежал снег, ездили на санях, и казалось, так было здесь всегда.

Он подошел к окну. За окном лежала тихая улочка, засыпанная белым снегом. Посредине улочки тянулись ровные полосы, оставленные санями мужика, который привез учителя. Напротив через улицу стояли две чумазных избушки, и были они такие тихие, убогие и скромно глядели на божий свет подслеповатыми окнами.

Пришла старуха, принесла посуду. За ней вошла девушка, теперь в белом платочке на голове, и подала самовар. Пар двумя столбами повалил к потолку, и стекла мигом запотели. Комнатка наполнилась ласковым, говорливым гуденьем.

Старуха сообщила, что зовут ее Лукерьей Титовной, и что чай пить она не будет, так как скоро уже время ужинать.

— А куда же ваши уехали, Лукерья Титовна?

— Мужики-те? Да кто куда. Старик мой по рыбу поехал, промышлять, стало быть. Митрей с Аксиньей череда повез — почту в Тюли; еще вчерась уехали, вот мы с Дарьей ждем уж их, скоро вернутся, старик-от тебе скажет, когда ехать; а я сама ничего не знаю, у меня все муж орудует; я уж такая хворая.

Тем временем девушка принесла охапку дров и затопила голландку. Старуха же все рассказывала о своей хворости, о сыне в солдатах, о родне. Самовар погас, песенка его смолкла. Худенькая старушонка стояла, прижавшись к печке и засунув за спину ладони, и повествовала о деревенском житье-бытье.

Здесь, так далеко отовсюду, шла долгая упорная жизнь. Старуха рассказывала про самые обыкновенные вещи: рыбой промышляем, ягодой; по белку, соболя ходят, кто помоложе, а когда и зверя, либо сохатого убьют, — и в воображении рисовалась глухая трудовая жизнь. Сменялось поколенье за поколеньем, ездили по «сорам» (озера), ходили на зверя, рождались, женились, смирно умирали, вновь рождались — и так спокон веку. Оказывалось, что на свете существует село Ягодное, в нем живет старушонка в жилетке, у которой угнали, вот уже четвертый год, сына в солдаты, угнали куда-то непредставяемо далеко, откуда письма доходят лишь через несколько недель, и где лихоманка так и косит людей. У этой старушонки имеется своя долгая, тяжкая жизнь, тесно сплетенная с жизнью Ягодного и с жизнями тех поколений, что рождались и умирали здесь.

В сумерках воображение быстро работало и создавало представление об этом неведомом крае, представление, в котором и старуха, и горница, и чумазые избенки сплетались в причудливую ткань.

В печке потрескивали дрова; тени выползали из углов, а окна стали синими.

Посуда долго стояла неубранной вокруг холодного самовара. Позже вошла девушка; твердо ступая на всю пятку, так что вздрагивали чашки на столе, она прошла через горницу, забрала посуду и самовар; ушла, хлопнув дверью.

Кругом — и в горнице, и на улице — было тихо; ничего не доносилось с хозяйской половины. За перегородкой, в печке потрескивали дрова. Красные блики бегали там по полу и по стенам, вспугивая тени.

Совсем стемнело, и вместе с темнотою тишина стала еще глубже, так что в ушах зазвенело.

В избушке через улицу осветилось окно. Сперва огонек помигал, затем все окно засветилось тепло и уютно.

Где-то зазвякали и заскрипели железом. В окно было видно, как из-за угла земской избы вышли две деревенские девушки в платочках и с коромыслами на плечах. Мерно покачиваясь и поскрипывая пустыми

ведрами, они пересекли пустынную улочку, оставляя позади себя глубокие, сине-черные следы. И когда они скрылись за поворотом, донесся их неторопливый говор, заглушенный рамами.

Принесли зажженную лампу, и вся горенка зажила своей тихой особенной жизнью.

В окна глянула черная ночь.

II

Утром, едва учитель открыл глаза, часы над изголовьем зашипели и торопливо отбили восемь раз.

Вчерашняя девушка принесла воды для умыванья. Чуть-чуть отклоняясь в сторону и отставив руку в противовес тяжелому ведру, она на ходу кивнула головой и молвила:

— Здравствуйте!

— Здравствуйте!

В комнате повеяло запахом морозного утра и снега, принесенным девушкой.

— Ну что, вернулись ваши?

— Отец-от, вечер еще приехали, — раздался из-за перегородки сквозь звон наливаемой воды спокойный, низкий голос.

Утро было холодное. Снег промерз за ночь и сухой пылью рассыпался за окном, и набился в пазы. Над селом дым стоял столбами, упираясь в серо-розовое небо.

Забегала Лукерья Титовна.

— Я только вот попроведать пришла, не нужно ли чего. Старик мой приехал; сейчас прийти собирается — чай пьет покамест.

Хозяин был высокий, худощавый мужик, лет за пятьдесят, немного сутулый, с седеющей бородкой и добрыми карими глазами. На ногах у него были огромные бродни, и на ходу он постоянно шарборил ногой об ногу.

— Дело-то вот в чем, — сказал он на вопрос относительно дороги в Сатыгу, — оно воля ваша, конечно. Мы везти завсегда обязаны, только я вам скажу: никак это не возможно. Сами посудите: зимняку еще нет, кругом болото да сора, еще не смерзло; а потом, на Конду теперь не проедешь. Мой зять, который вас вчера с пароходу доставил, так зять мой сказывал, что и на Реденьком никого народу нет.

— Где, вы говорите?

— На Реденьком, — так пренебрежительным тоном, но с улыбкой проговорил старик, — остячишки живут, ямкари, — почту, стало быть, летом держат, а как зима, они и укучуют к себе на зимовье. По-моему, — возвращаясь к деловому разговору, продолжал хозяин, — по-моему, и шуга уж скоро пойдет, потому больно уж студено.

— Как же быть теперь? Мне поспевать надо, школу открывать пора. Хозяин сидел у окна и оглядывал горницу.

— Как не пора, — согласился он с серьезной улыбкой, — пора. — И помолчал. — Вон и наши парнишки уж к учительше ходят, — добавил он строго, как бы не одобряя медлительности учителя. — Пора...

Потом встал, посмотрел в окно и, когда обернулся, глаза его снова смотрели ласково, и вокруг них лапчились морщинки.

— А я вот кумекаю, что к Покрову, а то и ране пооттеплит. А? Как вы думаете?

— Правда?!

— Оно, конечно, никто не знает, но только у меня примета есть. Обождем маленько. А то, как хотите, — быстро заговорил он, меняя лад на почтительно внушительный, — ежели хотите, воля ваша, пожалуйста только бланку, и мы вас хоть сейчас повезем. Покудова река не стала, мы и на Реденькое возить обязаны.

Он прервал свою речь, открыл дверь в сени и прокричал:

— Дарья, подь-ка сюда!

В ту же минуту дверь на хозяйскую половину распахнулась, показав большую чистую избу с белым столом под образами, и, пропустив девушку, захлопнулась.

— Ты... печку топила? — хмуря брови, строго спросил отец. — Подбери-ка вон там, сору-то сколь оставила. Каждый раз тебе говорить.

— Да я сейчас мести буду, за одним и подберу.

— Ну, шевелись, — опять добродушно понукнул Дашу отец.

Уходя, он обнадежил, что ждать недолго.

— Вот ужо приедут шаламовские рыбаки, они скажут, можно, нет ли на Реденькое проехать.

Круто согнувшись в поясу и забирая платье между колен, Даша подметала горницу мохнатым еловым веником. На голове у нее был теплый платок, сколотый так, что закрывал подбородок, и длинные концы свешивались ей на грудь.

Учитель переходил с места на место, чтобы не мешать девушке, и искоса поглядывал на деловитые движения ее стройной, суховатой фигуры.

— Что, у вас здесь совсем не ездят на лошадях?

Даша распрямилась, не выпуская платя, зажатого в коленях, обернула к учителю смуглое лицо с черными глазами и вполне серьезно сказала:

— Почто не ездят — ездят. Только летом никуда на лошади не уедешь. А зимой завсегда на лошадях.

Потом нагнулась и снова принялась подметать пол. Кончила в горнице, перешла за перегородку и оттуда, спустя немного, заговорила первая:

— На лето у нас всех лошадей в лес угоняют; в лесу и жеребятся. За лето так одичают, что осенью к ним и не подступиться.

По голосу девушки слышно было, что она стоит прямо и, очевидно, не метет. Учитель заглянул в дверь. Девушка стояла за печкой, держа веник в одной руке, а другою с помощью крылышка смахивала пыль из печурок. Она посмотрела на учителя, но больше ничего не сказала.

— Вы бывали в Конде?

— Не бывала. Да чего там глядеть-то, остячишки только со своими анками*.

Даша замедлила движения руки, как бы собираясь вступить в разговор. В это время в сенях хлопнули дверью, раздалась шаги, и Даша, быстро шаркая броднями, направилась к выходу, унося в фартуке подбранный сор.

На пороге она столкнулась с только что отворившей дверь молоденькой девушкой. Та, бросив через плечо Даши взгляд в горницу, проговорила раздраженно:

— Иди скорее, мамонька кличет.

К вечеру учитель задумал сходить познакомиться с местной учительницей. Старуха спосылала Дашу за своим внучком. Пока та ходила, учитель ждал в хозяйской избе, чистой, с широкими лавками по стенам и пестрым пологом кровати за перегородкой. Посматривал от нечего делать в окно. На конце двора стояла старая избенка; на почерневшем от времени крыльце сидел небольшой мужичок и тесал топором поле-

* По-остяцки — женщина, жена.

но. За избой по-за оградой ходили лошади; одна из них свесила голову через жерди и оставалась неподвижной, пуская из ноздрей белый пар.

— Вот тебе и внучек мой, — молвила старуха, когда Даша вернулась. — Ванюшка, а Ванюшка, проводи-ка учителя к учительше... Посек его отец малость сегодня, — ласково сообщила Лукерья Титовна, — не озорничь, стало быть.

Крохотный мальчугашка, одетый по-городскому — в черную шубку и картуз, жался к старухе и не решался взглянуть на учителя.

До училища прошли всю большую улицу. В сумерках встречались бабы, мужики — кто кланялся, кто так проходил мимо. Мальчонка робел и молча поспевал за учителем.

Учительницы дома не оказалось. Пришлось вернуться.

Солнце уже село, и снег стал мертвенно-бледным. В переулках было сумрачно. Кой-где позажигались огни.

В горницу никто не заходил. Было одиноко и скучно. Вместе с сумерками надвигалась глухая тоска. На западе далеко за селом догорала алая заря. Желтая полоса протянулась там над горизонтом, в нее врезались четкие колючие верхушки далекого пихтаря. И небо в той стороне казалось таким манящим, обещающим.

Тоска все надвигалась, скучно было вдали от своих, тоскливо было без дела, одиноко было. Несколько дней, которые предстояло прожить здесь, казались бесконечными и печальными.

С хозяйской половины слышались голоса; там ходили, стучали... По временам звуки надолго смолкали, и тогда думалось, что непробудная тишина царит над селом.

Стало легче на душе, когда пришла Даша топить печь. Потом она заходила еще, принесла лампу, и раз надолго оставалась перед печкой, сидя на корточках и поправляя дрова. Пламя из печи обдавало ее красным светом, ее лицо в рамочке из белого платочка так и горело, и вся она казалась ярким пятном среди темноты за перегородкой.

Учитель стоял около углового столика и перелистывал книгу жалоб. Даша молчала. Но вот она завозилась — можно было подумать, что она собирается уходить, — учитель торопливо подошел к двери. Девушка вскинулась на него глазами и немного подвинулась, когда он опустился тоже на корточки перед дверцей печи. Он улыбнулся ей приветливо, она ответила улыбкой, открывшей белые зубы. Заглянул в печку на крас-

ные пылающие угли, и потом несколько мгновений ничего не было видно, а лицо Даши превратилось в темно-зеленое пятно.

— Скажите, вы давно почту держите?

— Годов пять, не то шесть будет.

Помолчали.

— А что, много народу ездит?

— Когда как, когда много, а когда и никого нет.

Девушка помешала в печке клюкой. Ее жгло из печи, и она, прикрыв щеку платком, старалась не глядеть на огонь и полуотвернула лицо в сторону. Потом поднялась, отряхая платье. Чтобы удержать ее, учитель заговорил о Конде, о Сатыге, об остяках.

Было приятно сидеть у огня и болтать с этой стройной, крепкой девушкой. Она стояла в двух шагах, лица ее не было видно из-за блеска углей. Одну ногу в круглом бродне она выставила вперед, и под неуклюжим ситцевым платьем чуть обрисовалась тонкая коленка.

— Ваш отец бывал в Конде?

— Кажись, нет. У нас, слава богу, и здесь есть остячишек-то. Вон сегодня сколь их понаехало — на кухне сидят. Надо будет черед везти.

— Опять отец ваш поедет?

— Сегодня Новоселовых черед, сватья Алена с братом поедет; может, Аксинья тоже — не знаю. Отец-от сам редко возит, все Митрей да я.

— Разве у вас... не одни мужчины почту возят?

— А вы что думали! Мужу-то что — сидит себе на корме да понукает, а наша сестра иной раз сколько выгребет. Вон у меня что.

Даша высвободила руки из-под фартука и показала небольшие, огрубелые ладони, сплошь покрытые мозолями.

— Это намеднись мы с Аксиньей возили. В один конец верст тридцать сделали да назад.

Девушка разговорилась. Голос у нее был низкий, немного грубоватый.

— Ну, надо идти, — сказала она и улыбнулась краем рта, — а то мамонька забранится.

Учитель чуть посторонился, дал ей пройти и спросил:

— А что, разве Лукерья Титовна очень сердитая?

— Ужо она вам покажет, — задорно бросила Даша на ходу, оборачивая смеющееся лицо в белом платочке.

И она ушла, шаркая броднями.

К ночи хлопнула несколько раз ставня об стену, заскрипело где-то, и подул ветер.

Всю ночь и весь следующий день сквозь село дул ровный упорный ветер; быстро подхватывал и уносил дым из труб; и со скрипом торкались ставни.

Заходил хозяин. Послушал ветер, вынул изо рта вонючую трубку и произнес:

— Дай-то Бог! Ишь, как подхватывает. Этак-то всю Конду наскрозь прочистит. Дай Бог!

III

В дверь стучат.

— Кто там? — еще не проснувшись как следует, кричит учитель, поворачиваясь на софе.

— Вставайте, поедем! Девки уж к лодкам ушли.

Учитель вскакивает и босиком бросается к окну. От прочно лежавшего снега осталось только несколько грязных лоскутов. Всю ночь шел дождь — дождь съел снег. Чумазые избушки нахохлились, насквозь промокшие; тесовые крыши стали черными. Хмурый туман стелется по земле, а над туманом блестит синее небо. В стороне — золотая глава церкви горит на солнце.

— Прощайте, Лукерья Титовна!

— Счастливый путь!

— Счастливо оставаться! — звенят голоса девушек, и они кивают головами в платочках старухе, вышедшей на крыльцо.

Воздух сырой и холодный. Пахнет мерзлой землей.

На длинных ногах вышагивает хозяин, Иван Александрович; на плечах у него снасти. Двое парней в малицах с откинутыми колпаками несут сундучок учителя. За ними идут девки. Учитель позади один. Девки смеются промеж себя, подталкивая одна другую. На них короткие юбки, маленькие бродни; ступают они легко, и под ногами звонко трещат промерзшие лужицы. На плечах у них по веслу. А вот и Даша.

— Вы разве с нами, Даша? — он в первый раз называет ее так.

Она обертывается.

— Вместе к остячишкам пойдём, — говорит она. Ее спутницы фыркают чему-то, Даша тоже обнажает зубы.

Где Еловая впадает в Иртыш — людей нет. Стоят лодки. Развешены сети, они смерзлись от утренника, и коробятся их причудливые складки. Под другим берегом Еловой — подвижный каючок, у него на мачте икона и маленький флаг. Еловая дымится.

Река у берега черная, студеная, дальше она уходит под седой туман.

Над селом плавает тот же туман, из-за него виднеется синее небо. Вдали блестит крест на колокольне.

— С Богом!

Это напутствует Иван Александрович и снимает шапку.

Даша приостанавливает весло и грубоватым голосом, на «о», кричит на берег:

— Сватья Алена, сходи домой, скажи мамоньке, что платок-от я взяла, — и, не глядя на рулевого, словно оправдывается: — а то почнет искать.

Сватья стоит с минуту на берегу; потом медленно поворачивается, идет неторопливо к сетям и что-то там копается.

В лодке народу — пятеро. На корме хмурый, неспроставшийся Митрий; он лениво ворочает веслом воду. Даша и еще одна девушка сидят в грехах; на плечах у них шали, концы шалей перекрещивают им грудь и стянуты узлом за спиной.

— Ноги-те у тебя смерзнут, — говорит учителю Митрий, — право. Ты бы на них сел, что ли, ехать далеко.

Сзади кто-то кряхтит и возится. Учитель оглядывается.

— А, дедка! — признает он старика десятского, вместе с которым пил утром чай.

— Так точно, ваше благородие! — браво восклицает одноглазый дедка. — Я самый и есть.

Девки прыскают со смеху и путают веслами.

— Эй, вы, земкарки, работай! — кричит строго рулевой.

— Ты куда же, дедка?

— Становой послал. На Реденькое поеду. — И десятский, перегибаясь через сундучок, таинственным полупешотом докладывает. — Становой говорит: ты, говорит, доставь вот эти гумаги в Болчары. Я ему, значит, и говорю: как же, ваше благородие, пути туды никакой нету, дескать. А по мне, говорит, как хошь, гумаги нужные. Вот так-то и едем, ваше благородие.

Пухлая девушка, товарка Даши, снова фыркает. Даша сдерживает набегающую улыбку и воротит голову. Дедка смотрит на всех недоумевающим глазом.

Скользит лодка. В лодке люди. Люди молчат.

Жарко девушкам от работы стало. Они скинули кофты и сидят в одних платьях. Их упругие груди перекрещены шальями, крепкие ноги упираются в дно лодки. Всем корпусом откидываются они, заноса весла.

Холодное солнце взобралось на верхушку неба.

Вот она, золотая осень! Невольно учитель обводит взором вокруг — не увидит ли где серебряных паутинок.

— Что это у тебя, дедко, с глазом?

— Пропил, — бурчит Даша, склоняясь над веслом.

— Пошто пропил, — обижается дедка, ерзая на соломе. — Оно правда, выпимши был. Лег спать на сеновале, да и вот... соломиной мне угодило...

Он улыбается жалостно и щупает глаз пальцем. Пальцы у него изъедены грязью и корявые, как сучья. Из шубы его торчит в дыры зеленый косматый мех.

Бледное солнце перекаатилось за полдень и идет все ниже.

— Кажись, Старица, — вполголоса произносит Даша и осматривается кругом, не выпуская весла, на котором крепко лежат ее руки в варежках.

Старое русло Иртыша в половину уже всей реки. По одной стороне — заросль тальника, другая — обрывистый глинистый берег.

Думается о реке: вот течет она гладкая, спокойная. В студеной черной глубине далеко виднеется белое облачко. Потом приходят мысли о дороге: еще далеко, когда-то приедешь, кто там, что за люди живут. Вспоминаются остячишки, о которых говорила Даша, — живут-де грязно, из одной посуды с собаками едят, — даст им полизать, а потом ставит уху варить.

Пухленькая девушка в желтом платье с цветочками утомилась, напрягает все силы; Даша же и виду не подает — упорно загребает веслом, лицо ее покраснелось. Грудь подается вперед, колени раскрыты. Она поглядывает вокруг, но когда ее взор падает на учителя, она пригибает голову и смотрит на свои бродни. Какие маленькие и смешные, и милые эти бродни! Учитель смотрит на почернелые подошвы, обращенные к нему. И становится тихо, радостно и смешливо на душе. Он поглядывает на Дашу и в ее глазах ловит скрытую далекую улыбку.

— Устали вы, Даша, давайте я вас сменю.

— Нет, не пристала я, — отвечает коротко Даша, вскидывая глаза на рулевого.

— Пустите меня!

— Чего ломаешься, Дарья, — прикрикивает Митрий, — отдохни.

Девушка уступает свое место, опускается рядом с прикорнувшим дедкой, крепко натягивает на груди концы шали и прячет под нее руки.

Дедка дремлет. Из шубы лезет мех, и весь старик кажется поросшим зеленым мхом; рука вылезла из рукава и смотрит на божий свет, как корявый сук.

Даша переглядывается со своей товаркой; та пыхтит за спиной учителя и молча, отогнув голову набок, работает, как пристяжная.

Дед проснулся, приподнялся, осоловелый, осматривается.

— Ай и другой глаз проспал, — подшучивает Даша и вкось бросает взгляд на учителя.

— Жарко! — говорит учитель.

— Разжарел. Это с непривычки, — замечает с кормы Митрий.

Но уже холодом тянет в спину. Руки у деда замерзли, и он прячет их в прореху штанов и сжимает ноги, вызывая смех у девушек-ямкарок. Хмурый Митрий ухмыляется. Дедка тоже подсмеивается сам над собою.

Под скрип весел дремлет. Дедка лежит рядом, свернулся калачиком.

Проснулся. Девушки негромко разговаривают. Поскрипывают по-прежнему уключины; назади кто-то, должно быть Митрий, напевает вполголоса. Дедка, почмокивая, сосет трубку.

Холод забирается под полушубок и в рукава. Не шевелясь, учитель открыл глаза. Сумерки, лица девушек-ямкарок потускнели, линия их плеч и головы расплывается.

«Скоро, должно быть, и Реденькое», — приходит на мысль.

На далеком берегу неясные очертания леса, река черная.

— Проснулся, — говорит Даша, и в ее голосе слышится что-то новое, ласковое.

— Выспался, стало быть, — замечает дедка и попыхивает трубкой. Приветливый красный огонек вспыхивает и озаряет его бороденку и одинокий глаз.

Как славно было бы лежать в лодке и думать о чем-то хорошем и ласковом... Холодно, поди, Даше.

— Где же вы ночевать будете? — спрашивает учитель, не обращаясь ни к кому.

— Вот на Реденькое отвезем вас с дедком Васильем.. потом воротимся... недалеко тут избушка есть... наши ягодинские рыбачат... там и заночуем, — отвечает Даша с расстановкой, продолжая грести.

Скоро уж приедем. Дальше потянется одинокая дорога по неведомым краям... впрочем, дедка тоже поедет туда же... Становится на душе веселее.

— Скоро, поди, Митрий, а? — громко спрашивает Даша.

— Скоро уж. Потерпи.

Вновь становится немного грустно. Словно тень какая-то пала на сердце. Хочется свернуться, сжаться в комочек и забиться в угол. Думается о дороге, об училище, ребятишках, потом мысль переходит на Ягодное, Дашу — все путается. Под тихую мелодию говора ямкарки и почмокивания дедки-десятского так хорошо дремлет. Митрий чуть слышно, словно откуда-то издалека-далека, напевает... как бы баюкает...

Сильный толчок разбудил учителя. Он приподнялся. Было уже совсем темно. Девушки стрекотали, Митрий ожесточенно ругался.

«Конда!» — мелькнуло в голове.

— В чем дело? — обратился учитель к возбужденно ерзавшему дедке.

— Лед, вишь, — ответил тот сочувственным шепотом.

О борта и о дно лодки что-то царапалось.

— А ну, гребни, девки! — заорал Митрий.

Весла стучаются об лед, проламывают его. Лодка подвигается на шаг, взламывая ледяной тонкий покров. Кусочки льда отскакивают и, убегая от лодки, со звоном катятся по черной застывшей реке.

— Тише, черти! Поломайте у меня лопашни-те!

Подвигаются медленно.

На черном льду отсвечивает полупотухшая заря. Далеко — силуэт леса, ровная сплошная стена.

— Что это за лес?

Митрий, огромный, черный, с веслом в руке, пробирается на нос, сильно накрения лодку.

— А тайга, — отрезывает он и со злости прибавляет крепкое ругательство.

Глубокое, ровное и спокойное чувство наполнило сердце. Так это тайга! Долго всматривался учитель в неподвижную стену векового

леса. Пронесся ветерок, и показалось, что слышно отдаленный, ровный величавый гул. Но все тихо там, где над тайгой догорает заря. И в глубоком чувстве тонут все впечатления дня, все думы.

Митрий, стоя на носу, пробивал шестом лед, и с великим трудом лодка подвигалась к берегу.

Тайга пододвинулась ближе и, чудилось, молчаливо ожидала.

Стало ясно, что от Реденького никуда не уедешь. Десятский охал и метался, учитель же отнесся к факту легко и сам тому подивился.

— Ну, пойдем, что ли, остячишек посмотреть, — вымолвила Даша, — не видали, так поглядим.

Чуть белевшая тропинка вела прямо к надвинувшейся и страшно молчаливой тайге. Учитель отстал немного — ноги занемели от долгого сидения — и порой терял девушек в темноте; тогда он шел на их голоса. Так дошли до землянки. Из полуоткрытой двери ложилась на землю светлая полоса, раздавались голоса. Даша стояла у входа, поджидая.

— Сюда? — спросил учитель.

— Сюды.

В землянке сизый табачный дым плавал над головами. Посреди стояли, спиной к двери, спутники учителя. У чювала с ребенком на коленях у открытой груди сидела грязная баба, одетая в холщовую рубаху. Двое чужих что-то лопотали между собой на незнакомом языке и потом на мягком ломаном русском расспрашивали прибывших.

Удивляло то, что остяки, оказалось, самые обыкновенные люди. На них не было звериных шкур, не было луков в руках. Перед чювалом смирно лежала собака, растянувшись на земляном полу.

«Странно», — подумал учитель и, пообогрившись, вышел наружу, так как воздух в землянке был очень дурной.

Не торопясь, он спускался по тихому отлогому берегу. Небо было темное, ни звездочки. За спиной глухо нашептывала тайга о чем-то недоступном. Учитель шел по одинокому берегу и несколько раз оглядывался, ему все казалось, что кто-то идет позади.

У черной, как чернила, реки возились девушки, укладываясь в обратную дорогу.

— Скоро, что ли, поедет? — спросила одна из них, и учитель узнал по голосу Дашу.

— Кто его знает, — ответил он, залезая в лодку. — Далеко еще ехать?

— Нет, тут близко, — произнес незнакомый голос другой девушки.

— А где Митрий с дедком Васильем?

— В избе остались.

— А изба же, девка, я тебе скажу, — быстро и негромко заговорила другая девушка. — У нас скотину лучше держат.

— Грязь-то, — начала Даша. — Я испить захотела, смотрю — ведро стоит; взяла, это, я ковшик у анки, — Даша повернулась к учителю, отгибая рукой край платка, закрывавший ей рот, — а от ковша-то такой дух идет, — она покрутила головой, — я уж и пить не стала. Вот живут!

Все заговорили о впечатлениях, не перебивая друг друга и почему-то негромко. И учителю на момент показалось, что они не на реке, не в лодке, а в огромной тихой комнате. Но было чувствительно холодно, и река подо льдом казалась такой студеной и жуткой. «Вот если бы теперь пойти по льду», — подумалось; стало страшно от мысли, что можно провалиться в черную холодную глубину. И все будет глухо, безответно кругом.

Митрий и дедка все не приходили.

Помолчали. Послушали тихое гуденье тайги.

Ямкарки заговорили о своих девичьих делах. Учитель слушал их и думал о том, почему ему кажется, что он уже давно-давно знает этих девушек... Они сидели рядком у сундука, учитель расположился пониже, у них в ногах.

Прошло, как всем казалось, много времени. Стало скучно. Соседка Даши громко позевнула и решила пойти за мужиками. Вдруг рядом послышались голоса, и у самой лодки вырисовалась грузная фигура Митрия, за ним плелся дедка.

Поднялся ветерок и донес запах жилья, улегся, и тогда во след отъезжавшим дошел с берега ровный заглушенный ропот тайги.

Как во сне, добрались до ночлега.

В небольшой избушке, ярко освещенной пылавшим чувалом, среди рыбаков расположились на ночь. Обитатели хижины, заспанные рыбаки, встретили прибывших радушно. Поднялись разговоры. Народ был свой — ягодинские рыбки, работавшие на Шаламова. Сонные, в грязных рубахах, мужики сидели на нарах, иные спали в тяжелых позах. Кто-то поднялся, поставил пару поленьев в чувал, и оттуда посыпались искры. Варили уху. Закурили козьи ножки. Стало тепло, и стены, забитые мхом, взглянули уютно. Учителя удивляло, что никто его не рас-

спрашивал, кто он и откуда, но гостеприимно потчевали махоркой, кормили ухой, дружески подшучивали и похлопывали его по плечу. Кой-кто занялся девушками, довольно грубо заигрывая с ними, и это ему не понравилось.

Девушки улеглись на полу между нарами и скамьей, на которой сидели Митрий и дедка и еще двое и ели уху. Можно было лечь либо рядом с девушками на полу, либо на нары между двух тяжело спавших полуголых мужиков. Учитель поколебался немного и лег на нарах. Оба мужика дышали ему в лицо, пахло от них потом и табаком, и рыбой.

В полусне он слышал, как с громким гулом ввалилась целая ватага вновь прибывших рыбаков. Учителя обдало холодом, один из его соседей подобрал босые ноги и перевернулся на другой бок. И опять кто-то вставал, подбрасывал дров в чувал, потухавший было огонь вновь вспыхивал. Снова варили уху, говорили об улове. Задирали кто-то девушек, те отбивались и долго стрекотали меж собой. И так было нескончаемо долго.

Потом он заснул и, когда проснулся, не знал, сколько прошло времени. Все спало. Чувал погас, и там, в углу, чуть теплились под пеплом угли. Сонными, бесформенными тушами лежали кто где попало.

Он почувствовал, что больше не заснет и, полежав недвижно с устремленными в сумрак глазами, встал. Чуть не наступив на лежавшую у него как раз под ногами девушку и, шагая через чьи-то тела, вышел за дверь.

В тихом сумраке подбежали две остяцких собаки — с пушистыми хвостами, с острыми норками, стали ластиться.

За ночь выпал снежок; маленький уголок на крутом берегу, где стояла избушка, покрыт был нежным грустным снегом. В одном направлении веревочкой тянулись следы собачьих лап.

С обеих сторон стоял спокойный тальник. И было тихо...

Под серым низким небом, по нетронутому снегу учитель в несколько шагов дошел до берега и смотрел на покойную, словно и живую, и неживую, темневшую воду. Собаки побежали за ним, оставляя на серевшем снегу маленькие черные впадинки, стали ласкаться, прыгая ему на грудь и тихо взвизгивая. Одна из них забежала вперед к обрыву, поглядела, потянулась, загребая пушистый снег передними лапами, и издала какой-то странный звук, не умея лаять. И смолкла.

Тогда учитель почувствовал, как мирно и тихо стало на душе. Он вспомнил, как он сюда попал, подумал о том, что ему придется опять

вернуться в Ягодное, и горница земской квартиры показалась такой приветливой. Угрюмый Митрий встал в воображении, и здесь на этом тихом уголке среди ив, над рекой черты лица Митрия смягчились. Дедка Василий стал таким милым, ямкарка в желтом платье с цветочками вспомнилась простой и сердечной, а слово Даша, которое он произнес мысленно, сказало ему о чем-то задушевном и ласковом.

Он вернулся в черневшую избушку, почувствовав, что угар вышел из его головы, заставляя вздрагивать все тело. Ложась на нары, он взглянул на спавших крепко девушек и в полумраке различил между ними мужицкую фигуру, непробудно сонную, и ему стало неприятно.

Потом он жалел и раскаивался, что сам не лег на место этого парня, когда это можно было сделать, и со злобным, нехорошим чувством подумал, что этот парень непременно тот, что с вечера задирает девушек и говорил им нехорошие шутки.

Во сне он часто ворочался. Смутное сожаление о чем-то, что он мог сделать и не сделал, и чего не воротить теперь, отравляло горечью его душу.

Утром в хибарке, темной, неприглядной, с опустившимся потолком, с рыжим мхом, торчавшим из стен, никого уже не оказалось. Рыбаки все исчезли. Оставался один пожилой всклокоченный человек, но и тот собирался уходить.

Все впечатления ночи казались странным, запутанным сном. Митрий по-прежнему молчал и хмуро поводил глазами из-под нависшей малицы. Дедка-десятский суетился, улаживая свою бурю сумку и жалуясь учителю на неудачную поездку. Ни он, ни Митрий ничего, по-видимому, не знали о минувшей безответно тихой ночи. Не знали о ней ничего и девушки, они хорошо выспались, умылись холодным жгучим снегом, и их личики выглядели свежими и веселыми. Не вспомнили, очевидно, они и о том парне, что лежал с ними ночью.

В Ягодное вернулись поздно. Над Усть-Еловой в вечернем воздухе раздавались голоса. Среди пустых лодок стояли две, доверху нагруженные блестящей рыбой. Около них сутились мужики в малицах, сновали бабы. На нартах развозили улов по домам. На пригорке разбирали невод и распяливали его на козелках.

Приехавших окружили, расспрашивая о поездке. Раньше учитель не видал никого, кроме обитателей земской избы, и его очень удивило,

что, как оказалось, все знали, что на селе гостит сатыгинский учитель, и знали, куда и когда он поехал.

Подошли к знакомому домику в три окна, в нем было темно. Ямкарки убежали в калитку ставить весла, дедка с сумкой пошел через двор на кухню, Митрий внес сундучок в темную горницу.

Сейчас же пришел Иван Александрович.

— Здравствуйте, — добродушно усмехаясь, сказал он. — Не пушат Конда. Ну, так и быть, погости у нас, милости просим, мы люди ничего, хорошие. А как там, не слышали, у шаламовских-то, много уловили?

Учитель рассказал, что знал.

— Да чего ж тут в потемках сумерничать, пойдемте нето к нам в избу, чайком побалуемся.

IV

И вот дни потекли.

Мало-помалу учитель освоился с окружающей жизнью, и многое из того, что раньше казалось ему непонятным и запутанным, стало ясным.

Днем он читал что-нибудь из книг, взятых с собою. Несколько раз ходил в училище и занимался с ребятами. Как-то вечером засиделся у учительницы, старой девицы с огорченным выражением лица, но у нее было скучно, и он решил не оставаться больше там.

По утрам Даша или сестра ее Аксинья приносили самовар и убирали комнату. Даша дружелюбно, по-знакомому, кивала учителю головой и, подметая горницу, словоохотливо беседовала, о чем придется. Аксинья же была юркий, пугливый зверек и, не глядя на учителя и закусив губы, стрелой вылетала из комнаты при всякой попытке заговорить с нею.

Затем до обеда все исчезали. Он свыкся с горницей, прохаживался по ней, смотрел в окна на знакомые избы или разглядывал олеографии на стенах, изображавшие эпизоды из отечественной войны.

Обедал он на хозяйской половине один — вся семья уходила есть на кухню.

— Ись, поди, хошь, — говорила Лукерья Титовна, когда он входил в полдень к ней. И она ставила на пеструю скатерть пару поджаренных сухих мерланов, иногда похлебку из рыбы и молока. Учитель съедал все и в придачу огромную кучу мягких душистых шанег, слушая нескончаемую болтовню старухи.

Лукерья Титовна сидела на прялке, веретено прыгало около ее ног. Она рассказывала о новостях на селе, о сыне в солдатах, о том, что старший сын, Данила, хочет делиться со стариками, и что всему зачинщицей его баба. Говорила, как по первому льду девки ходят на ловлю и сами себе приданое промышляют. «И ты что думаешь, девки-то у нас, как мужики, штаны надевают, когда на реку ходят». Потом старуха начинала мечтать о женитьбе сыновей, о том, что девушек скоро замуж выдать.

— Аксинья еще молода, слов нету, а Дарье уже пора.

Учитель спешил покончить с едой и уходил к себе.

Вечерами он шел гулять по селу. В сумерках попадались навстречу мужики, бабы. Иногда гурьбой обгоняли его девушки, скрипя и звякая ведрами, они все враз стройно говорили нараспев: «Путем дорогой!». А он отвечал: «Милости просим!». Другие уже возвращались с реки; с полными ведрами, бережно выступая и раскинув руки на коромысла, они шли рядами по пять или по четыре вместе и негромко беседовали.

В морозном воздухе поскрипывал снег, лицо щипал холодок, и звонкими, чистыми слышались голоса.

Над рекой небо было ясное и блестело тонкими переливами, как эмаль. Вода шла тяжелая, студеная. Рыбаки возились около лодок на Усть-Еловой и обсуждали, скоро ли станет река.

Возвращаясь закоулками домой, он встречал Дашу. Та в шабуре или в одном платочке носила воду с реки или тащила за бечевку, заложив руки назад, маленькие нарты, наполненные рыбой.

При встрече она приветливо улыбалась, останавливалась и, оправляя платок, спрашивала:

— Ну, скушно у нас жить?

— Нет, пока ничего. Ты что, Даша, везешь?

— А вот рыбу тебе на обед везу.

— Больно много что-то.

— Ешь на здоровье. А мы по сено завтра поедем.

— Я тоже ездил как-то с Прошей.

— Так Прокопий тут на селе копну взял, а мы за реку сгребать поедем.

— Меня возьмете?

— Хошь, так поедем. Ты отцу скажись.

— Ладно.

Даша трогается в путь. Учитель смотрит ей вслед. Какой здесь народ! Девушки крепкие, здоровые, красивые. Носят такую смешную обувь, но она ничуть не уродует их, и то, что на ходу они шаркают ногой об ногу, может даже нравиться.

На повороте Даша оборачивается и кивает головой стоящему в переулке учителю.

Вечером он вернулся домой. Прошел в темные сени и, надумав, зашел в хозяйскую избу, где, слышно было, разговаривали.

Там было светло. На край стола облокотился какой-то мужик с рыжими усами. Лукерья Титовна в неизменной жилетке и с прялкой сидела у окна и вела разговор. Поздоровавшись, заговорили о погоде, о рыбе, о чередах. Пришел вскоре Иван Александрович и принес полбутылки водки. Налили в стаканчики, выпили без закуски. Лукерья Титовна тоже пригубила.

Попозже Даша пришла в горницу топить печку.

Учитель достал гитару из сундука и сыграл несколько песен.

Девушка ушла за перегородку и слушала, или только казалось, что слушала, склонив голову и сидя перед дверцей печи.

Уходить ей, видимо, не хотелось, она помолчала, потом спросила:

— Есть кто там? — она мотнула головой по направлению к сениям.

— Лукерья Титовна да Иван Александрович... Еще кто-то есть, не знаю кто.

— Какой из себя? Рыжий, мордастый такой? — И она показала руками.

— Рыжий. Водку пьют.

Учитель заиграл «Коробушку».

— Солдат это вдовый, Ермила, — негромко заговорила девушка и, повернув освещенное личико к учителю, молвила серьезно и твердо:

— Меня сватает.

Музыка оборвалась. Подумал, что ослышался, и переспросил:

— За кого?

— Жених мой будет, — повторила Даша и хотела улыбнуться, но улыбка вышла нехорошая.

Учитель приподнятым голосом спросил:

— Ну?

— Чего — ну? Все.

Он отложил гитару и глухим голосом, не глядя на Дашу, сказал:

— Совет да любовь.

— И то дело, — ответила девушка, поднялась, отряхнула платье и пошла вон.

В горнице стало тихо-тихо.

Окна стали черными; под столы, стулья и под сундучок в углу забились тени и шевелились там. За перегородкой скрипнула половица, еще одна, другая, словно там, в темноте, прошел кто-то невидимый. В дверь глянула темнота, ослепленная светом и не решавшаяся переступить в светлую горницу. Белая печь скромно отодвинулась в уголок. На стену против лампы выбежал таракан, остановился на всех лапках и с любопытством, готовясь ежеминутно убежать, зашевелил усиками.

В этот вечер все чувства и мысли обострились до предела. Учителю казалось, что он слышит, как шевелятся тени по углам. Он все примечал.

Вдруг в сенях завопились, застучали, кто-то подошел к двери. И в горнице все дрогнуло, переменяло свои места, огонь в лампе подпрыгнул. Опять горница стала простой и понятной.

И тогда только учитель почувствовал: что-то переменялось и в нем самом. Голос девушки зазвучал в его ушах, и когда он вспомнил, как пил водку, ему стало стыдно и горько.

На другой день, как всегда, он обедал у Лукерьи Титовны.

На душе было хмуро; на улице тоже была непогодь: сыпал непрерывно колючий снег, и свистел ветер.

Обед был невкусный: рыба подгорела, похлебки не готовили, хлеб дали с закалом. Старуха ныла о своей хворости и скрипела, как бы прося пожалеть ее хилость. Но учителю жалеть ее совсем не хотелось. Он молча, не поблагодаривши, встал из-за стола, прошелся по избе, снова сел. Спросил о чем-то. Старуха, как всегда, простодушно ответила: «Не знаю я», — как будто хвалилась: вот-де, мол, я какая, ничего я не знаю.

— А где Даша? — спросил учитель, не выдавший ее с вечера, и сейчас же вспомнил, что она собиралась ехать по сено.

— С чередями уехала не то в Тюли, не то в Фили, не знаю куды.

— А кто по сено поехал?

— Никто, кажись, не ездил. Да куды поедешь, вишь, пурга какая.

Учитель посмотрел на двор, где за вьюгой не видно было даже кухни, послушал, как хлещет снег в стекла, и представил себе Дашу в лодке, продрогшую, промокшую, и пожалел ее.

Даша возвратилась уже к ночи.

Учитель сидел у хозяев и читал им «Махмудкиных детей». Старик чинил сеть, слушал внимательно, иногда переспрашивая непонятное. Проша немилосердно зевал на лавке у печи. Лукерья Титовна, ничего не понимая, старательно улыбалась, когда учитель поглядывал на нее из-за книги, и время от времени заговаривала с Прошей о посторонних вещах.

Даша вошла в избу, в чем была в лодке — в кофте, наглухо повязанная платком, в рукавицах и в почернелых броднях. Вошла и, равнодушно скользнув глазами по сидевшим вокруг стола, молча прошла за печку под голбец.

— Ты бы, Дарья, на кухне переоболокалась бы. Ишь, грязи нанесла, нелегкая вас носит, — и старуха разворчалась.

Слышно было, как Даша пробурчала себе что-то под нос.

Отец, не отрываясь от починяемой мережи, сурово молвил.

— Поговори ты у меня.

Даша смолкла. А Проша с лавки злобно бросил в сторону голбеца:

— Я те косы-те повыдергаю, ты чего дерзишь, — и улыбнулся совсем по-детски учителю, с упреком посмотревшему на него.

Чтение прервалось.

Через минуту Даша вышла из-за печки и с узлом тряпья ушла в сени. Но чтение не возобновилось. Лукерья Титовна собиралась спать. Проша, единственный мало-мальски грамотный в семье, задремал в неудобной позе у печки, а для Ивана Александровича книга оказывалась недоступно трудной.

V

Прошла ночь, наступило утро.

Вода в рукомойнике была холодна. Самовар отчаянно шумел на столе, ржаные шаньги дразнили аппетит.

Когда учитель покончил с чаем и перевернул чашку, за его спиной открылась дверь, и вошел, он знал, кто.

— Здравствуйте, — просто, как всегда, сказала Даша и пошла за перегородку.

Учитель вошел туда же. Она посмотрела на него и, как всегда, улыбнулась.

— Далеко вчера ездили?

— В Фи́ли.

— Устала, по́ди?

— Устала, — простодушно подтвердила девушка и утомленно перевела дух. — Вишь, руки какие стали.

И учителя вдруг потянуло к этим вспухшим, покрасневшим рукам. Он схватил их в запястья и не знал, что делать. Даша странно — недоумевающее и пугливо — посмотрела на него, неторопливо высвободила руки. Взяла огромный еловый веник и начала мести, где стояла. Учитель мешал ей, выхватывая веник, думая: вот сейчас, вот сейчас... В голове стучало... Даша устало и со смехом сопротивлялась и стала гнать его за дверь. Тогда он схватил ее за плечи так крепко, что веник выпал из ее рук, и когда в борьбе ее грудь коснулась его груди, он прижался к ее губам. И что-то дрогнуло в нем, и жгучее проникло все его существо. Оба отскочили друг от друга. Даша быстро вышла в горницу и оставалась посреди нее. Спинай к учителю, опустив руки и чуть склонив голову, она, казалось, прислушивалась к чему-то, творившемуся с ней.

Учитель, испуганный, стоял за перегородкой, не решаясь приблизиться к девушке, и думал: что я наделал, Боже мой, что я наделал!

В сени кто-то вышел с хозяйской половины.

Даша встрепенулась и, заправив под платок выбившиеся волосы, вернулась. Не глядя на учителя, она принялась за работу, но дело спорилось плохо — веник больше ходил по воздуху, чем мел. Учитель, набравшись решимости, приблизился к ней, она не обернулась. Но когда он нагнулся и сбоку заглянул в ее покрасневшее личико, она выпрямилась, дрогнула, как стройное деревцо на корню, и всей грудью прильнула к нему, неумело отвечая на его поцелуи.

Учитель, задыхаясь от бурно колотившегося сердца, прерывисто бормотал:

— Поедешь со мной в Конду? Поедешь? Поедем!..

Девушка первая пришла в себя и, подражывая учителя, все еще прижимаясь к нему, говорила:

— Там у тебя анки будут, красивые... лучше меня.

Она едва успела вырваться из рук учителя, крепко обхвативших ее. В горницу влетела Акси́нья. Подозрительно оглядела обоих. Учитель отпрянул к окну и смотрел на вошедшую. Даша, плохо скрывая смущение, низко согнувшись, водила веником по полу.

— Ты чего копаешься? — раздраженно накинулась Аксинья и злобно посмотрела на учителя. — Я вот мамоньке-то скажу!

— Говори, — спокойно, распрямляясь и глядя в упор на сестру, отвечает Даша. Краска сбежала с ее лица, улыбка исчезла, и стала она спокойной и гордой. — Говори! Чего ты скажешь?

— Да! — восклицает Аксинья возбужденно. — Мне не разорваться! Тятя на кухню посылает, по воду надо идти. — В голосе у нее слышатся слезы.

— Ну, ступай, сейчас я приду, подмету только.

Учитель был удивлен, как спокойна стала Даша, не подала и виду сестре, и как просто все это у нее вышло.

В этот день Даша то и дело забегала на горницу, урываясь от работы. А учитель ходил, как пьяный, натываясь на стулья.

В сумерках он ходил по горнице и мечтал. Идти гулять не хотелось, на улице все представлялось чуждым, крикливым, горенка же с утра была полна чем-то радостным и ласковым. И как когда-то давно село солнце, уютные сумерки спустились на землю и залили горенку. Далекая заря зажглась на небе за колючим пихтарем и наполнила сердце тихой жгучею радостью. За окном в крепком морозном воздухе звучали звонкие голоса ребятшек, игравших насупротив, близ чумазных избушек.

Он ходил и мечтал. Не хотел зажигать лампы. О будущем не мог думать, оно было таким огромным, радостно-необъятным. И всегда мысли возвращались к утру, к Даше. Не помешала и Аксинья, он ходил и слушал, как она возится у печки, и думал: она сестра Даши.

Потом в груди разом что-то поднялось и сдавило горло. Он схватил гитару и запел так дико, что Аксинья захохотала, как сумасшедшая.

Ужинал он вместе с Иваном Александровичем. Лукерья Титовна по-всегдашнему сидела за пряжей. Даша прислуживала, и, когда она присаживалась на скамье неподалеку, было видно сухую красивую щиколотку ее ноги. Учитель искоса поглядывал на тихо светившееся лицо девушки.

Рано-рано утром в дверь постучали. Учитель сразу очнулся, узнав знакомый голос, и радостно полутревожно ждал.

— Вставайте! Ехать пора. Будет спать.

Он не откликнулся. Тогда дверь потянули, открыли; Даша встала на пороге. Запрокинув голову, учитель любовно смотрел на девушку. Она была со-

всем готова в дорогу, смуглое личико выглядывало из-под кучи платков, нежно очерченные губы беспрестанно двигались, складываясь в улыбку.

— Будет тебе спать, невесту проспидишь.

— Садись рядком, поговорим ладком, — пригласил ее учитель и подвинулся на софе.

Девушка причмокнула губами с видом — знаем мы вас — и, весело подмигнув, сказала деловито:

— Верно говорю, вставать пора, сейчас поедем.

Учитель мигом оделся, умылся и, веселый, пошел к хозяевам. Даша была уже там и, обжигаясь, торопливо тянула с блюдечка чай. Она поглядела на него, и он прочел в ее темных глазах заговорщическую улыбку.

Ему стало жутко и сладко.

Иван Александрович правил лодкой, Даша и учитель гребли. Акси́нья с Прошей уселись посреди на куче граблей и вил. Учитель не чувствовал никакой усталости и греб без передышки, стараясь попадать враз. Даша сидела рядом с ним, крепко укутанная, так что лица ее не было видно. Когда, заноса весла, она раскрывала колени, то всякий раз касалась ноги учителя, и он ощущал ее тепло.

Пересекли сонную реку, въехали в маленькую речушку, загадочно черную среди белых берегов, и поплыли, пробираясь под нависшими ивами и взламывая шестами прибрежный ледок.

За перелеском оказалась маленькая тропинка, извиваясь змейкой, она привела к небольшому полю. На поле стояли обсыпанные снегом копны.

Работали рядами. Каждый вел свой ряд. Встряхивал сено, очищал его от снега, и на конце поля мало-помалу набирался вал сена. Полоса учителя всегда шла вкось и неизменно сходилась с Дашиной за спиной Акси́ньи. Акси́нья хныкала и бранилась. Даша в подоткнутой верхней юбке тихомолком грозила учителю и спешила успокоить сестру. Проша покрикивал на девушек и во весь рот по-детски улыбался издали учителю, утирая пот с широкого безусого лица.

Было весело. Из-под снега выгребали сено, а от сена пахло миновавшим летом, душистыми теплыми ночами. Далеко кругом в прозрачном воздухе виднелись копны и одинокие ракиты.

Собрались полдничать под большой куст. Иван Александрович находился уже там, готовил какое-то варево и резал хлеб огромным ножом.

Учитель чувствовал себя сильным, полным отваги, и ему хотелось сделать что-нибудь особенное, чтобы удивить всех.

Расслаиваться было некогда, да и снег был холоден, потому немедленно снова принялись за работу. Стали сметывать сено в копны. У Даши и учителя была своя копна, и они дружно обкладывали ее со всех сторон, шутя, смеясь, весело болтая. Иногда, расшалившись, учитель гнался по полю за Дашей, отнимая у нее сено. Девушка защищалась и преследовала учителя, пока Иван Александрович не прикрикивал на нее. Проша баловался, толкал всех в сено. Даша тоже забежала как-то сзади и толкнула учителя, тот потерял равновесие и полетел на копну, вскочил, догнал девушку и повалил ее, но так неловко, что она зашибла себе руку. Ему сделалось стыдно за свою неуклюжесть, он сразу притих, сжался и долго не трогал Дашу.

А потом забыл обо всем и снова гонялся за нею, и было весело.

Торопились покончить работу засветло. В перегонки сметывали копну за копной. В спускавшихся сумерках блестящие глаза Даши задорно поглядывали.

Пока вернулись домой, стемнело.

Учитель переодевался в сухое, когда зашел хозяин и позвал ужинать. Уходя, он вспомнил что-то и вернулся от двери.

— Да, вот что, совсем из ума вышибло, старуха моя спросить велела: баню сегодня топили, не хотите ли в баньку сходить?

— Почему нет, ладно.

Проводить в баню вызвался Проша. В сенях им повстречалась Акси-нья, и при свете из отворенной хозяйской половины было видно, что волосы у девушки мокры и гладко причесаны.

По задворкам добрались до какой-то ограды. Среди пустыря чернела маленькая избушка с плоской крышей. Проша указал, куда нужно было идти, и учитель направился один, стараясь не оступиться в нарытые кругом ямы. Сделалось жутко одному на задворках и в темноте. Около бани запахло едким дымом. Он разделся в холодном предбаннике, потолка не было, и лучистые звезды смотрели сверху в закоулок.

В бане было жарко до духоты. В углу за корчагой горели угли на очаге. Учитель ощупью отыскал на окне сальный огарок и зажег его. По запотевшим стеклам оконца струилась вода, и все оно было покрыто

как пупырьками и не отражало света. По закоптелым стенам лег матовый отсвет, и бесцветная длинная тень перебежала по ступенькам полка и переломилась над головой.

Пахло угаром и дымом. Среди духоты и жары под горячей водой впечатления дня казались странными и бесконечно далекими. Раз как-то вспомнилось о вчерашнем утре, и сердце вдруг сжалось, и счастье наполнило все тело. Захотелось кричать, прыгать, выбежать на улицу и, дрожа от стужи, запеть так, чтобы слышали звезды.

Одеваться в предбаннике было холодно, теплота тела быстро исчезала, пробирала дрожь. Сверху смотрели далекие звезды.

После бани всей семьей пили чай. Даши не было, она ушла в баню. На ее месте сидела Аксинья, молоденькая, с белым личиком, чуть тронутым веснушками на переносье и около больших пугливых глаз.

Учитель был возбужден, покраснелся и не испытывал усталости. Его очень удивило, когда хозяйева рано завалились спать. Возвращаясь к себе, в темных сенях он повстречал кого-то и по шагам и по шелесту платья догадался, кто это. Он сжал девушку так крепко, что та пискнула.

Войдя в горницу, он сразу почувствовал страшную усталость и, еле успев раздеться, заснул крепким сном.

VI

Приближался Покров.

Становилось все холодней и холодней. По утрам над селом висел туман. В солнечные дни так блестело все кругом, что глаза болели. Снег хрустел под ногами, и визжали полозья саней. Когда отворяли дверь, в избу вкатывался тяжелым клубом холод.

Была как бы полная зима.

Но река еще не стала. Тяжелая и мрачная была она, и небо над ней по вечерам делалось необыкновенно прозрачным и отливало перламутром. Рыбаки толпились на берегу и ждали, а пока что готовили снасти к зиме и подумывали, что скоро будет время ехать на Чундорский сор.

Учитель свел знакомства на селе, и порой его навещал кто-нибудь из парней. Свертывали сигарки, просили поиграть им на гитаре и уходили. С ними скоро наскучало.

По утрам заходила Даша. С морозу она бывала свежая и розовая, от нее веяло бодрым холодом. Убирая комнату, она напевала что-нибудь,

часто отбрасывала веник прочь, проходила к учителю, и он сажал ее к себе на колени и гладил ей волосы.

По-прежнему в сумерках ходила она за водой.

Шли день за днем, и учителю начинало казаться, что он никогда и не выезжал из Ягодного.

Однажды он проснулся оттого, что какое-то хорошее воспоминание хлынуло в его грудь и переполнило ее. Он открыл глаза, и тотчас же ему пришло в голову: что-то ждет и торопит его.

В горнице было необыкновенно светло, потолок блестел как-то особенно, и он сразу догадался, в чем дело. За ночь выпали целые горы нового яркого снега. Хрустально синий воздух искрился. Все за окном было необычайно торжественно. Учитель одевался торопливо в предчувствии чего-то особенного.

На улице кричали парнишки, задирая девчонок. Деревенский нищий, старик с толстым красным носом, повязанный по-бабьи платком, прошел куда-то, и был он важный и торжественный.

Когда Лукерья Титовна пришла в горницу и затеплила лампадку, учитель сообразил, что сегодня Покров. И точно, следом ударили в колокол, ровный благовест загудел над селом, а стекла чуть слышно задрожали.

Заходили Проша с Митрием. Проша и раньше навещал учителя, забегал покурить, прочитывал заголовки на книгах, беспрестанно скалил зубы и, соскучившись, скоро уходил. Митрий был медлителен в движениях, внимательно оглядывал горницу, как бы не признавая ее, приценивался к гитаре, полушубку и к сапогам учителя. Оба брата одеты были по-праздничному.

Аксинья дичилась, как и раньше, но была такая свежая и так празднично выглядела, что учитель принялся заигрывать с ней, пока она не убежала с визгом и хохотом.

Иван Александрович повстречался в сених, от него пахло коровьим маслом, и голова его была гладко расчесана.

— С праздничком вас, — сказал он как-то наставительно, и оба вошли в избу.

Там перед зеркалом, заклеенным конфетными бумажками, принаряжалась Даша. Платье на ней было ярко-пестрое, а в косу она вплетала красную ленту. Она полуобернулась к вошедшим и поздоровалась. При

отце и для праздника она была скромна и серьезна. Учитель смотрел, как она ходила по избе, оправляя взбитые половики, потом подвязывала новый фартук, и на него веяло чем-то милым и девичьим от ее гибкой и стройной фигуры. И было жаль, что на девушке не прежние старенькие бродни, а кожаные щегольские башмаки с медными гвоздиками.

Вернувшись от обедни, Иван Александрович передал учителю приглашение пожаловать к Шаламову на новоселье. Лукерью Титовну тоже звали, чем она была страшно польщена: все суежилась, хлопотала и рассказывала:

— Мы ведь с ним, с Шаламовым-то, с Николай Петровичем, родня. Жена его, покойница, сестрой мне доводилась. Был он мужик бедный, а теперь — вона, не достанешь. — Старуха, счастливо улыбаясь, высоко показывала рукой.

Но учитель ждал, что к нему придет Даша, тем более что из дому расходились, кто куда. Он не хотел идти к Шаламову, несмотря на все уговоры старухи. Оказалось, что Даша убежала с подругами на село. Учитель обиделся и в отместку ей решил пойти.

Отправился он один, так как старуху задержала замужняя дочь, пришедшая к ней в гости. Разыскать Шаламова не стоило никакого труда. Казалось, все село было приглашено, отовсюду валил народ.

Пришел он, когда уже молебен кончился. В трех обставленных погородскому комнатах толпилось с полсотни гостей. Пахло ладаном и новым тесом. Хозяин, коренастый рябой мужик, подвел учителя наперво к столу, выпил с ним водки, закусив муксуном, потом оставил его одного. Знакомых среди гостей не оказалось, с трудом он отыскал учительницу, та терялась среди огромных буфф на рукавах и казалась зашитой в невозможно узкое платье. Учитель поговорил с ней, посмотрел на толстобородого седого попа, беседовавшего с Шаламовым, послушал, как в соседней комнате заиграли на герофоне, и когда начали танцевать, он, не простившись, ушел, пробираясь сквозь толпу любопытных, стоявших на лестнице и вокруг дома.

На земской квартире в сенях он столкнулся с Дашей.

— Ты куда! — И он загородил ей дорогу, расставив руки.

Девушка, косясь на дверь, шепотом заговорила:

— Ступай в горницу, я сейчас приду.

Но ждать пришлось долго. Даша пришла не одна, а привела с собой двух подруг; потом, попозже, прибежала еще Аксинья. Девушки, разря-

женные, чинно сидели вряд на софе, щелкали орехи, собирая скорлупу в горсточку. Перешептывались, переглядывались, но с места не трогались. Учителю сначала было и досадно, и скучно, однако постепенно он разошелся, пел забавные песни, подыгрывая на гитаре. Девушки смеялись, кроме одной, худой и некрасивой, та все время молчала и неодобрительно поглядывала на учителя, который под конец пустился в пляс.

Как раз тогда появился Проша.

— Ишь ты, чисто вечерка, — сказал он с довольным видом и принялся подплясывать, так сильно притоптывая сапогами, что задрожал потолок. Целый вечер Проша балагурил с девушками, бил их по рукам и давал тумачков в спину. Девушкам, видимо, это нравилось, они давали сдачи, и все, не исключая и некрасивой, недовольной, гонялись за парнем по горнице.

Наконец, Проша ушел и увел с собой девушек.

Даша осталась, она расшалилась, как жеребеночек, пела песни, подбегая изредка поглядеть топившуюся печь, перед которой она приседала, подбирая новое платье. Раз даже прошлась она по комнате казачком, постукивая каблучками и распустив платок, но плясать она не умела.

К ночи уже она забежала еще раз. Склонилась над столом и заглянула в книги, которые читал учитель.

— Хочешь учиться читать?

— Хошь, так учи. Только я не выучусь, стара для того.

— Пустяки! — И, обняв Дашу, он привлек ее к себе на колени. Поддерживая одной рукой горячую, трепетавшую девушку, он показывал ей буквы, сам дрожа от волнения. Головы их склонились над книгой, и ее волосы щекотали ему лицо. И учитель улавливал запах ситца и чуть слышный аромат молодого гибкого существа.

Даша поздно ушла из горницы, пробираясь в потемках в одних чулках и держа в руках башмаки.

Учитель не спал. Сидел на полу, где он устроил постель, обняв колени и вглядываясь в переставшую быть страшной темноту.

Лицо горело, а самого его било как в лихорадке.

Наутро он долго не выходил из горницы. Казалось, что все всё знают.

Пришла Даша, и он не решался поднять на нее глаз. Но изумление потрясло его, когда Даша просто, как всегда, приблизилась к нему. Он целовал ей волосы и прятал лицо свое на ее спокойно вздымавшейся груди. И когда он осмелился заглянуть в ее глаза, они смотрели на него

такие ласковые, на его душу сошел мир, и в груди радостно запели птицы. А Даша, казалось, стала старше, лицо ее немного осунулось, глаза легли глубоко, и что-то серьезное сквозило в ее улыбке. Она сама, по видимому, не замечала этого, пробовала шутить, как бывало, взяла папироску, затянулась, но все было не то. И учитель не мог уже представить себе прежней шаловливой, резвой, как жеребеночек, Даши, давней Даши, в движениях и в голосе которой, и в улыбке больше всего всегда чувствовались ее полудетские годы. И ему казалось, что стал он маленьким мальчиком, и он льнул к ней, как к старшей, все знающей, обо всем думающей, заботливой сестре. Послушно, как дитя, пошел он за ней, когда она позвала:

— Ступай скорей, мамонька ждет с самоваром.

С увлечением занимался он в этот день в школе. В сырой и полутемный всегда класс заглянул луч солнца. Золотая полоса легла на разноцветные головы ребят и озарила большую икону в углу. На иконе был изображен Христос, играющий с детьми. Учитель слушал ответы ребятшек и тихо любовался мирной картиной, и думал о далеких временах.

Потом диктовал «Тучи черные собираются...», «В золотое время хмелем кудри вьются...», «Зима в теплой шубе идет...». Спрашивал:

— Написали?

А сам думал о золотых кудрях, о мрачных тучах, буйных ветрах, белоснежной зиме, и сухие фразы диктанта перевоплощались в многоцветные образы. Думал о Даше, тогда голос его срывался. Так было все время урока. Урок кончился страшно быстро, учитель пошел в лес. Даши не должно было быть дома.

Шел по берегу реки, с наслаждением втягивая холодный воздух. Из серебряного снега вздымались огромные стволы, черные голые ветви рассекали ярко-синее небо. Меж ветвей носились синики и взволнованно чирикали.

Ушел он далеко и не хотел возвращаться...

— Завтра наши неводить поедут, — сказал как-то Проша.

— Ты что ж, поедешь тоже?

— Надо бы напоследок-то. А вот уж река станет, на сора пойдем, тебя возьмем.

— Я, пожалуй, и завтра поеду.

— Коли охота есть, так чего не ехать.

Сбираться начали с вечера. Для учителя подобрали старенькую оленью малицу, сверху дали надеть суконную, примерили бродни, кожанки. Старуха смотрела, как снаряжали учителя, и говорила:

— И чего ты там не видал? Дело грязное, мужицкое, а ты городской... Ступай, посмотри, а я бы так ни в жисть не пошла. Молода была, находилась уж. У нас бабы-то тоже промышляют. Как река станет, все девки пойдут, со всего села соберутся. Сами себе приданое справляют. В штанах, чисто мужики...

Даша оживилась и принялась рассказывать, как девки на реке хозайничают, и как тогда никто из мужиков не подходит — свой ли, чужой ли, живо с ног собьют, и так здорово! Песни играют. Любо-весело.

Ночевали у парня Захарова, приятеля Проши. Двинулись еще до свету.

Даша тоже должна была поехать, но учитель увидал ее лишь когда выехали на реку. Она сидела в одной из лодок в куче мужиков. Учитель почувствовал себя чужаком среди нескольких десятков серьезно молчаливых мужиков.

Когда подъезжали к противоположному берегу, повалил хлопьями густой снег. Учитель потерял из виду Дашу, не узнавал местности и весь день действовал, как в тумане.

Вместе с несколькими другими его высадили из лодки и кинули им на берег тяжелую мокрую веревку. Все стояли и ждали. Сыпал снег. Было холодно и скучно. Он не понимал, где он и зачем. Какой-то маленький шершавый мужичонка привязывался, говорил: «Не так стоишь. Взялся за работу, так дело делай». А другие молчали, и не было никого из знакомых. И делать, в сущности, было нечего. Было обидно и чуждо все.

Вдруг откуда-то донесся крик. Мужики всполошились, ухватились за тяжелую склизкую веревку, взвалили ее на плечи и потащили куда-то. Учитель встал в линию и тоже тянул, ослепленный снегом, увязая в топком иле, с трудом вытаскивая пудовые бродни, облепленные грязью. Сзади кричали, напирали, впереди видно было только чью-то спину. И ничего нельзя было понять.

Наконец, ему показалось, что он сейчас упадет от усталости, и как раз тогда все вдруг остановилось, перевели дух.

Через минуту пошли снова, и так весь день.

Однажды натолкнулись на кучу мужиков, и перед учителем мелькнуло лицо Даши. Она стояла среди рыбаков и смотрела куда-то мимо.

И вот остановились. Бросили веревку. Кто-то сказал:

— Ну и слава богу.

Несколько рыбаков перекрестились, не снимая шапок.

Кто-то наклонился к учителю и спросил:

— Устал, малец?

— Нет, пока ничего, — ответил учитель, чувствуя, однако, что ноги у него коченеют.

Прошин приятель подошел и ободрил:

— Скоро теперь домой. Множино уловили, одной щучины сколь да нельмушек. Погляди-кось.

Только теперь учитель заметил, что снега уже не было. Все стояли в глубине залива на узкой белой косе, взмешанной и загрязненной ногами рыбаков.

Из-за реки виднелась далекая беленькая церковь села.

Сели в лодки, подтянули невод, полный блестящей рыбы. Мужики становились ногами прямо в мотню, на рыбу, и черпали улов ковшами.

Учитель отбирал для садков мелкую рыбешку, «живость», и бросал чебаков кривокрылым мартынам. Те хватали добычу на лету и с жалобным криком кружили над лодками. Раз как-то он вспугнул рукой близко подлетевшую птицу и стряхнул рукавицу в воду. Он хотел скрыть свою неудачу, но увидали; поворотили лодку, прервав работу, и рулевой веслом вытащил утопавшую кожанку. Учитель чувствовал себя неловко, сидел с голыми озябшими руками и думал только о том, чтобы скорей очутиться дома.

По возвращении на берегу над Усть-Еловой встряхивали невод, от него летели крупные жгучие брызги. Потом растягивали невод на козелках. Против учителя стояла Даша и красными с холоду руками быстро расправляла сеть, по временам пуская в дело и зубы. Она весело болтала с подругами и, склоняясь над неводом, вскидывалась на учителя смеющимися черными глазами.

Направились домой. Даша тащила за веревочку нарты с рыбой. Учитель шел рядом, молчал. Девушка несколько раз заговаривала с ним. У него словно камень лежал на душе.

— Ты что такой... сурьезный? — спросила вдруг Даша и, не дожидаясь ответа, поглядев на руки учителя, заговорила: — Вот я уже тебе варежки свяжу, подарю. Хошь? А то руки-то у тебя ишь как смерзли.

Учитель приостановился, взялся за веревочку от нарт посинелыми руками и зашагал в ногу с девушкой.

VII

Вот уже пришла настоящая зима.

Переулоч под окнами завалило сугробами снега.

По блестящей реке целую неделю плыли огромные льдины. Наконец, образовался затор, льдины взлезли одна на другую и застыли. Небо над рекой стало дымчато-сизым.

По утрам в воде в рукомойнике попадались бесцветные льдинки, обжигавшие лицо. На улице изо рта валил пар, а бороды и усы мужиков смерзались и свешивались сосульками. Тальник за селом был унизан инеем и из окна казался кружевным. По ночам в трубе выла вьюга, и стены потрескивали от мороза.

Только далекий колючий пихтарь оставался по-прежнему черным, и по-прежнему вечерами за пихтарем горело алое небо.

И то время, когда была золотая осень, и когда ездили на Реденькое, отошло далеко-далеко...

Когда все засыпало, дверь бесшумно отворялась, и крадучись входила Даша.

— Скажу мамоньке, что там много народу понаехало, я, мол, осталась здесь посидеть, да невзначай и заснула.

Кутаясь под полушубком учителя и лежа на его руке, она громко шептала:

— Видела я сон третьеводнись. Иду бы я по-над рекой, и не то будто на Старице, не то где... И иду этто я, а река такова черная, че-ерная, а из воды бы на меня глядит *он*, мордастый, с усищами... Да так страшно глядит. Хочу бы я закричать — и голосу нет. Зачала бы я креститься да молитву шепчу... А *он* говорит бы: не зачураешься, говорит...

— Кошмар это, Даша.

— Как, говоришь?

— Кошмар. Кровь это приливает.

— А то вдругорядь вижу: залезла бы я на колокольню, высоко-высоко, да как чебурахнусь...

— Со мной тоже бывает, — шепотом ответил учитель, — это оттого, что растешь.

— Верно. От роста это.

Помолчали. Вьюга загудела. В синие окна бросило сыпучим снегом.

— Мордастый такой, — заговорила девушка, возвращаясь к своим мыслям. — А мордой смахивает не то на солдата, не то на лесничего.

— Какого, того?

— Остафьев, знаешь? Ваш городской. Тут часто ездит... Лонись мне денег сулил; приходи, говорит, ко мне в горницу, ночью, значит... Не на таковскую напал.

Учитель сжал кулаки и завозился.

— Погоди, попадетса он мне, я ему покажу. — И серьезно добавил: — Сволочь этакая.

Он ясно вспомнил уездного лесничего с выхоленными усами, с серыми глазами, который играл в любительских спектаклях.

Учитель долго не мог успокоиться.

— Я ему покажу... я ему...

Долго потом вспоминалась эта ночь. О чем только не говорили. Уж под утро Даша забылась сном на руке учителя. Рука занемела, стала тяжелой, но не хотелось тревожить девушку, свернувшуюся по-детски клубочком. Смотрел на нее, и казалось ему все странным — и синевшие одиноко окна с черным переплетом рам, и горница, погруженная во мрак, и вой вьюги в трубе, и девушка чуть видная...

Испуганные, вскочили. В дверь торкались. Голос Лукерьи Титовны:

— Дарья, а Дарья!

Девушка встрепенулась, накинула ошупью платок и торопливо направилась к двери. Учитель стал сбоку и держал руку на крючке.

В сенях стихли.

И как раз, когда он откинул крючок, и Даша переступила порог, хозяйская дверь открылась, и с ночником в руках показалась разъяренная старуха. Даша сделала испуганное движение назад, но учитель невольно потянул уже скобу, и девушка очутилась за дверью...

Прошел день. Ночь прошла. Даша не появлялась.

Со стесненным сердцем учитель бродил из угла в угол. Он не мог читать, мысли, темные, тяжелые, застилали глаза. Не мог ничего делать, не подымались руки. Он был глубоко признателен, что ни Акси-нья, ни старуха не заговаривали с ним. Но в их молчании было что-то затаенное.

На следующий день к вечеру Даша прошла под окнами с коромыслом, сгибаясь под тяжелыми ведрами, опустив голову и глядя себе под ноги.

Он выскочил ей навстречу. Окликнул ее.

Даша приостановилась у калитки. Как бы с усилием подняла голову. Опухшее личико с покрасневшими глазами дружески улыбнулось. Сердце учителя сжалось и замерло.

— Даша, что с тобой?

— Ничего... — Она снова попробовала улыбнуться краем рта.

— Приходи сегодня. Поговорим. Расскажи, что...

Она мотнула головой и попридержалась рукою о столбик калитки.

— Душа моя! Поедем со мной в Конду!

Девушка покачала головой.

Со двора закричали.

Даша тряхнула головой и, не взглянув на учителя, скользнула бесшумно в калитку.

Сумерки быстро спустились. Тени на розоватом снегу потускнели. На все лег сумрачный покров.

Когда близилась полночь, он стоял у окна, прижавшись лбом к холодному стеклу и вперив глаза в непроглядную ночь. Ни звука не было над селом в глухой ночи.

Тишина сгустилась, и мало-помалу зародился знакомый шорох. Ухо ловит чуть слышный шорох знакомых шагов в сенях. Насторожился, обернулся, ждет: сейчас подойдет к двери... вот уже взялась за скобу... пойти навстречу...

Все молчит. Шаги учителя отдаются в мертвой тишине. Горько на душе и жаль чего-то.

Тихий, незаметный подкрадывается рассвет.

А поутру пришел Иван Александрович, и учитель почувал недоброе.

— Вернулись вечер мужики с Чундор, сказывают, проехать можно. Я уж велел лошадей пригнать. Сбирайтесь, да поедем. Ехать-то на целый день хватит.

Внутри словно оборвалось что-то. Начал одеваться, руки дрожали, и все так и ходило ходуном. Пошел пить чай, Даши там не было. Он ускользнул с хозяйской половины и побежал на кухню. В закоптелой избе возилась около печи грязная беременная жена Данилы. На печи кряхтел старый изжелта-белый отец Ивана Александровича.

Пошатываясь, учитель вышел на крыльцо. «Быть может, она пошла на реку промышлять», — пришло на мысль, и он пустился в лес, где бродил так недавно. И как тогда небо было безмятежно-сине, снег серебрист, коренастые деревья простирали к небу черные ветви свои. Было пусто и чисто, на ледяной реке ни души.

Вернулся и молчаливо собирался.

Вошел Иван Александрович в поярковых пимах и с белой мохнатой шкурой в руках.

— Студено сегодня, — молвил он и усмехнулся краем рта, как бывало улыбалась Даша. — Студено, надо гуся надеть. — Растопырил руки, головой полез в шкуру и перестал быть похожим на отца Даши, и стал совсем как те мужики, что, закутанные с головы до ног в мех, ходят с обозами.

А старуха вдруг спохватилась, выбежала в сени и принесла пару варежек.

— Вот тебе Дарья связала. Носи на здоровье.

Прозвучало это как напоминание о длинном ряде вечеров, проведенных вместе. Учитель раскрыл рот и хотел сказать что-нибудь о Даше.

Старух перебила:

— А я уж тебе всего тридцать копеечек посчитаю.

Проходя через сени, он стремительно распахнул дверь и ищущим взглядом окинул горенку. Ставнями были уже закрыты окна. Все глянуло неживым, словно отлетело то, что раньше давало жизнь.

— Не забыл чего? — заботливо спросил за спиной хозяин. — Садитесь, — сказал Иван Александрович, ставя сундучок в санки.

Учитель покорно влез. В другую кошевку сел сам хозяин.

Провожать никто не вышел. Учитель обвел кругом глазами — никого... Свежим воздухом обвеяло лицо. Голова закружилась.

Прошло много времени прежде, чем он спохватился, что село уже осталось позади. Дорога малоезжая шла среди ветел, тоскливых, одиноких, зазябших.

Когда под обрывом показалась река, он перегнулся через сани и впился глазами в снежную равнину: далеко чернели люди. Сердце забилося. Он хотел закричать, махнуть шапкой. Но шапка была крепко обвязана башлыком, а река уже скрылась за поворотом.

Приходило в голову — остановить хозяина, сказать все и вернуться обратно, и никуда не уезжать.

Тихо переливчатые, позвякивают под дугами колокольцы.

Закрыв глаза, прячет лицо в башлык.

Задушевно ласковые, переливаются колокольцы.

И чудится: стоит только открыть глаза, и звон прекратится, холодный ветер спадет... и он убедится, что никуда не уезжал, будет сидеть в теплой уютной горенке, принесут огня, и наступит вечер. Потом спустится ночь, окна станут синими. Придет Даша и скажет...

Он открывает глаза.

Бесконечной пеленою лежит белое поле. Снежная пыль вздымается из-под передка саней. Колокольцы бренчат надоедливо, тоскливо.

Все дальше и дальше отодвигается прошлое.

Среди снежной пустыни остановились у занесенной рыбацкой хижинки. Отгребли снег от двери. Вошли. Хозяин попробовал развести огонь в холодном чухале, но ничего не вышло. Учитель сидел на нарах, оглядывая унылые стены с заиндевшим мохом в щелях, и ни о чем не думал.

Вышли наружу. Он посмотрел на сугробы снега и на равнину, где погуливала пометюшка, подумал о студеной зиме, и сердце сжала тоска.

Опять позванивали колокольцы. Круп лошади подпрыгивал, а дуга качалась из стороны в сторону.

Когда зажглась заря, въехали на Конду. За белой рекой берегом тянулся хвойный лес — красноствольные сосны с зелеными коронами. Под лесом стояла крохотная избушка, и над ней курился серый дымок. Подъехали к крутому берегу. Сверху сбежали собаки. В прогнившей избенке стряпала старая остячка. «Анка» — припомнилось... и образ черноглазой простоволосой девушки встал перед глазами из темного угла грязной избы.

Опять поехали.

Все картины из жизни в Ягодном проносились в памяти. Они вызывались без всякого усилия, являлись до боли яркие и бередили сердце. Учитель смотрел на ехавшего впереди Ивана Александровича и держал вожжи, и понукал лошадь, хотя ему хотелось повернуть ее назад.

За лесом потухла заря. Потемнел снег, чуть видно стало переднюю кошевку. Лес надвинулся мрачной тенью.

Припомнились вечера на селе, Даша с нартами. Где она теперь, что делает, думает?

Было совсем темно, когда въехали в лиственничный лес. Головокружительно огромные деревья встали со всех сторон, сонные, сумные.

Неожиданно мелькнула изгородь, и разом въехали на просеку, и очутились среди трех черных избушек на ножках.

Привязали лошадей. Глухо звякнули колокольцы. Лес зашептал над головами.

— Вот тебе и Чеснок. Тут тебе и земская. Верстов с восемьдесят, поди, сделали, а то и поболее, — молвил Иван Александрович и поднялся по расшатанным ступенькам на крылечко. В избе уже завозились, открыли дверь, и скудный свет проник в сени.

Земская была убогая, грязная. Развалившаяся кровать занимала большую половину низенькой клетушки. На косом полу была набросана солома. Лампочка чадила. Пахло затхлым.

Молодой остяк, бледный, с зачесанными за уши волосами, подошел, узнал Ивана Александровича и обрадованно поздоровался, выговаривая мягко каждый слог:

— Здравствуй, Иван Александрович. Как живет?

— Живет, живет. Вот вам учителя привез.

Учитель должен был отвечать на приветствия и расспросы. Есть он отказался, но когда все уселись за чай, он тоже потянулся за чашкой и ел, и казалось ему, что делает нехорошо.

Все не верилось. Когда он поглядывал на Ивана Александровича, он чувствовал какую-то связь с Ягодным. И думал о том, что еще сегодня утром он был там, а уже начинало казаться, что много времени утекло. Думал о тех снежных полях и лесах, что залегли... Он представил себе, как наутро он скажет себе: это было вчера, и неудержимо помчатся дни. И захотелось остановить время...

Просьшался ежеминутно, вздрагивая и уныло поглядывая на тускло освещенную ночником комнатушку. Мучительно яркие оживали картины из жизни — там. И он успокаивался немного, видя лежавшего около отца Даши.

Не верилось ему, что через несколько часов он останется один.

На рассвете Иван Александрович задал корму лошадям, надел гуся и уехал.

Учитель выходил провожать.

— Кланяйтесь всем... и Даше, — хотелось ему прибавить, но имя ее застыло на устах.

Когда санки тронулись, его охватило желание стать крохотным, незаметным и прицепиться сзади.

Маленькие санки въехали под огромные лиственницы. Скрылись. Еще минуту слышался теплый перелив удалявшихся колокольных.

Три избенки стояли на сваях, обточенных на манер перевернутых ступок. И никого не было. Небо и снег были пасмурны.

Чуть виднелись в сумраке следы саней.

Учитель втянул в сдавленную, нывшую грудь тихий теплый воздух и вслух подумал: «Это было вчера».

Почему-то вспомнилось ему, как он захлопнул дверь, и девушка очутилась лицом к лицу в матерью.

Захотелось безудержно заплакать.

Бесконечный, вековечный, сонный надвигался лес.

Просыпались лиственницы. Чуть покачивались мохнатые лапы пихт.

В предрассветном тумане над Кондой маячили далекие ветлы.

Круг чтения

Яблоко от яблони...

Полтора года назад тюменский издатель Ю. Л. Мандрика возобновил выпуск краеведческого журнала. Прежде (июнь 1998 — декабрь 2003) был «Лукич», теперь, с апреля 2008 — «Лукичок». Состоялось уже три выпуска. Листая их, видишь знакомые черты и перестаёшь различать причину и следствие. Рос, рос «Лукич» и стал «Лукичком». Бывает.

Невольно пришел на память есенинский стих «Сукин сын» («Мать честная! И как же схожи!»). Опять старые тексты, сохранившиеся в редких библиотеках, на пожелтевших дряхлых листках. Своей речью, звучащей совсем не по-нынешнему, старомодно длинными фразами, их нездешней интонацией они окунают в прошлое, и, вынырнув, чувствуешь себя несколько освежённым и более чистым. В этой своей части «Лукичок» интересен скорее не содержанием, а голосом: ты смиренный слушатель дедушкиных воспоминаний — сиди и мотай на ус.

Журнал всегда отличало любопытство к человеку прошлого: каков он, чем похож и чем не похож на нас? Ну вот почитайте и сами поймёте. 85-летняя иркутянка Л. Н. Буркова предлагает вам неторопливое, подробнейшее повествование о своих предках, составивших древо известного тюменского рода Бурковых (вып. 3). Это, конечно, не политический бестселлер, а нечто гораздо большее — сама жизнь в её естественном, нередко монотонном течении. А вот в этом же выпуске Владимир Ефремов рассказывает о знаменитом воре-рецидивисте конца XVII в. Иване Камочкине. Любопытно, таков ли он, как нынешние, или наши куда «продвинутее»? Нередко заголовком журнальной статьи является чья-то фамилия, и это тоже не случайная чёрточка «Лукичка».

Порой в журнале всплывают такие вещи, которые специалисты относят к ведомству «наивной литературы». Это примерно то же, что песня оленевода во время долгого зимнего пути («Что вижу, о том пою»), но только в русской культурной традиции. Когда-то «Лукич» познакомил

нас с Фомой Банновым — автором такого произведения, а третий «Лукичок» представил его собрата по духу — старого тюменца Аркадия Иванова («Из далёкого прошлого»). С такими старичками не соскучишься.

Ещё одна опознавательная черта журнала, которую без труда выделит читатель. Совершенно естественным образом «Лукичок» (как и «Лукич» прежде) растёт синхронно со своим редактором, и последующие номера вырастают из предыдущих, потому что увлекающийся Мандрика не удовлетворяется однажды узанным и продолжает искать. Не раз был свидетелем того, как Юрий Лукич радовался, казалось бы, не ахти какой находке: уточнению отчества, места рождения и т. п. И он же за биографическую неточность может кому угодно устроить публичный разнос. Его давний интерес к истории сибирской журналистики породил серию интересных сообщений о Н.М. Ядринцеве, А.А. Павлове, М.А. Рылове и других авторах и издателях дореволюционных газет. Свежий пример: в третьем «Лукичке» он приоткрыл завесу над историей цензурных мытарств тобольского «Сибирского листка», опубликовав три письма его издательницы М.Н. Костюриной к Д.А. Клеменцу.

Но в журнале Мандрика совсем не похож на ученого педанта. Здесь он с интересными ему людьми прошлого, иногда очень далёкого, находится в состоянии диалога. Он как будто вводит их в свой круг и поэтому неравнодушен, порой придирчив и не спускает погрешностей.

О чём ещё нельзя не сказать? Сам редактор, характеризуя «Лукича», как-то однажды вслух отметил его «клубный» характер. Так же общителен и «Лукичок». Эта черта индивидуальности отпечаталась на всём, начиная с простого, но и несколько провокативного решения обложки с вынесенной на неё цитатой, настраивающей на ожидание занимательных текстов и нестандартное отношение к читателю. Привкус «карнавальности» исходит от рубрик — неожиданных, интригующих, сверкающих гранями: «Паноптикум», «Архивная пыль», «От Тобольска до самых до окраин», «За руку в краеведение», «Клеветон»... На них — отблеск импровизации, «капустничности», и своей образностью они опять настраивают на особый, принятый здесь стиль общения.

Стоило Мандрике объявить о возобновлении издания — и сразу же произошла кристаллизация авторского коллектива. Под одной обложкой сошлись испытанные временем союзники: Александр Кухтерин, Владимир Ефремов, Владимир Темплинг, Стас Белов, Евгений Пани-

шев, Елена Ганопольская, Елена Швецова, Юрий Зотин... От любого номера журнала исходит ощущение богатства и сплочённости краеведческих сил — обманчивое, но вселяющее надежду.

Нужно ли говорить, что много в номере и самого «завклубом»? Может ли быть иначе, когда журнал частный и редакция состоит из одного человека? Иного и представить себе невозможно. По-видимому, при таких обстоятельствах никуда редактору не уйти от совмещения ролей дирижёра любительского оркестрика, состоящего из «вольных художников», пишущих не за деньги, и «первой скрипки».

В нынешнем году тюменский читатель ближе познакомился с публицистом Мандрикой. Такая возможность предоставлена как «Тюменскими известиями», ежемесячно печатающими его критические статьи на темы местной культурной жизни, так и третьим выпуском «Лукичка», где в рубрике «Клеветон» помещено обозрение «От среды к...седьмой пятнице» (в прошлогодних выпусках были близкие по тональности работы). Всё это яркие полемические статьи, изобилующие тематическими поворотами, не всегда ясные в высказываниях, спорные, но при этом привлекающие интерес широтой и свежестью материала, спонтанностью и горячностью авторской речи. Характерно для Юрия Лукича то, что он пишет быстро, напористо — так же, как и действует в любой житейской ситуации.

Таков в моём представлении этот рождённый Ю.Л. Мандрикой журнал — живой, богатый свежей исторической информацией, имеющий собственное мнение и лицо, истово и бескорыстно работающий, пусть пока и мало востребованный, но определённо имеющий силу притяжения. Тюменский книжный магазин «Знание» на улице Володарского вполне успешно распродает его.

Выход в свет 11-го «Подорожника» почти совпал с 15-летием создания Ю. Л. Мандрикой и ныне живущего в тюменской культуре книжного издательства — звезды первой величины в западносибирском книгоиздании. Для «Подорожника» оно родное, им выпущены семь из одиннадцати книжек альманаха и ещё две переизданы. Очень хочется и дальше работать вместе. Спасибо, дорогой Лукич, и будь здоров!

Константиныч

Круг чтения

Бремя истории своего края

Сеть магазинов «Читай-город», появившаяся в Тюмени, поражает своим внутренним устройством, просторными торговыми залами и ассортиментом предлагаемых здесь книг. Ощущение такое, что начинается новая эпоха в жизни источника знаний. Появление москвичей на местном рынке, если и не предполагало возможность местному издателю попасть со своим товаром в столичные магазины, то во всяком случае вселяло уверенность, что появятся для местной книги новые торговые ряды.

Но на деле все оказалось гораздо скучнее. Предлагаемый местными производителями ассортимент отправляют на утверждение в Москву, в общество с ограниченной ответственностью «Партнер Ай Ди», очевидно, владельцу сети магазинов «Читай-город». И он не всегда говорит «да!» местной продукции. Новый источник знаний оказался тривиальным вариантом вертикали власти. Теперь где-то там решают, что мы имеем право читать...

Но провинция живет прежней жизнью. Процесс самоидентификации, как и раньше, отражается в культурных событиях отдаленной от столиц территории. И особенно отрадно в создавшейся ситуации держать в руках очередной выпуск «Коркиной слободы». Уже десятый.

Как и все предыдущие, он насыщен информацией о прошлом Ишима, о том времени, когда тот именовался Коркиной слободой. Врач-рентгенолог Александр Кутырев, исследуя историю казачества Сибири, пытается проецировать ее на жизнь острога, появившегося в устье реки Ишим в 1631 г. Практически через сто лет служилых людей в крепости Коркинской слободы насчитывалось около 300 человек и было 19 пушек. Другой краевед — доцент местного пединститута Елена Шилова пытается нарисовать картину города, каким он был в начале XIX века. Ветхая церковь, первое учебное заведение, открытое еще в 1817

году, три соляных «магазинна», тюремный острог... Автор статьи не забывает при этом соотносить расположение в старом Ишиме с картой современного города.

Падение нравов среди населения, ставшее следствием социальных потрясений первой четверти XX в. (мировая и гражданская войны, революция), привело к росту преступности. Ситуация усугублялась нарушением законности новой власти, которая позволяла по личному усмотрению ее представителей конфисковывать у населения продукты, скот, имущество. В милиции работали, как правило, вчерашние батраки и дезертиры из колчаковской армии. Как приходилось новой власти наводить порядок, рассказал в альманахе заведующий кафедрой истории и социально-гуманитарных наук Игорь Курьшев.

В разделе «Культура края» — две публикации сибирского краеведа Анатолия Омельчука о Парасковье Луполовой и Петре Ершове. Автор полемизирует в них с краеведом Т. Савченковой, преподавателем литературы местного пединститута. Ее считают главным ершоведом, и это звание Татьяна Павловна пытается оправдать своими научными изысканиями. Ее последняя идея — П. Ершов был сотрудником «Неофициальной части Тобольских губернских ведомостей», а не только цензором. Несмотря на изученность этого вопроса Т.П. Савченкова пытается аргументировать свою гипотезу и с помощью текстологии внести свою лепту в ершоведение.

Работник Ишимской типографии Надежда Сазонова и сотрудница местного краеведческого музея Ольга Мишина совместно написали статью о начале печатного дела в провинциальном городишке Тобольской губернии. Работа посвящена столетию Ишимской типографии, которая открылась в 1892 г. Семен Двойников приобрел ее у Ивана Анисимова. Именно в его типографии печатались первые ишимские газеты.

О дате первого спектакля, поставленного в Ишиме, краеведы пока сказать ничего не могут. Но с появлением губернской прессы история местного театра просматривается достаточно четко. И сотрудник городского историко-краеведческого музея Ольга Самсонова вносит штрихи своих поисков на белые пятна. Первый заведующий театром в советское время А.В. Чернов, который был и режиссером, и гримером, и декоратором. Исполнители ролей и названия спектаклей в начале двадцатых годов XX в. Материала собралось немало, особенно о жизни

театра в новейшее время. В рекламных буклетиках обнаружено и имя тюменского поэта Николая Денисова, который играл в местном театре, работая на ишимском городском радио. Еще один штрих в биографию талантливого автора.

В этом же разделе опубликовано и интервью с самим Николаем Васильевичем, тезкой Гоголя. По утверждению автора, в некоторых его прозаических вещах над ним довлел творческий метод автора «Вечеров на хуторе близ Диканьки».

Уже не первый год возглавляет редколлегию альманаха сотрудник Литературного музея П.П. Ершова Геннадий Крамор. Он не только объединяет авторов Тюмени, Кургана, Челябинска, Екатеринбурга вокруг издания, но и сам пишет. Основная часть его публикаций посвящена истории церкви на ишимской земле. Только в этом номере три статьи редактора посвящены изучению вопросов религии. Рассказывая о явленной иконе и святом источнике в Черемшанке, автор затронул историю церкви в вышеназванном селе, которая пережила на своей жизни немало метаморфоз. В помещении, строительство которого было завершено еще в 1855 г., находился и клуб, размещались и склады, именуемые в народе «похауз» — пакгауз. Сегодня храм возрождается. Не зря и статья названа: «Если заблудитесь — церковь ищите!..».

Еще одна статья редактора альманаха посвящена событиям, вращающимся вокруг родного города Ишим. Г. Крамор повествует о приезде из Аргентины правнучки ишимского священника Андрея Сивиллова. Рассказ о внештатном корреспонденте «Ишимской правды» Марии Бровко, чье имя есть на карте города (назван переулочек), попытка редактора альманаха отметить столетний юбилей почетного гражданина города, краеведа.

Итак, пять статей в одном лишь номере альманаха. Понимаешь, что имеено усилиями таких энтузиастов поддерживается бремя истории родного края. И таким краморам никакие вертикали власти не страшны. Даже если каждый из тысячи экземпляров осядет в чьей-то частной коллекции, минуя существующие книжные развалы. Чтобы возникнуть в них через годы...

Лукич

Постскриптум

«Поэт, сторонившийся славы»

Творчество рано ушедшего из жизни и забытого сибирского поэта начала XX в. Г.Н. Тверитина (1889—1921) нами представлено в восьмом «Подорожнике». За минувшее после этой публикации время коллекция собранных документов о жизни и деятельности Георгия Тверитина пополнилась, с некоторыми из них мы предлагаем читателю познакомиться. Во-первых, это воспоминания «Детство и юность Г.Н. Тверитина», написанные сестрой поэта Анастасией Николаевной. Воспоминания хранятся в фонде № 1184 «Тверитин Георгий Николаевич» Российского государственного архива литературы и искусства в Москве.

Во-вторых, — его стихотворения. Первые три найдены в газете «Омский вестник» в номерах за 20 сентября и 8 декабря 1909 г., два из них подписаны псевдонимом «Юрий Николаев». Остальные стихи взяты из упомянутого 1184-го фонда РГАЛИ.

* * *

Не страшись земных страданий —
На душе твоей они,
Юных полные желаний,
Сохранят надолго дни.

Берегись: избыток счастья
Душу светлую черствит,
Гасит в ней огонь участия,
Жадность, похоти живит.

И зачем тебе богатство —
У тебя ль в душе не клад?

Вера в равенство и братство
Лучше денег богатят.

Юность вечно — вот идея,
Преисполнен ей и ты.
Жара сердца не жалея,
Не всели в нем пустоты:

Пустота его изложет,
Все богатства удалит
И напрасно растревожит
Иль навеки умертвит.

Ок-Джепес¹

(Киргизская легенда)

Это было встарь, когда киргизы
Лишь одни степями здесь владели,
Лишь на них тогда с небесной ризы
Ночью звезды частые глядели.
Посреди деревьев великанов,
На скале высокой и угрюмой
Жил Вещун-Орел; за делом ханов
Он следил, объят великой думой.
Тот утёс один торчал средь леса,
И на нем Орел сидел высоко
И смотрел с вершины Ок-Джепеса,
По степям, раскинутым далеко.
Были ханы на Орла сердиты,
Звали тех, кто и сильны, и смелы,
Чтоб убили Вещуна джигиты²,
Но Орла не доставали стрелы.
Смельчаки залезть на пик пытались;
Вещуна поймать они хотели;

¹ Ок-Джепес — стрелой не достать — утес в сопках Кокче-Тау (Синие горы) в угорище Боровое Кокчетавского уезда Акмолинской области.

² Джигит — удалец, наездник.

Но попытки тщетными остались,
Все, разбившись, с высоты слетели.

.....
Годы шли... И ханы уж не правят.
Даль веков задернула завеса.
Улетел Орел... Но люди славят
Все еще вершину Ок-Джепеса.

* * *

Когда на землю ниспадает
Вечерний сумрак с высоты, —
Река смутнее отражает
Прибрежья травы и цветы.

Так на душе в часы страданья
Все в смутный сон погружено,
Молчат в ней чувства и желанья,
И в ней все смутно и темно.

Но как в реке в часы рассвета
Мгновенно жизнь проснется вновь, —
Так на душе на звук привета
Воскреснет вера и любовь.

И вновь блеснут в ее сознании
Давно минувшие мечты. —
Как в ярком утреннем сиянии
В реке прибрежные цветы.

* * *

День сегодня, как осенью черной, угрюм.
Темный день дождевой, поскорей проходи!
Серой скукой своей не буди
Неразгаданных дум...

Так тоскливо, сомнительно, боязно мне
Думать-ждать, неужели злодейка зима
С вереницей снежных метелей сама
Загородит дорогу весне?

Думать-ждать, что погожие, ясные дни
Были только в обманчивом сне,
Что совсем не о близкой весне
Говорили они.

Нет! Так были они беспредельно ясны,
Что не верится мне непогожему дню.
И в душе удержу-сохраню
Первый отблеск весны.

Черемуха

Пышно белая черемуха цветет,
Блещут яркие нарядные кусты;
Солнце радостное по небу плывет,
Пригревает белоснежные цветы.

А по воздуху несется аромат,
Расплывается в воздушной вышине...
Гроздья белые букетами висят,
Улыбаются красавице Весне.

Меж цветов глядят зеленые листы
И лепечут что-то Ветру-ворчуну,
Солнце яркое сияет с высоты,
Лаской балует веселую Весну.

Счастье

Счастье — как трепетный луч:
Лишь на минуту мелькнет,
Смотришь — опять пропадет
В дымке собравшихся туч.

Туч промелькнет караван,
Радостен-чист небосклон.
Смотришь — а это лишь сон.
Сон и обман...

* * *

Ликует Невский. Блеск нарядов,
Кинематограф всяких лиц
И огоньки прекрасных взглядов
Из-под опущенных ресниц.

Обрывки фраз толпы кипучей,
Тяжелый топот конских ног,
Автомобильный рог тягучий,
Трамвайный трепетный звонок.

Киосков пестрые афишки.
Газеток серые листы.
Щебечут продавцы-мальчишки.
О, Невский, Невский, ожил ты.

Пирует дачный муж победу,
Уже теперь не будет он
Спешить, как ранее, к обеду,
Покупок тьмой перегружен.

Кольбельная

(С киргизского)

Баю-баюшки, усни!
День прошел, и степь уж спит.
Ночь для сна, для дела дни.
Спи, мой храбрый, мой джигит.

По степям проходят сны,
Пусть дитя покойно спит.

Звезд далеких табуны
Месяц в небе сторожит.

Вся семья давно легла,
И потух, дотлев, костер,
Злая туча спать ушла
На вершины дальних гор.

Баю-баюшки, усни!
Ты орленок мой, джигит.
У орленка — минут дни,
Будут крылья — полетит.

Весной

Дни весны недалеки.
Каплет с крыши: стук, стук, стук!
Заструились ручейки,
В мягких почках вербы сук.

Поджидая с юга птиц,
Воробей: «Чилик! Чилик!»
Ждет из-за моря сестриц,
Весну чувствует, озорник.

Реки гонят синий лед,
Неба ширь чиста, ясна...
Улыбается, идет
Цветоносная Весна!

Учительница

Уроки кончились. Проворно
Бегут ребята по домам.
Их голоса звучат задорно,
Веселый смех и тут, и там.

Сегодня первый день ученья.
Довольно долог был вака^{*},
Так новы, ярки впечатленья —
Их рассказать теперь спешат.

Тут об учительнице новой
Беседа оживленно шла.
Еленой Павловной Поповой
Она себя им назвала.

Утро

Утром солнце
К нам в оконце
Заглянуло
И прильнуло
Светом к полу.
Луч украдкой
Над кроватькой
Стелет ласку,
Шепчет сказку,
Гонит в школу.
Скоро лето,
Полно света.
К нам заглянет,
И настанет
День ваката.
Кто учился,
Не ленился,
Бегай смело.
Им за дело —
Отдыха плата.

Кот Васька

Васька-кот, мурлыча что-то,
Спит в печурке целый день.

* Каникулы.

Не грызет его забота,
Все лежит, ленивый пень.

— Васька-кот, не дремлют мыши,
Васька-кот, вставать пора!
Воробьи тебя на крыше
Дразнят с самого утра.

Васька спит, мурлыча что-то,
Не заманишь воробьем,
Нипочем ему работа,
Все на свете нипочем.

— Сливок я налью кошурке,
Дам сметаны, дам мяса.
Васька мигом прыг с печурки.
— Мяу! Дайте молочка!

Детство и юность Г.Н. Тверитина

Георгий Николаевич Тверитин родился в станице Щучинской Северо-Казахстанской области в семье священника.

Отец его заведовал тремя церковно-приходскими школами: в станице Щучинской, деревне Александровке и Чебачьем. В голодный 1891 год он выхлопотал для школ в Чебачьем и Александровке средства и устраивал горячие завтраки для учащихся, которые в подавляющем большинстве были дети бедняков, не имевших ни крошки муки, а пивавшихся разными травами и кореньями. В Щучьем по его инициативе два раза в месяц устраивались литературные вечера с декламацией и чтением произведений классиков. Отец, Н.А. Тверитин, сам читал для народа литературные произведения и привлекал к этому учителей местных начальных школ. Литературу он брал из своей собственной библиотеки и из выписываемых им лучших по тому времени журналов, как, например, «Нива», «Природа и люди», «Родная речь», «Родина».

В станице Вознесенской Северо-Казахстанской области была им создана богатая библиотека, но читальни за неимением помещения не

было. Его заветной мечтой было открыть читальню, в которой можно было бы устраивать по вечерам воскресных дней народные чтения, а ежедневно каждый из читающих мог получать бесплатно чай в неограниченном количестве. К читальне он думал привлечь лучших учеников из окончивших школу, чтобы они полюбили книгу и не забывали ее до конца жизни. Но мечте этой не суждено было осуществиться, т.к. в 1914 году Общество трезвости в Ленинграде обещало ему отпустить 3000 рублей на здание для школы и библиотеки с читальней, но грянула империалистическая война, и обещанные деньги им получены не были. Во время империалистической войны отец Г.Н. Тверитина, служа бригадным священником, создал для солдат небольшую библиотечку с произведениями русских классиков. В Барнауле он получил бесплатный пропуск на три дневных спектакля для 40 солдат на каждый спектакль.

В Пензе часто был посредником между солдатами и офицерством, и часто по его просьбе невинные освобождались от назначенного им наказания. Мать [Георгия], Ф[елицата] М[ихайловна], была тихая, добрая и болезненная женщина. Многих бедных женщин она снабжала обносками от нас, детей, и разными медикаментами в случае болезни. Во время японской войны Ф.М. писала письма неграмотным женщинам к их мужьям. Ф.М. пользовалась среди бедняков большой любовью и уважением, и ее память до сих пор сохранилась среди них.

Сам Г.Н.Т. в детстве был мальчик живой, бойкий и любознательный и отличался большой наблюдательностью. Маленький Юра, желая все знать, часто задавал родителям вопросы, приводившие всех в изумление, и подчас затрудняли ответы, т.к. были не по летам серьезны.

В дороге он ни на одну минуту не замолкал и беспрестанно говорил обо всем встречавшемся на пути или задавал вопросы и не отставал до тех пор, пока не получал удовлетворительного ответа.

Как живой и подвижный мальчик, он не мог долго сидеть неподвижно, а потому во время стрижки волос ножницами он все время вертелся и однажды так быстро повернулся, что стригший его казак ранил ножницами Юрию ухо. Юра громко заплакал, а стригший его казак побледнел, думая получить выговор от родителей. Мать же, узнав, в чем дело, сказала: «Нечего реветь, сам виноват в том, что вертелся на стуле как сорока на колу!».

Когда Юре было семь лет, он был с матерью и маленькой сестрой в гостях у знакомого врача. До чая дети играли с детьми врача, а за чайным

столом Юра не спускал глаз с хозяйки дома, так что та заметила ему: «Отчего ты, Юра, на меня все время смотришь?». Мальчик ничего не ответил на заданный вопрос, но дома на тот же вопрос сказал матери: «А отчего она так нарядилась и набилизась, что стала похожа на куклу».

Игры он любил подвижные и часто их сам придумывал. Однажды он со своими друзьями придумал устроить маскарад. Он позвал сестру с подружками, и мальчики с девочками поменялись одеждой. Переодевшись так, дети весело побежали к дому подруг сестры. Около самого дома они встретили ехавших на санях мать с теткой. Юра, недолго думая, вскочил на запятки саней. Мать обернулась и, думая, что это ее дочь Зина, крикнула: «Ты совсем одурела, Зинка, вешаешься на сани, как мальчишка?».

Другая придуманная им игра была в хождении с пением под окнами знакомых. Надев бумажные колпаки из привезенных тетками хлопюшек, Юра с сестренкой, двумя годами моложе его, отправились под окна знакомых. Подойдут под одно окно и затынут: «Хвастуша колпаком», — и поют до тех пор, пока их не заметят, и отправляются к следующему дому с таким же пением.

Товарищи его в детстве были дети бедняков, но чаще других он любил играть с соседским мальчиком, тоже Георгием. Играли больше дома, где было просторнее, но изредка уходили в избушку товарища. Наскучив сидеть в углу, они поднимали шумные игры. Хозяйка, выведенная из терпения поднятым шумом, крикнула: «Принесите мне палку, я вас живо ею усмирю!». Юра обернулся к ней и сказал: «Нашла дураков, чтобы палки тебе носили себя бить».

Рано и как бы шутя он выучился читать и пристрастился к чтению. Прочитав сказку или рассказ, он его тотчас же представлял в лицах вместе с друзьями и сестрой с подружками. Раз летом, когда его друзья были в поле, Юра вместе с сестрой принялся строить из кирпичей, сделанных ими из глины. К ним подошел маленький брат Петя. Увидев брата, Юра крикнул: «А, земляк, иди помогать нам строить дом». Петя присоединился к ним, но все время, видимо, раздумывал над словом «земляк». Увидав вырытую нами для добычи глины яму, он весело воскликнул: «А, вы меня вырыли из этой ямы, из-под земли!». С тех пор Юра часто говорил, смеясь, Пете: «Скоро ты пойдешь к себе домой под землю».

Отец набивал свою мебель и в его кабинете стоял мешок с мочалом. В этот мешок Юра вместе с гостившей в доме знакомой девочкой Нюрой

посадил свою сестренку и завязал мешок, но, увидав в окно отца, шалуны убежали, а отец вытащил девочку за ухо и вывел ее из кабинета.

Одиннадцати лет Юру отдали учиться в Ишимское духовное училище. Учился он хорошо по всем предметам, кроме пения, по которому имел «плохо», т.к. не имел слуха и петь не мог.

Внимательно слушая на уроках и схватывая все на лету, он во время вечерних занятий в интернате помогал малоспособным ученикам готовить уроки и писать сочинения. Писал он хорошо и делал переводы с греческого и латинского языка в стихах. Писать стихи он начал еще в училище и одно из них было напечатано на обложке детского журнала «Задушевное слово», который он выписал на свои сбережения от денег, посылаемых отцом на лакомства. На свои же сбережения он купил маленький аппарат и занялся фотографией любителя.

Во время зимних каникул он всегда был дома. Во время же весенних отец советовал ему всегда оставаться в училище, т.к. из-за весенней распутицы и разлива Ишима трудно было проехать на лошадях из Петропавловска в Ишим. Но Юра все же ослушивался отца и неизменно приезжал домой и на весенние каникулы. Отец поворчит на трудность обратного возвращения с каникул, но все же простит ослушника.

Перешедши в духовную семинарию в Тобольск, Г.Н.Т. в начале учебного года во 2 классе заболел, и врач запретил ему учиться и посоветовал с год отдохнуть.

В семинарский период своей жизни он начал писать и помещать свои рассказы и фельетоны в издававшихся в Омске газетах «Омский вестник» и др. Помещал он свои статьи и в издаваемом им в семинарии нелегальном рукописном журнале.

Среди семинаристов он пользовался любовью, но начальство смотрело на него косо и всячески преследовало его, так что он из пятого класса принужден был выйти из семинарии и уехал в Петроград, где и поступил в психоневрологический институт, только что открытый проф. Бехтеревым. Этот институт был бесправным, но единственно доступным для семинаристов, а потому выбирать не приходилось. Приезжая из семинарии на летние каникулы, он часто писал небольшие сценки, которые разыгрывались его младшими братьями и сестрами. Обладая богатой фантазией, Юра часто рассказывал своим брату и сестрам разные фантастические рассказы, им самим придуманные. Чаше других рассказов он рас-

сказывал о себе. Он говорил, что он много раз уже жил на земле, но все в разных странах, где испытывал разные приключения и трагически погибал, чтобы снова родиться в другой стране и жить среди других народов.

Также он много читал из библиотеки отца и народной, созданной трудами последнего библиотеки. Много он читал и из подпольной семинарской библиотеки. Особенно Юра любил читать рассказы из жизни разных народов и разных стран.

Там же он начал писать «Очерки бурсы» и поэму «Песнь о Козы Корпече и Баян слу». Последняя была переделана из печатавшейся в одном из журналов легенды.

Над этими своими произведениями он долго и упорно работал. В империалистической войне он никакого участия не принимал, но во время Гражданской войны был на фронте, где простудился и при своем и без того расстроенном здоровье заболел туберкулезом легких, от которого и умер 31 декабря 1921 года, состоя на службе комиссаром культпросвета.

Во время студенческой жизни ему приходилось много и упорно работать, чтобы добыть себе средства к существованию.

С казахским языком он познакомился еще в детстве. Говорить по-казахски его научили два брата-казаха по фамилии Джемакаевы, жившие в доме отца Г.Н., т.к. они после закрытия церковно-миссионерской школы для казахов остались без крова и куска хлеба. Родители их умерли, а близких родственников не было.

Они прожили в доме Тверитиных до своего совершеннолетия, окончили школу, а после того устроились на работу и зажили самостоятельно. От них он узнал о жизни и быте казахов-бедняков. В дальнейшем он с бытом и языком казахов познакомился, бывая в юртах кочевавших около ст. Вознесенской казахов-бедняков и пасших скот. В стан. Вознесенскую он был привезен 5-летним ребенком вместе с братьями Джемакаевыми, которых отец привез с собою из Щучьего, откуда был переведен в упомянутую выше станицу. С бытом баев Юра познакомился, попав случайно один раз к баю на праздник вместе с отцом еще в раннем детстве. Но от его внимательного взора не ускользнула ни одна мелочь, что и отразилось в его поэме при описании быта и обстановки баев.

Юбилей

Геннадий Райшев, знакомый и неожиданный

(К 75-летию художника)

* * *

Мне очень нравится то достоинство, с которым Райшев творил долгие годы. Он смело, дерзко шел своим путём, не заботясь о том, чтобы его прямо сейчас поняли, не бросался ни в какие модные течения, а оставался верным себе. И теперь я вижу уважительное отношение к тому, что он делает. Те художники, искусствоведы, зрители, кто относился с непониманием к творчеству Райшева, сегодня считают, что это интересный, крупный художник.

Его искусство очень душевное, он пишет то, что сам чувствует. Он очень отзывчив и искренен, никогда не говорит загадками, хотя его работы и кажутся порой загадочными, и всегда может рассказать, что происходит на его полотне.

Как творец Геннадий Райшев открыл много новых путей и для себя, и для других, его живопись, графика повлияли не только на меня, но и на других художников. Я очень рад, что появится его мастерская и больше людей получат возможности приходить к нему, ведь он не может идти к ним со множеством своих больших и малых полотен. Райшев всегда открыт, всегда доступен и по-прежнему работоспособен. Это достойно восхищения и глубокого уважения. Я знаю ребят, которым ещё только за 30 и которые уже устали от своего искусства. Для кого-то оно — заработок, для кого-то — престиж или ещё что-то, а его живопись, графика — образ жизни. Он как дышит, как говорит, так и пишет.

Райшев для меня — как река. Мы выходим на берег, смотрим на воду. Мы можем уйти и прийти опять, а река будет здесь, но мы уже увидим другое: был пароход, а сейчас плывёт корова. Мы пришли:

река замёрзла. Река — это сама жизнь. И естественное состояние реки — это состояние художника Райшева.

Желаю здоровья тебе, Геннадий Степанович, и хочу чаще встречаться.

М.В. Тимергазеев,
художник

* * *

Так получилось, что произведения Г. С. Райшева являются для меня неким фоном моей жизни вот уже почти 20 лет. Очень ярко помню первое знакомство с работами Райшева на его персональной выставке в Тобольске в 1989 году, вплоть до месторасположения их в выставочном зале. Позднее стала обладательницей замечательного «зелёного» альбома Райшева с репродукциями уже знакомых и полюбившихся работ. Потом, уже будучи сотрудником тобольского музея, сама стала хранителем коллекции изобразительного искусства, в том числе и работ Геннадия Степановича. Начиная с 1994 года, мне периодически приходилось «погружаться» в его творчество.

А в 1999 году посчастливилось познакомиться и с самим мастером во время его юбилейных торжеств в Ханты-Мансийске. Поразило в Райшеве сочетание кажущейся мягкости и спокойной силы, даже нестигаемости, сочетание открытости, доступности всего, что касается уже созданных им произведений, их толкования, и строгости охранных границ сберегаемого внутреннего мира.

Райшевские работы стали для меня своеобразным тестом, делящим людей на «своих» и «чужих»: не принимает творчества Райшева, и я уже отношусь к человеку с меньшим интересом или даже вовсе его теряю, если собеседник агрессивно настаивает на своей позиции. Это тест на подвижность, чувствительность, интуицию и интеллигентность человека.

В 2003 году мне пришлось готовить выставку М. С. Знаменского в колледже русской культуры в Сургуте к научной конференции, посвящённой юбилею учителя Г. С. Райшева А.С. Знаменского. После работы конференции поступило предложение, для меня авантюрное: съездить вместе с гостями конференции в мастерскую Райшева в Ханты-Мансийск, хотя моя командировка заканчивалась. До сих пор благодарю

судьбу за такой подарок. Тогда в мастерской у него были в работе несколько натюрмортов, которые подтвердили моё убеждение в щедрости Райшева-художника, который ценит каждый миг бытия окружающего мира. Он рождает и множит эти мгновения заново на полотне, что говорит о страстном желании донести свои ощущения до зрителя. Геннадий Райшев работает не нервно, рывками, а ровно, без ненужных метаний, что происходит от удивительной цельности духа и знания своего пути. Художник-философ, он в то же время проживает путь воина: целеустремлённость, уверенность и твёрдость его похожи на японское копьё «со», рассекающее пространство.

***Е.П. Швецова,
искусствовед***

* * *

Геннадий Райшев человек, который живёт просто. Прост его быт, он не имеет интереса к тому, чтобы окружать себя всё новыми вещами. Во всём он предпочитает обходиться простыми средствами. Одна из немногих его потребностей — сходить на рыбалку. Не ради улова. На берегу он окунается в материнский природный мир, который питает его творческую натуру. Общество — не тот мир, из которого он может постоянно черпать. Было время, на него рассчитывали, что станет преподавателем, общественным деятелем или создателем картин какого-то ожидаемого направления, но он не сделался ни тем, ни другим, ни третьим, а остался самим собой. Всё это вместе и составляет, наверное, то, что именуется мудростью.

То общее, что осталось в нас от первой половины 1950-х годов, когда мы учились в одном классе Сургутской средней школы, мы до сих пор не можем исчерпать в наших разговорах. Часто вспоминаем учителя Аркадия Степановича Знаменского. Он не наставлял нас, не «воспитывал», а своим поведением, образом жизни давал незримые импульсы, которые улавливались скорее подсознательно, чем сознанием. Мэру его влияния на нас мы смогли понять лишь спустя годы. По совету Геннадия я взялся за составление книги памяти учителя. Он иллюстрировал её. Никакой другой художник не сумел бы сделать это так образно и точно.

Своей мощной творческой натурой Геннадий Райшев вывел меня на то, к чему без него я, может быть, и не пришёл бы. Это трудно конкретизировать, но это для меня несомненно. Я стараюсь оставаться открытым для его влияния.

В.К. Белобородов,
журналист

* * *

Столько времени мы знаем Райшева, работаем с ним, но не устаём поражаться неожиданностью и новизной создаваемого им. Редко кому удаётся работать так плодотворно и ново при том, что уже давно, кажется, сложился круг тем и образов.

Только что закончили работу над изданием трёхтомника русской классики с иллюстрациями Г.С. Райшева — подарком к юбилею художника. В этом трёхтомнике Пушкина, Лермонтова, Гоголя с Райшевым объединяет, для меня, не только широта охвата жизни, но и то, что В.В. Розанов, писавший о Лермонтове, назвал редким сочетанием «космического и личного». Такое соединение, казалось бы, противоположностей даёт необыкновенную полноту и энергетику личности и творчеству. И это в самых разных проявлениях есть у Райшева.

У него всегда всё очень лично, и даже когда пишет планету Земля, то в отличие от многих современников, не как некую абстракцию, а через близкий ему «бугорок земли». Но этот его родной бугорок есть выход на образ всей Земли. Из-за такого чувствования, каким бы расширенным ни было его видение, оно всегда остаётся живым и неожиданным.

Райшев уникален в многообразии связей сотворяемого им мира. После проведения в музее первой персональной выставки, неожиданно открылось мне в одном художнике — очень ярко и остро — то богатство, к которому стремится много художников, каждый в том или ином направлении. У Райшева все как-то органично соединяется, синтезируется, в работах его есть некая полнота. Эти качества соотносятся с самой личностью.

И много лет назад, когда началось сотрудничество с Геннадием Степановичем, и до сих пор он утверждает, что самое важное — не потерять

своего видения, порой спонтанного, интуитивного, не совпадающего с восприятием более внешним, механическим, к чему люди становятся склонными с годами, либо «модным». Райшев как художник всегда сопротивляется этому. Он сохраняет свое открытое внутреннее видение, дающее множество ассоциативных связей, перелагаемых на язык изобразительного пространства — большого и наполненного. Это постоянный эксперимент, большой труд. И все мы, обремененные суетой, радостно вовлекаемся в пространство Райшева, оно нам необходимо.

***Н.Н. Фёдорова,
искусствовед***

* * *

Счастливым время делают наши современники. Мы не всегда или не сразу осознаём, что они не просто замечательные, а поистине великие. Кто скажет, что мой друг Геннадий Райшев титан? А он, тихий гений — истинный титан, на своих руках держит свод современной культуры. Он открывает не просто свой мир, он открывает иной, потаённый мир — планету мастера Райшева.

Я, конечно, верю, что югорскому мудрецу Земли XXI века 75 лет. Но для него это исключительно стартовый, юношеский возраст. Как он целомудренно и неистово нарисовал моих обнажённых героинь! Это может только вдохновенный юноша, яростно познающий этот сопротивляющийся мир.

Геннадий Степанович! Мы будем жить долго!

***А.К. Омельчук,
журналист, писатель***

Злободневное

Когда уходят домовые...

В феврале на координационном совете по развитию внутреннего и въездного туризма в Тобольске был принят календарь массовых и событийных мероприятий на текущий год. Там 72 пункта, и все направлено на пропаганду исторического наследия. Однако Международного дня охраны памятников и исторических мест (18 апреля) в календаре нет, как нет и Дня краеведа (23 апреля), который учрежден решением городской думы в 1998 году. Он проводится в память об историке-краеведе, настоящем патриоте Тобольска Борисе Олеговиче Эристове. Досадное упущение.

Сегодня наш город переживает не лучшие времена. Лучшим я считаю год 2003-й. Тогда, после отъезда В.В. Путина, всех порадовала весть о том, что глава государства восхитился увиденным: «Я удивлен и поражен Тобольском. Такую красоту мы обязаны сберечь!». Это был год огромного эмоционального подъема, добрых надежд. После Путина к нам повалил люд и ученый, и просто любопытствующий. И тюменцы активно поехали в Тобольск. Многие из них живут с нами по соседству не один десяток лет и никогда раньше здесь не бывали. До этого они не выделяли Тобольск из ряда других районных центров.

С того памятного марта 2003 года город стал постепенно превращаться в туристический центр Западной Сибири. Пошли большие деньги на реставрацию памятников истории и культуры. Древняя столица Сибири благоустраивается, строятся дороги, гостиницы... Определены туристические маршруты. Правда, объектов музейного показа пока недостаточно.

Застраивается трехэтажными домами одна из самых старых улиц нижнего посада — улица Розы Люксембург. Но это абсолютно чуждая нам архитектура! Для сравнения присмотритесь к зданию мужской гимназии 1892 года постройки. Нынче это корпус педагогического института. Дворец! Мог бы вписаться в любой столичный город.

Нынешние новые кварталы напоминают мне дома в Амстердаме. Там так же здания плотно прижаты друг к другу. Голландия расположена на болотистой местности, и строительство домов ведется на гребне земли вдоль каналов. Сибирскими домами, стоящими отдельно друг от друга, проектировщики в этом районе подгорья пренебрегли. А как же историческая достоверность в заповедном городе?

Судите сами. До нового строительства, начатого в 2006 году, под горой были улицы Розы Люксембург и одноименный переулок вдоль самой горы. Он начинался от речки Курдюмки и убежал к Пря姆斯кому взвозу. На нем из старых зданий остался только жилой дом № 5а (богачельня). На государственной охране он состоит с марта 1988 года. При нынешнем возведении элитного жилья по улице Р. Люксембург этот исторический дом оказался на задворках никому не нужным. А это памятник XVIII века, построенный в стиле древнерусской архитектуры. У него массивные кирпичные стены и рубленые бревенчатые сени, характерные для сибирских построек. Дом в настоящее время стоит без крыши, окон и дверей, без сеней. Его ни в коем случае нельзя потерять! Он единственный свидетель того, что на этой территории раньше стояла Богоявленская церковь (1691 года постройки). Дом расположен у самого Пря姆斯кого взвоза, на бойком месте. После реставрации в нем можно открыть магазин сувенирной продукции с тобольской символикой. Почему при проектировании нового квартала не было уделено должного внимания памятнику архитектуры, стоящему здесь с середины XVIII века? Сегодня он по милости проектировщиков и строителей находится в руинах. И почему никто не несет ответственности за гибель памятника? Стоит ли впредь доверять этой проектной организации, которая спокойно выбрасывает на свалку истории уникальные сибирские дома XVIII века, благополучно дожившие до наших дней?

Меня печалит то, что в иных головах сместились акценты, и ложь намеренно выдают за правду. Все это стало возможным потому, что давно нет главного архитектора, который бы отстаивал интересы исторического Тобольска. Есть только должность, только функция. Отсутствует и инспекция по охране памятников. Она находится в ведении областного комитета по охране и использованию объектов историко-культурного наследия.

Такое же положение было и до мая 1988 года. В Тюмени и тогда знали, что Тобольск богат памятниками, как никакой другой город Си-

бири. Но свои охранные функции уступать никому не хотели. Однако в мае Людмила Николаевна Захарова, председатель клуба «Добрая воля», решила избавиться от мелочной опеки и смогла добиться ставки инженера по охране наших 59 памятников. Присматривать за ними поручили сначала государственному музею-заповеднику, а позже — городскому комитету культуры. С января 1990 года число памятников возросло до 237. За всеми нужен глаз да глаз.

Последние годы областной комитет наделен большими полномочиями — увы, в ущерб памятникам. Ничто толком не охраняется и не реставрируется. Если и восстанавливается, то с большими погрешностями. После такой реставрации ни один памятник не имеет первоначального вида. Позолотили центральный купол Софийско-Успенского собора. Такого никогда не было в истории Тобольска. Красная больница утратила решетку на крыше с трех сторон. Старая мужская гимназия (ул. Р. Люксембург, 14) осталась без колонн и балкона на центральном фасаде.

Вход в одноэтажный дом купцов Корниловых был со стороны улицы Семакова. Сегодня центральный вход в здание сделан на месте прежнего балкона. Вспомните картину Карла Брюллова «Всадница». Там девочка стоит на таком же балконе и смотрит на гарцующую на лошади женщину. Вот и у нас в Тобольске был такой дом. А мы, как всегда «от большого ума», упростили проект реставрации здания. К чему нам эти буржуазные излишества? Это не реставрация. Это ремонт старого фонда. (Могу назвать еще четыре дома в нижнем посаде, на которых утрачено шесть балконов).

Еще пример искажения первоначального вида памятника середины XIX века — больничный корпус тюремного замка. В реставрации был более десяти лет, сейчас открыт. Три входные группы в здание имеют вид стеклянных будок, приподнятых над уровнем земли. Такие будки ставили для регулирования дорожного движения на улицах Москвы в середине XX века. Все корпуса тюремного замка (1855 года постройки) дошли до нас в первоначальном виде. Теперь же стеклянные входные группы делают больничный корпус памятником не XIX, а XXI века. Такой казус произошел по вине архитектора И.Г. Росошика с молчаливого согласия тюменских специалистов из областного комитета по охране — тех, кто вершит судьбу наших памятников.

Тобольский комитет по туризму по этому поводу сообщил следующее: «Модернизация в разумных пределах зданий, используемых арендаторами, неизбежна, к тому же это не идет в разрез с существующими законами». Здравомыслящий человек понимает, что оправдывать человека, изуродовавшего памятник позапрошлого столетия, непрофессионально. Это называется круговой порукой.

Закон об охране памятников принят в России в далеком 1918 году. Он должен неукоснительно исполняться до тех пор, пока есть памятники. Однако на Руси никого не удивить тем, что законы пишутся, но не всегда исполняются. В сборнике пословиц русского народа Владимира Даля есть такая: закон — дышло, куда захочешь, туда и воротишь. Это наш случай.

Город, претендующий на звание духовного, культурного, туристического центра Сибири, долгие годы охрану своих бесценных памятников доверяет областным специалистам, полагаясь на их компетентность. А что, в Тобольске таковых уже не сыскать? По каждому маломальскому вопросу нужно обращаться в Тюмень. И ждать, как в некрасовские времена: «Вот приедет барин, барин нас рассудит».

При такой охране с расстояния в 250 километров памятники долго не протянут. Думаю, года через два в подгорной части погибнет последний старый дом — разберут. Люди ломают каменные стены снаружи и изнутри. Они легко поддаются. Прежде в строительстве не было цемента, а был известковый раствор. Выбирают кирпич, как семечки из подсолнуха. Так «уходят» дома по Базарной площади, 5, ул. Семакова, 8, Мира, 18, Подшлюзы, 2... Цена кирпича — 3 рубля за штуку. Здания бесхозные. Остаются руины.

Купцы-миллиончики, хозяева этих домов, бывали не только в Москве, Санкт-Петербурге, но и за границей. К работе над проектами они привлекали ведущих архитекторов России. Гибнут постройки, созданные в согласии богатства и вкуса, русской широты и западной утонченности.

В начале 1990-х годов я показала владыке Димитрию старую фотографию дома купца Пиленкова по улице Мира, 2, на что он взволнованно ответил: «Это Париж!». Только вздумайте, что мы теряем! Раньше яростные революционеры громили особняки из классово-идейных соображений, а сегодня их доводят до ручки по финансово-бюджетным причинам. По подгорной части будто смерч прошел. Улицы Мира, Хох-

рякова, Декабристов тому подтверждение. Из домов давно ушли люди. А с ними и домовые — хранители очага.

*Люди оставили дом...
Вот и стоит он — уже не живой,
Окна темны в нем,
Как слепые глазницы.
В доме уже не скрипят половицы,
Печь не топится, труба не дымится,
Двери забиты уж наглухо в нем.
Люди покинули дом...*

Туристы, если приедут, не будут ходить только по верхнему городу. Они спустятся под гору, и тут им откроется истинный старый Тобольск. Безлюдный, сгоревший, разрушенный. Дворцового вида постройки обшарпаны, утопают в зловонном болоте. Одно — увидеть исторический посад с высоты птичьего полета, другое — вблизи. Это два разных мира. Один — сказочный. Другой — реальный.

Город — наш общий дом. А в доброй семье принято все насущные вопросы решать на семейном совете, без вмешательства соседей. Так и нам надо поступить. Выносить на общественное обсуждение все проекты реставрации памятников, чтобы видеть предложенное архитекторами. А также проекты новых домов, которыми будут застраивать исторический город в границах от горы до улицы Дзержинского и от Кремля до земляного оборонительного вала. Тобольские историки, искусствоведы, краеведы, художники плохого не посоветуют.

Охрану памятников город должен взять в свои руки. Тогда, может, и домовые вернуться.

Г. Кондакова

Содержание

Былое

Как награда разошлась с героем 3

С архивной полки

Х. М. Лопарев: коллективный портрет 21

Х. М. Лопарев. Моя биография 22

Х. М. Лопарев. Материалы для моей биографии 26

В. Белобородов. У истоков обдорского большевизма 79

Краеведение

А. Михайленко. Берёзовские казначеи 36

Зашторенные временем дома 41

Имена

В. Белобородов. Сыромятниковское дело 44

Н. Сухорукова. Иван Конев — художник из Ханты-Мансийска 189

Источник

Н. Лискевич. О недовольстве обдорскими торговцами в 1916 г. 51

Л. Костиков. Одна из причин экономического истощения туземцев
Крайнего Севера Сибири 130

Тропа жизни

Тернистый путь отца Всеволода. *Материалы собрал
и прокомментировал В.К. Белобородов* 117

Эпистолярный

«Ни о ком так не думается, как о тебе». *Подготовили к печати
Н. Сухорукова и В. Белобородов.
Публикация Е.И. Пискунова.* 152

Стол находок

Драгоценная паутина	194
<i>В. Кузнецов.</i> Сергей Иосифович Карцевский	198
<i>С. Карцевский.</i> Ямкарка	203

Круг чтения

<i>Константиныч.</i> Яблоко от яблони... ..	245
<i>Лукич.</i> Бремя истории своего края	248

Постскриптум

«Поэт, сторонившийся славы»	251
Детство и юность Г.Н. Тверитина	258

Юбилеи

Геннадий Райшев, знакомый и неожиданный	263
---	-----

Злободневное

<i>Г. Кондакова.</i> Когда уходят домовые... ..	268
---	-----

Подорожник
Краеведческий альманах
Вып. 11

Редактор-составитель
Валерий Белобородов

Издание осуществлено при поддержке
депутата Думы Ханты-Мансийского автономного округа — Югры
Алексея Владимировича Андреева

Корректор М. Кремлева

Подписано в печать 15.12.2009.
Формат 60x84/16. Гарнитура «PeterburgС».
Печать Riso. Бумага офсетная.
Уч.-изд. л. 11,6+0,3. Усл.-печ. л. 16,68. Тираж 300 .
Заказ № 29.

Адрес для переписки: 625003, г. Тюмень, ул. Республики 10/2.
Тел. 8(922) 48-369-48.
e-mail: lukitsch_mandr@mail.ru